

ПРАХ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

КРИСТОФЕР
РУОККИО

Пожиратель Солнца

Кристофер Руоккио
Прах человеческий

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Руоккио К.

Прах человеческий / К. Руоккио — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Пожиратель Солнца)

ISBN 978-5-389-25174-8

Красный отряд пал жертвой предательства, но успевшие расползтись по Империи слухи о гибели Адриана Марло оказались ложными – он возвращается из съельсинского плена. Адриану удастся встретиться с императором Вильгельмом и предупредить о грозящей опасности: съельсинам известен маршрут императорского турне и в любой момент они могут атаковать. Но Вильгельм отказывается прекратить путешествие, поскольку он не желает предстать трусом перед своими подданными. И Адриан получает от правителя очередное невыполнимое задание: захватить тайную базу экстрасоларианцев, безумных ученых, вступивших в союз со съельсинами...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-25174-8

© Руоккио К., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	58
Глава 10	65
Глава 11	73
Глава 12	81
Глава 13	84
Глава 14	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Кристофер Руоккио

Прах человеческий

Посвящается Мэттью, Эндрю, Морган, Дилану, Ариэль, Ким и Ральфу. Моим братьям и сестрам – родным и обретенным

Глава 1

Паруса Харона

Заря.

Заря пробивалась над темными водами. Белое солнце Колхиды золотилось низко у горизонта. Соленый ветер сдувал со лба непослушные волосы, жалил лицо.

Я застыл у могилы Гибсона.

Валка ушла со всеми. Они отправились в старый прибрежный лагерь, а я остался стоять на коленях в грязи перед возведенным нами курганом. Древняя традиция предписывала, что тело лорда должно быть омыто катарами, забальзамировано, а органы удалены и помещены в погребальные урны. После этого наследникам положено провести три дня в бдении возле почившего, поочередно отлучаясь на сон – или вовсе отказываясь от сна. Гибсон как-то рассказывал, что мой отец справился с обрядом в одиночку, преклонив колени в часовне Обители Дьявола перед телом лорда Тимона, моего деда. Сам я помню, как лежала в порфиrowом гроте моя бабушка леди Фуксия. Нам с братом не позволяли к ней заходить, но мы ослушались. В том пурпурном зале я впервые повстречал Смерть, и ее зловоние с тех пор не покидало меня.

У нас не было ни катаров, ни погребальных урн, ни даже трех дней на бдение – возможно, это и к лучшему. Гибсон хотя и был палатином, но умер схоластом. По канонам его ордена схоласты должны быть кремированы, а их прах развеян по ветру.

Прах.

На кремацию тоже не хватило времени.

Оно вышло, истекло, кончилось.

Кажется, я уснул, сидя на пятках на утрамбованной земле. Или меня посетило очередное видение?

Передо мной раскинулся незнакомый океан, уходящий к горизонту вдоль усыпанного костями берега. Рыцари в зеркальных доспехах несли дозор у постели с красным шелковым балдахином, на которой умирал человек. Я лежал в такой же постели. С Селеной. С Селеной и Валкой. С одной лишь Валкой.

Один.

В полном одиночестве.

Напротив села женщина в золотых одеждах, с глазами, похожими на черные солнца. Картина сменилась, и я увидел Дораяику – Шиому Элушу, – идущего среди колонн Вечного Города в сопровождении Вати и Аттавайсы. Затем передо мной возникло улыбчивое лицо императора и, как в калейдоскопе, раздвоилось. Я моргнул и обнаружил, что на меня смотрят двое: я сам и принц Александр, сидящие на золотых тронах. Океан отступил, вода побежала прочь от моих ног, и я узрел мрак. Темный квадрат, обрамленный светом. Он был чернее самой черноты, чернее камней Аниты, чернее Ревущей Тьмы.

Окно в ночь.

Почему простое окно пробудило во мне такой страх и грусть?

Я прищурился.

Помню, как все это время меня трепал соленый ветер, пригибая к земле высокую траву, росшую вдоль утесов. Белые барашки волн рыжели в полуночном сиянии газового гиганта Атласа, лимб которого низко нависал над горизонтом, затмевая любую луну.

– Адр, пора, – хлопнули меня по плечу.

Отвернувшись от кургана Гибсона, я неожиданно увидел Паллино. Старый мирмидонец улыбнулся. Он был седовласым, как в день нашей первой встречи, а один глаз закрывала потерянная кожаная повязка.

– Ты уже вдоволь насиделся, Адр.

– Старина, как ты подкрался ко мне? – спросил я, привстав на колено.

Лишь тогда я вспомнил, что Паллино погиб, – и его образ растворился в воздухе. Я зажмурился и снова открыл глаза.

Рядом никого не было.

Ноги затекли. Я попытался подняться, но все тело заныло. Болью отозвалось искалеченное плечо, и я оперся о землю левой рукой с полыми костями, чтобы помочь себе встать. Я чувствовал себя измотанным. Наверное, хуже было только в первую ночь на «Ашкелоне», когда мы с Валкой сбежали с Актеруму. Я вспомнил Актеруму и Паллино, погибшего там с тысячами других солдат, вспомнил коронацию Дораяики – и это омрачило новый день, как бывает, когда серые тучи погребают бледное солнце.

Я потянулся и положил ладонь – правую, трехпалую – на верхний камень на кургане Гибсона. У меня не нашлось слов для прощальной речи или обещаний. Что вообще я мог сказать такого, чего он еще не слышал, не знал?

Ничего.

Я лишь смахнул с камня росу, обнажив едва заметную надпись, сделанную мной рыбацким ножом. Улыбнулся, глядя на нее, и подставил лицо солнцу.

Время пришло.

Первой меня увидела Валка. Возможно, она, как и я у могилы Гибсона, несла дежурство в старом лагере, не прерываясь на сон.

Валка без слов обняла меня и обхватила холодными пальцами мое лицо.

– Как ты? – спросила она, когда мы отпустили друг друга.

Оглянувшись, я увидел Имру – удивительно похожую на Сиран – в дверях жилого модуля, оставленного здесь столетия назад Красным отрядом.

– Призраки совсем замучили, – с улыбкой ответил я.

– Ты сам выглядишь как призрак, – заметила Валка, отвлекая меня от юной хранительницы Фессы.

– Ночь выдалась длинная.

Я обнял ее за плечи и снова постарался улыбнуться.

Валка сделала шаг назад. Ее золотистые глаза внимательно, оценивающе осмотрели меня.

– Тебе бы вымыться. Я уже почти все погрузила в лодку. Имра говорит, можем отправляться, как только будешь готов.

– Я готов. Выхожу на «Ашкелоне». Ни к чему задерживаться. В Империи уже знают, что мы здесь?

– Наверняка, – кивнула Валка. – Мне пришлось представиться по имени, чтобы вызвать Гибсону врача. Они это точно заметили.

Я бросил взгляд на море, на серую громаду у светлеющего горизонта – остров Раха – и повернулся к Имре:

– Боюсь, я подверг ваш народ опасности.

Севрастийка произнесла на своем языке то ли молитву, то ли проклятие – об этом я мог лишь гадать – и махнула рукой, как будто что-то выбросила.

– Они нас не потревожат. Им нужны вы.

– Тем более уезжаем как можно скорее.

Я бы не простил себя, если бы с островитянами что-то случилось.

– Куда вы теперь? – спросила Имра.

Мы с Валкой молча переглянулись. После визита на Фессу и другие острова я собирался напрямик на Ээю и в атенеум Нов-Белгаэр, но неожиданная встреча с Гибсоном, дожившим до моего возвращения вопреки всем надеждам и логике, поколебала нашу решительность. После стольких лет на «Ашкелоне», после того черного дня на Эуэ и моих долгих мучений на Дхаран-Туне я никак не мог заставить себя вернуться в Империю, отдаться на ее суд и произвол.

Я не хотел покидать Гибсона.

Но твердо знал, что должен.

Не сводя глаз с Валки, я ответил Имре:

– Отправимся в город. Устроим сюрприз. Высадимся прямо в Нов-Белгаэре и поговорим со схоластами...

Я запнулся, вспомнив, что Гибсон бормотал в горячечном бреду. Он говорил о своем сыне – настоящем сыне – и принимал меня за него. Он звал каких-то Алоиса и Ливия и считал, что находится на Белуше, самой страшной имперской планете-тюрьме.

– Атенеумом по-прежнему руководит примат Арриан? – обратился я к Имре.

– Арриан? – переспросила она, сдвинув темные брови.

Это представлялось вполне вероятным. Когда мы в прошлый раз прилетали на Колхиду, Тор Арриан был еще молод; вдобавок он – сам из дома Авентов – приходился родней императору. Безусловно, за столетия примат не мог не состариться, но умирать ему было еще рановато.

– Имя знакомое. Императорский кузен или вроде того? Мы с горожанами мало контактируем, но, кажется, он до сих пор там.

– Хорошо.

Представ перед членом императорской семьи, я бы усложнил задачу для Капеллы и других ведомств, готовых воспользоваться любой возможностью устранить меня.

У генерал-губернатора Ээи был телеграф, напрямую связанный с кораблем императора. Я мог бы, минуя Имперский совет и отдельные министерства, послать сообщение лично кесарю по линии, о которой он сообщил мне, когда мы впервые отправились на Колхиду. Телеграф был и на «Тамерлане», а вот на «Ашкелоне» его не было.

– Мой арест должен получить как можно большую огласку, – заявил я.

– Арест? – недоуменно спросила Имра.

Она, очевидно, думала, что в Империи все на одной стороне и готовы горой стоять друг за друга.

– Задержание, назовем это так, – ответил я.

Нас с Валкой наверняка считали погибшими от рук сельсинов. Если Дораяика сдержал слово – а у меня не было причин сомневаться в этом, – то Лориан Аристид уже добрался до Форума с новостями об объединении сельсинов в одну бледную империю, более чем готовую соперничать с нашей, алой.

Я мысленно передвигал шахматные фигуры.

Наше спасение станет большой неожиданностью.

– Может, лучше отправиться к генерал-губернатору? – предложила Валка.

Нов-Белгаэр не входил в наши изначальные планы, которые мы обсуждали всю дорогу.

Она еще не успела договорить, как я помотал головой:

– Мне нужно увидеться с Аррианом. Задать кое-какие вопросы.

– О Гибсоне? – шагнула ко мне Валка.

Я потянулся, чтобы пригладить свои спутанные волосы, но заметил на ладони грязь. Пальцы были покрыты запекшейся кровью: фаланги растрескались от вчерашних трудов. Тонкие царапины на запястьях краснели рядом с бледными старыми шрамами. Все тело ныло.

– Гибсон так и не рассказал мне, кто он такой.

– Какая разница? – нахмурилась Валка. – Важно, кем он был для тебя.

– Но как он заплатил за все это? – спросил я, раскинув руки, словно хотел обнять остров. – Один только медицинский модуль стоит десять миллионов марок! Как его доставили сюда незамеченным? Разве тебе не интересно?

По правде говоря, сейчас я подозреваю, что Валке на самом деле все было известно. Я часто ложился спать рано, а она оставалась наедине со стариком и беседовала с ним порой до утра. Но тогда я об этом не задумывался.

– Имра! – окликнул с берега грубый мужской голос. – Доктор спрашивает, когда мы отправляемся!

Это был Альвар, брат Имры. Он стоял на каменном причале, сооруженном раханцами, и кричал, сложив ладони вокруг рта.

Праправнуки Сиран...

– Что?!

Солнце как будто осенило Имру и Альвара нимбами, и я на миг улыбнулся между его вопросом и ее ответом. Из моих поступков, сколь бы незначительны они ни были, из Красного отряда все-таки зародилось нечто хорошее. Сиран умерла, но умерла счастливой, оставив после себя наследников. Лориан до сих пор где-то жив. А еще был Хлыст – хотя я не сомневался, что он-то давным-давно умер. Обрел ли он счастье, несмотря на обиду? Улыбка сползла с моего лица, когда я понял, что, прогнав его, спас от гибели на Актеруму. Мог ли я спасти остальных, если бы прогнал и их тоже?

– Говорю, доктор спрашивает, когда мы возвращаемся! Ей домой пора! – прокричал Альвар.

– Скажи, что скоро! – ответила Имра. – Валка уже все упаковала, а лорд Марло спустился с горы!

Альвар на миг замешкался и, всмотревшись, обнаружил меня рядом с женщинами.

– Милорд, как вы?

Я молча помахал ему, дескать, все в порядке, и спросил Валку:

– Что еще осталось собрать?

– Только твои вещи. Я их более-менее рассортировала, пока ждала тебя. Не трогала лишь то, что может скоро понадобится. Тебе бы самому на них взглянуть. Это недолго.

Пожалуй, она была права. Я кивнул в ответ и прошел мимо них с Имрой в модуль, который мы делили с Гибсоном. Валка говорила, что это тот же самый, где мы с ней жили в первое прибытие на Фессу, но я не помнил. В отличие от большинства модулей, которые, по сути, были общежитиями на пятьдесят человек, наш предназначался для высших офицерских чинов. В нем было всего четыре спальни, а посередине располагалась общая комната, выходящая на веранду, которую пристроили местные. Таким был наш дом в те быстротечные годы, что мы провели на Колхиде, и, стоя сейчас на пороге, я понял, что больше не увижу его.

Я был здесь, потому что мне нужно было вернуться на Колхиду. Ради Сиран, ради Гибсона, ради того, чтобы вновь почувствовать себя полноценным. Могила Сиран в моем понимании стала монументом Красному отряду. Я возвел курганы по всему острову и похоронил Гибсона. У меня больше не было причин оставаться здесь. Я даже сомневался, что мне хватит сил снова подняться на погребальный холм среди скал.

Пора уходить.

Оказалось, что на самом деле Валка упаковала почти все мои вещи. Рядом со смятой постелью стояли два черных сундука, а на них – открытая сумка. Лишенная привычных эле-

ментов нашего быта, комната стала безжизненной, стерильной и как будто увеличилась в размерах. На серых простынях меня дожидалась свежая одежда. Не бриджи и льняная туника, которые я носил здесь, подражая местным рыбакам, а старый черный марловский мундир.

Подгоняемый временем, я избавился от грязной одежды, побросав ее прямо на пол, и залез в ванну. Меня встретило мое покрытое шрамами отражение. Челка и виски, когда-то черные, уже покрылись сединой. Но даже потный и грязный после ночного рытья могилы, я все равно выглядел лучше, чем в последние годы. Я больше не напоминал скелет, выползший из «Ашкелона», чтобы порезвиться в соленых брызгах под солнцем. Вместо него был не старый и не молодой мужчина с глубокими, как море, глазами и отстраненным взглядом. На исхудалых руках и ногах вновь выросли мышцы, но шрамов было не счесть, а движения оставались неуклюжими и болезненными. Левую щеку исполосовали следы сельсинских когтей, и все же в рассветных лучах казалось, что этот мужчина благородно их презрел.

На Колхиде наступал новый день. Для Адриана Марло он был прекрасен, как и любой другой.

Уродство мира никуда не исчезает, а время не лечит ни боль, ни страх. Страдания не забываются.

Но от каждого удара мы становимся сильнее.

Вымывшись и облачившись в черное, с кожаной сумкой на плече я покинул модуль. Валка не пришла меня поторопить, но я и не терял времени зря. Если на Фессу в поисках нас прибыли местные префекты, то мы обгоняли их на шаг: им предстояло найти одежду на полу, смятые постели и невыключенный кондиционер.

– Готов? – спросила Валка, поднимаясь с резной деревянной скамьи под круглым окном.

– Где Имра? – ответил я вопросом на вопрос.

– Уже на судне, – сказала Валка, заплетая косу.

– Гино с Альваром могут взять сундуки. Я все собрал, – кивнул я на сумку.

Валка протянула мне татуированную руку, и мы спустились по каменным ступеням к окруженному водой причалу. Благодаря близости Атласа приливы здесь были мощными, и сейчас волны захлестывали пирс со всех сторон. Дойдя до конца причала, мы расцепили руки, и я попросил Альвара, стоявшего у планшера, поторопиться и вместе с братом принести наши сундуки.

Имра вышла из крытой кабины, служившей маленькому траулеру капитанским мостиком. Солнце поднималось, и она надела широкую коническую соломенную шляпу с лентами под подбородком и подвязала пеструю льняную рубашу, чтобы не намочить. За Имрой появилась пожилая седовласая женщина в голубой тунике и шароварах. Врач, которая не успела помочь Гибсону.

– Ну что, едем? – спросила она.

Я смерил ее уничижительным взглядом. Человек умер. Лучший из всех, кого я знал. А эта женщина, видите ли, спешила. Я повернулся к носу корабля и, не удостоив ее ответом, забрался на полубак.

Рядом возникла тень.

– Думаю, твоя работа закончена, – сказал я, глядя на хранительницу Фессы.

Имра поправила пальцем шляпу, не сводя глаз с берега.

– Ничуть, – ответила она. – Мертвым все равно нужен хранитель. На севере острова теперь хоронят родных кое-кто из местных. Те, что побогаче. А когда узнают, что Полусмертный побывал здесь, чтобы возвести памятники павшим товарищам, жители всех островов захотят быть похороненными в этом месте.

Имра с улыбкой повернулась ко мне. Ее миндалевидные глаза и волевой подбородок придавали ей поразительное сходство с Сиран.

– На островах, – добавила она, – многие хвастаются родством с соратниками Марло. Если появится возможность приблизиться к легенде, пусть даже таким образом, они ею воспользуются.

– Легенда... – покачивая головой, процедил я, безуспешно пытаясь скрыть презрение.

Имра, кажется, не заметила.

– Хранители будут всегда, – сказала она, облокотившись о бортовой леер. – Подумать только! На мою долю выпало встретить вас.

– Я обязан тебе и твоей семье стольким, что и представить трудно. Вы присматривали за Гибсоном. Я благодарен вам... за все.

– Милорд, вы нам ничем не обязаны, – помотала головой Имра и пожала худыми плечами под льняной рубашкой. – Без вас никто из нас не появился бы на свет. Вы оставили здесь Сиран. Отдали ей приказ.

– Это она так сказала? – чуть не рассмеялся я.

– «Живи счастливо и поставь за нас свечку в святилище», – продекламировала Имра тоном священника на проповеди.

Я не сразу узнал свои же слова. Не вспомнил их.

«Нам понадобится помощь свыше».

Ставить свечи пришлось почти за всех...

– Я сказал просто «живи», – поправил я Имру после долгого молчания.

Это были мои последние слова, обращенные к Сиран с Эмеша в тоннеле у стартовой площадки эйского космопорта.

– А она не говорила, что я ее едва не проклял?..

Имра покачала головой:

– Я ведь не знала ее лично.

Хранительница прекрасно умела контролировать эмоции, и я не понял, что она чувствует.

– Но ты думала, что я ее благословил? Позволил остаться здесь в награду?..

Я поднял взгляд и увидел, как Альвар и Гино тащат первый сундук. Справа от нас чайка спикировала на воду, поймав неосторожную рыбу.

– ...Она не рассказывала твоим бабушкам, что нарушила клятву? Что практически требовала казнить ее за дезертирство?..

Что промелькнуло в глазах девушки? Ужас? Удивление? Замешательство?

Я выпустил воздух сквозь зубы:

– Когда-то у меня был друг. Он предал меня, и я... прогнал его. Сиран понимала, что, если предаст меня, если захочет уйти, я не стану ее останавливать. Я никого из них не останавливал.

Отвернувшись от Имры, я уставился на скалы у могилы Гибсона. Отсюда, с воды, она была почти различима.

– ...Теперь я жалею, что не отпустил с Сиран весь отряд. Тогда бы они тоже остались живы.

Я почувствовал, как Валка сверлит взглядом мой затылок. Мы проходили это уже тысячу раз.

– Милорд, никому не дано жить вечно, – пораздумав, сказала Имра.

Гино с Альваром занесли сундук на борт и отправились за вторым.

– Если бы они остались, их могилы все равно появились бы на Фессе, только копали бы их не вы...

Ее теплая ладонь коснулась моей руки.

– ...Боги даже зло обращают в добро. Если, как вы говорите, Сиран вас предала, это случилось для того, чтобы мы были здесь, когда вы вернетесь. И ваш отец. Я верю, что все зло, с которым вам довелось столкнуться, рано или поздно обратится в благо.

На это мне нечего было ответить. Я ведь и сам когда-то декламировал нечто подобное?

– Имра, ты знаешь, что живешь на невероятно красивой планете? – спросил я, оглядывая остров мертвых, прежде чем вновь повернуться к девушке.

– Знаю, – ответила хранительница с улыбкой.

Позади нее заулыбалась Валка.

– У меня никогда не получалось задержаться где-то надолго, чтобы увидеть красоту, – сказал я. – Всю жизнь. Всю жизнь я гнался за мечтой. Эту мечту предала Сиран, предал Хлыст – тот мой друг. Меня коробило, что у них были свои мечты.

Я положил руку на плечо хранительницы:

– Имра, я перед вами в долгу. Перед всем вашим родом. Перед Сиран. Вы напомнили мне, каково быть... человеком.

«Мы так часто не замечаем истины, потому что не смотрим себе под ноги».

Слова Гибсона как будто слетели с его кургана и разнеслись над водой.

– Вершина... у подножия мира, – кивнул я на гору, где он был похоронен.

Когда еще глядеть под ноги, как не стоя у могилы?

– Что?

«Ищи трудности».

– Ничего, – улыбнувшись, ответил я.

Альвар и Гино вскоре вернулись; швартовы были отданы, и лодка отошла от берега. Прилив стихал. Перекликаясь, рыбаки повели судно к Рахе, где ждал «Ашкелон», а дальше – целая вселенная.

Я перешел на корму, чтобы посмотреть, как остров скроется из вида.

Но он не исчезал.

Восходящее солнце озаряло серебристое море неярким светом. Лучи цеплялись за белые камни, венчавшие остров мертвых. Бесчисленные курганы блестели на заре бледно-огненными пальцами. Памятники не смерти, а славе.

Мои друзья погибли. Гибсон умер. Их души отправились в Ревущую Тьму, чтобы, в отличие от меня, никогда не вернуться.

В отличие от меня...

Я был жив и твердо знал, что не плыву в когти смерти, а возвращаюсь к жизни, в мир людей. И я был не один.

Валка взяла меня за руку.

Глава 2

Возвращение в атенеум

– Я хочу знать, кем он был, – повторил я, восседая на краю кресла.

Напротив меня, за океаном лакированного дерева, пергаментными островами и медными скалами письменных принадлежностей, прищурился постаревший примат Арриан. Когда-то он был принцем, представителем младшей линии правящего рода. Это общеизвестно. Приматы Великой библиотеки почти всегда императорской крови. Тор Арамини, спроектировавший атенеум Нов-Белгаэр и тайные архивы, где хранился мериканский деймон Горизонт, приходился родным братом императору Гавриилу Второму. Однако, выбирая новые имена, схоласты отрекались от прежней жизни и посвящали себя науке, учебе и служению.

Арриан был исключением. Его назначение приматом имперского архива было политическим ходом. Почему бы и нет? Большинство схоластов являлись палатинами, младшими сыновьями и дочерьми древних семейств. Каждый когда-то был другим человеком, со своими связями и обузами. Немудрено, что император предпочел видеть начальником крупнейшей библиотеки человека, связанного с ним кровью и долгом, и именно от него получать всю необходимую информацию.

«Только прошлое неизменно», – говорил мне Гибсон.

На Колхиде, где прошлое систематизировалось и сортировалось, это было более чем справедливо. Если на мой вопрос существовал ответ, то искать его следовало здесь.

– Лорд Марло, не приказывайте мне, – заявил примат. – На этот раз вы прибыли не по распоряжению императора.

Он сильно постарел. Прожитые столетия оставили на нем свой след. Рыжие волосы приобрели желтоватый оттенок слоновой кости. Прежде гладкое лицо покрылось морщинами, став похожим на источенный водой известняк. А глаза... эти фамильные изумруды, некогда такие же яркие, как у самого императора, выцвели в дымчатое стекло и спрятались за сложным оптическим прибором со множеством линз, благодаря которым Арриан до сих пор еще что-то видел. Однако его характер был выкован из имперского железа и не прогнулся под моим напором.

– А вы не угрожайте мне, примат, – холодно сказал я.

– Я и не угрожаю, – ответил Тор Арриан. – Просто напоминаю, ваша светлость, что пустил вас сюда из любезности, которой есть предел...

Он передвинул стопку бумаг, лежавшую перед ним. В камине – единственном источнике тепла в этой холодной каменной комнате – потрескивал огонь; пахло торфом.

– Вы весьма помогли нам в свой предыдущий визит, за что мы крайне признательны. В знак благодарности мы вновь открыли перед вами двери.

– Примат, не водите меня за нос.

Мне пришлось почти час простоять снаружи под мелким дождем, кричать и колотить в ворота. Лишь упоминание о смерти Гибсона заставило троих братьев в зеленых мантиях впустить меня и отвести к Арриану.

– Но мой прежний визит тут ни при чем, – прищурился я. – Вы впустили меня из любопытства.

– Мы считали, что Гибсон вот уже не одну сотню лет как мертв, – признал примат. – Островитяне даже привозили его прах.

Он положил на стол скрюченные узловатые руки и добавил:

– Да и вас тоже записали в погибшие.

Это удивило меня. Действительно, с моего прибытия на Падмурак прошло почти полсотни лет, но я не ожидал, что вести о моем исчезновении так скоро достигнут атенеума и разнесутся по Империи. Я думал, имперская пропаганда сочтет гибель Адриана Полусмертного информацией, недопустимой к распространению, а оказалось, что молва летит быстрее света.

– И все в это поверили? – спросил я, развивая мысль.

– Официального объявления о вашей смерти до сих пор не было, но слухи ходят...

Глаза примата за скоплением линз прищурились еще сильнее.

– Вильгельм попросил меня лично их подтвердить.

Вильгельм. Непривычно было слышать, чтобы императора упоминали так фамильярно.

Арриан откинулся в кресле и подкрутил линзы, чтобы лучше видеть меня на расстоянии. За стеклами его глаза выглядели громадными, придавая ему гротескный, почти совиный облик.

– Где вы были?

– Арриан, расскажите мне, кто такой Гибсон, – парировал я, – и я отвечу на все ваши вопросы.

– Скоро вам отвечать перед его величеством.

– Перед его величеством, безусловно, – согласился я. – Но не перед вами.

На этом разговор застопорился. Тор Арриан снял оптический прибор, повернул маленькую латунную ручку и снова водрузил аппарат на голову. Примат весьма ловко скрывал нетерпение, но я, за долгие годы привыкший к нюансам сельсинских жестов и выражений, легко читал его обеспокоенность.

– Перед смертью у Тора Гибсона случился удар, – сказал я. – Он забыл, где находится. Считал, что на Белуше.

Услышав название планеты-тюрьмы, Арриан быстро сморгнул.

– Примат, для схоласта вы чересчур эмоциональны.

Огромные затуманенные глаза снова заморгали.

– Схоластов много, – произнес Арриан. – Я не знаю настоящих имен и биографий каждого.

– Вздор, – без тени сомнения возразил я. – Вы примат Имперской библиотеки. Он был вашим архивариусом.

Схоласты были обучены запоминать колоссальные объемы информации. Мастерски владели мнемоникой. Нелепо было пытаться убедить меня, что он не знал о прошлом Гибсона.

Положив руку на стол, я слегка наклонился:

– Я понимаю, что мой запрос противоречит традициям. Но также знаю, что ответ на него не нарушит правил Предписания. Прошу вас, Арриан. Тор Гибсон был мне... как отец. Я хочу узнать его настоящее имя. Только и всего.

Тор Арриан снова перемешал бумаги и, кряхтя, поднялся. Для глубокого старика он был весьма проворен; его ноги в тапочках быстро зашуршали по тавросианскому ковру, расстеленному на гладком каменном полу. Из ниши над столом выглядывал бюст Зенона. Примат молча подошел к высокому сводчатому окну, выходившему на четырехугольный двор, коих в атенеуме было множество.

– Лорд Марло, вы знаете, что собой представляет наш орден? – спросил он, сцепив за спиной узловатые пальцы.

Я не ответил, почувствовав, что не должен мешать стариковской речи.

– Это канава, куда великие дома сливают свои нечистоты, – сказал Тор Арриан, опустив голову.

Я остолбенел. Я готов был услышать от примата что угодно, но не это.

– На одного из нас, наставленного имперскими лордами на вечное служение, приходится десяток бесполезных. В этих стенах заключены сыны и дочери Империи, кого родители сочли

недостойными. Те, кто оказался непригоден править, непригоден служить в легионах, непригоден стать священником... те, кого не смогли выгодно женить или выдать замуж.

– Как это? – спросил я, повернувшись к нему в кресле.

Труд схоласта требовал предельной дисциплины, многолетних занятий и тренировок, чтобы усвоить информацию, объема которой хватило бы на несколько библиотек.

– Спросите совета у кого-нибудь из братьев-кухарей, и они лишь тупо посмотрят на вас в ответ, – сказал Арриан. – Попросите их дать оценку имперским расходам за последнюю тысячу лет или рассчитать, сколько топлива должно производиться за определенный период в конкретном галактическом секторе, и они ничего вам не скажут...

Из окна на меня уставилось отражение примата.

– Большинство из нас здесь не по своей воле и не благодаря нашим талантам, а потому что мы – обуза.

Я был ошеломлен. Не мог поверить своим ушам. Мне в юности так рьяно хотелось стать схоластом, я так об этом мечтал! Откровения о том, что сюда попадают в наказание, были для меня столь же чужды, как грязные ямы Эуэ.

– Меня заставили вступить в орден, – признался главный схоласт. – В императорском роду много отпрысков... которым запрещено иметь детей еще со времен Великой хартии.

Тор Арриан умолк и снова снял свои сложно устроенные очки.

– Вы должны понимать, – вздохнул он, – что к нам приходят люди всех сортов. Изгои. Беглецы. Преступники. Мы обучаем даже крестьян, чтобы те могли вернуться назад в деревни в качестве инструкторов и советников, хотя истинным схоластом плебей, разумеется, стать не может. Они попросту не живут столь долго.

Без причудливого созвездия линз на лице примат снова стал похож на рыжеволосую копию императора, напомнил мне прежнего молодого Арриана, с которым я встречался в тот первый визит, только похудевшего и изможденного.

– Вот и в истории Тора Гибсона нет ничего необычного.

– Расскажите, – попросил я, изводясь из-за того, что старик тянул время.

Внутри меня змеиными кольцами вдруг начала сжиматься тревога.

– Вам известно о восстании сентябристов? – спросил схоласт и повернулся спиной к окну. Я помотал головой.

Он разочарованно вздохнул и сказал:

– Наша история слишком обширна, даже с учетом съельсинов. У нас чересчур много планет. Скоро мы не сможем фиксировать абсолютно все. Порой я думаю, что Империя того и гляди развалится под собственной тяжестью.

Я не стал говорить, что она уже разваливается, не стал напоминать о потере Наугольника.

– Это случилось еще до съельсинского вторжения, – продолжил Тор Арриан. – В начале шестнадцатого тысячелетия, во время правления дедушки нашего сиятельного императора. Принц Шарль Бурбон Пятьдесят Третий лишил своего старшего сына Филиппа наследства в пользу младшего, будущего Шарля Пятьдесят Четвертого, принца Веро.

– Дом Бурбонов? – пробормотал я, припоминая эту историю: принц Филипп Бурбон был отцом лорда Августина.

– Принц Филипп организовал покушение на брата. Оно не удалось, и тогда он переманил на свою сторону часть младших домов, присягнувших на верность Бурбонам. Почти двадцать лет шла пойна, пока сын Филиппа, ныне покойный лорд Августин, не сдал отца людям принца Шарля в обмен на собственную жизнь и свободу...

Одна линза сложных очков Арриана переместилась выше, вероятно отреагировав на слабую перемену в освещении.

– ...Не удивлен, что вы не знакомы с этой историей. Она случилась за несколько веков до вашего рождения, а Веро весьма далеко от Делоса. Но восстание сентябристов считается одним из худших примеров попойки за последние века.

Мои внутренности точно налились свинцом.

Я уставился в окно над головой примата и, как будто оправдываясь, ответил:

– Кое-что я о нем слышал. Но не название.

– Шарль Бурбон не отважился казнить брата. Принца Филиппа и его сентябристов сослали на Белушу. Насколько мне известно, большинство там и умерли.

– И Гибсон был одним из них, – поспешно сказал я, словно пытаясь отвести от себя тот ответ, который вот-вот должен был услышать. – Одним из сентябристов.

Теперь я решил, что зря приехал в атенеум.

Я знал, что сейчас скажет Тор Арриан.

– Нет, что вы, – произнес старый схоласт, уставившись на меня двумя зелеными лунами глаз в тон мантии. – Гибсон – это сам принц Филипп. Большую часть срока на Белуше он отмотал в крионической фуге – привилегии аристократов, знаете ли, – а потом подал прошение перевести его в атенеум Сиракуз. Принц Шарль убедил Имперский совет смягчить приговор, и его брату позволили принять Предписание и вступить в орден.

Я сжал губы и едва расслышал последние два предложения.

«Гибсон – это сам принц Филипп».

Я всегда подозревал, что Гибсон был отщепенцем какого-то знатного рода. Его долголетие подтверждало принадлежность к великим домам Империи. В детстве я фантазировал, будто он, как Арриан, был родственником самого императора. Когда отец яростно отчитывал меня или отправлял спать в холодную каморку, я успокаивался, убеждая себя в том, что Гибсон был знатнее лорда Алистера и обладал большим авторитетом.

Но такого я и представить не мог.

Знала ли Валка? Мог ли Гибсон рассказать ей?

– Гибсон был... – Я с трудом смог произнести имя: – Филиппом Бурбоном?

Я сунул руки в карманы шинели, чтобы Арриан не заметил, как они дрожат, хотя мне вряд ли стоило опасаться полуслеплого старика.

– Как я и сказал, – ответил примат. – Мы изгои, беглецы и преступники. Думаете, почему мы отрекаемся от прежних имен? Принцу Филиппу было позволено прикрыться именем Тора Гибсона и доживать свои дни анонимно, занимая должность, на которой он не мог причинить вреда Империи, а Империя, соответственно, не могла причинить вреда ему.

– Вреда Империи? – Я едва не усмехнулся. Едва. – Он ведь обучал меня.

А я убил его сына.

Эта мысль пронеслась сквозь меня, как ветер в открытый шлюз, и я застыл в кресле. Веселое потрескивание в камине причудливым образом аккомпанировало неслышному реву в моей голове. Августин Бурбон пытался меня убить, сговорившись с сэром Лорканом Брааном и самой императрицей. Они подстроили мне дуэль с наемным убийцей Иршаном и подкупили лейтенанта Касдон, чтобы та пронесла на «Тамерлан» нож-ракету. Им почти удалось разделаться со мной, а заодно и с Валкой. Я не должен был чувствовать ни ужаса, ни жалости.

Но я убил сына Гибсона.

«Зря я сюда прилетел».

Пусть Августин Бурбон был негодяем, пусть даже он предал самого Гибсона в его прежней жизни. Но я убил его, подстроил его смерть. И рассказал об этом Гибсону без утайки. Рассказал, как позвал Бандита, пока лежал, восстанавливаясь от ран, как велел Кариму любым способом избавиться от лорда военного министра. Мой учитель ни словом не обмолвился о родстве с ним, ни в чем не признался.

«Прости, мой мальчик, – сказал тогда Тор Гибсон, хотя извиняться и молить о прощении должен был я, если бы только знал. – Я хотел для тебя лучшей жизни. Этой жизни».

Он надеялся, что я стану схоластом, и сам я тоже мечтал об этом. В ордене Гибсон обрел новую, прежде неведомую свободу и желал мне той же участи.

Но из меня вышел совсем другой человек, а время невозможно повернуть вспять.

«Только прошлое неизменно».

Все по-прежнему было как в дымке, когда я вышел из главных ворот атенеума и начал долгий спуск с утеса к гостевой стоянке. Помню, в тот день солнце сияло особенно ярко и красиво, почти как на Фессе, и было белым, а не серым. Утренние дожди прошли, и к полудню тонкие облака, которые обычно прикрывали застланную туманом крепость-библиотеку и торфянистые болота вокруг, растаяли. На юге блестели бледные башни Ээи, белесыми и пепельными пальцами возвышаясь над зеленью. Внизу меня дожидался «Ашкелон», чей высоко поднятый задний плавник словно бросал вызов башням, чернея над изумрудными холмами.

Он был не один.

В небе стервятниками кружили три белых флаера, а еще шесть оцепили наш корабль на земле. Я ожидал увидеть их и потому задержался ненадолго, крепко сжав пакет, переданный мне приматом. Я выполнил обещание: рассказал старому Арриану обо всем, что со мной произошло, о том, что Содружество присягнуло сельсинам, об объединении сельсинов в де-факто империю, о своем побеге ценой гибели всего моего отряда.

Тор Арриан не пытался меня удержать. Он прекрасно понимал, что наше громкое прибытие к подножию горы не осталось без внимания властей. Мы оба знали, что мой дальнейший путь лежал в лапы Империи и ничто не могло это предотвратить. Когда я собирался уходить, Арриан передал мне кожаный конверт, потрескавшийся от времени. На нем не было ни марок, ни штампов, ни каких-либо отметок – лишь одно слово, выведенное поблекшими красными чернилами. Оно было написано очень давно, но почерк Гибсона нельзя было спутать ни с чем.

«Адриану».

– Мы нашли это, когда прибирались в его комнате, – объяснил примат. – После того, как островитяне сообщили о его смерти.

– И вы не стали проверять их слова, – с укоризной сказал я.

– Не было причин, – ответил Арриан. – Островитяне не давали повода подозревать их в нечестности.

Он, кажется, уже в сотый раз снял очки и протер их шелковой тряпицей, аккуратно сложенной на столе.

– ...Мы не рассчитывали, что вы снова нас посетите, но сохранили письмо.

– Вы его вскрывали? – подозрительно посмотрел я на примата.

– Да вы и представить себе не можете, сколько сувениров мы храним на память о наших братьях и сестрах, – сказал схоласт, водрузив очки на орлиный нос. – Включая целую коллекцию нечитанных писем.

– Вы их не отправляете?

– Трудам схоластов – как и самим схоластам – позволено покидать атенеум только по особому распоряжению снаружи, – ответил Арриан. – Повезло, что вы прилетели.

Я собирался вскрыть пакет на «Ашкелоне», но, увидев флаеры, понял, что возможности не будет – по крайней мере, в ближайшие часы, а то и дни. Остановившись на древних, истоптанных сандалиями ступенях Нов-Белгаэра, я сломал простую сургучную печать и быстро осмотрел содержимое конверта. Внутри было письмо и какой-то предмет, обернутый в прочный долговечный пергамент.

С волнением я достал письмо, сунув пакет под мышку, чтобы удобнее было читать. «Адриану» – было написано на письме, как и на конверте. Присев на крутую ступеньку, я сло-

мал вторую зеленую печать. Мне открылась знакомая паутина гибсоновского почерка, начертанная принятыми у схоластов зелеными чернилами.

Дорогой Адриан.

Не знаю, когда ты прочитаешь это письмо, но в галактике нет места лучше атенеума, чтобы сохранить его. Я не надеюсь, что ты вернешься сюда, когда я еще буду среди живых, но подозреваю, что однажды ты здесь объявишься. Мне не позволено отправлять тебе сообщений, поэтому придется просто написать его и ждать твоего возвращения.

Сейчас 27 октября 16607 года ИСД. Завтра я покидаю Нов-Белгаэр и отправляюсь на южные острова. Твоя подруга Сиран попросила коллегию прислать схоласта, чтобы задокументировать историю островов, и я взял эту работу на себя. Насколько мне известно, у нее теперь большая семья. Тебе может быть интересно с ними познакомиться...

Я опустил листок и улыбнулся небесам, игнорируя белые силуэты имперских флаеров, дожидавшихся меня внизу. Письмо было своего рода описательной картой с маршрутом, продолженным отсюда до Фессы и к белому куполу медицинского модуля.

– Вот же старый плут, – тихо произнес я.

Гибсон подробно описывал план путешествия на Раху через Ээю и Эгрис. Он еще немного рассказал о Сиран и ее семье, о том, как она в канун каждого нового года, когда атенеум на две недели открывал ворота для посторонних, приезжала навещать его. Мне было приятно узнать, что в мое отсутствие они подружились. Любопытно – как. Сиран встречалась с Гибсоном лишь мимоходом, когда мы впервые прибыли в Великую библиотеку. Вероятно, она вернулась сюда снова уже после того, как я оставил ее с олдерменом Лемом. Тосковала по своему героическому прошлому? Или просто из любознательности?

Я стал читать дальше.

Хотелось бы мне понимать, что с тобой происходит, но это уже за рамками моих стариковских познаний. Я не завидую твоему выбору. Часто думаю о тебе и хочу подтвердить то, что я когда-то сказал: ты весь в отца. Но я ни разу не говорил тебе иного, хотя должен был: ты всегда был мне как сын. Сын, о котором я мечтал.

Твой Тор Гибсон

Я тихо заплакал.

У греков существовало понятие катарсиса, процесса высвобождения эмоций через переживание трагедии. Я всегда представлял это так: ты разбиваешься, но не на тысячу осколков, а, наоборот, на один.

Узнав то, что узнал, я разбился.

В письме Гибсона не было признаний, не упоминалось, что он задумал заморозить себя на Фессе с помощью Сиран и что он приходился отцом лорду-министру, которого я погубил. В нем не было упреков и откровений.

Но старик – Тор Гибсон, он же принц Филипп – на этом не закончил.

Внизу был постскриптум.

К письму прилагается замена подарку, что ты так безответственно потерял во время бегства из дома. Будь внимательнее. Сомневаюсь, что мне удастся найти еще один экземпляр, если ты потеряешь и этот. Думаю, тебе пригодится.

Враз онемевшими пальцами я вытащил сверток из кожаного конверта и сломал печать. Коричневую обложку узнал мгновенно. Издание было точь-в-точь таким же, с оттиснутым изображением плачущего глаза под названием романа.

«Король с десятью тысячами глаз».

Я открыл книгу, основанную на легендах о Кхарне Сагаре, стараясь не вспоминать встречу с настоящим Кхарном, – и увидел его, вложенное под обложку, как и первое.

Рекомендательное письмо.

На конверте было выведено алым: «Примату». Зеленая сургучная печать была без оттиска, ведь поставивший ее схоласт не имел ни звания, ни титула, ни имени, за исключением того, которое он принял, когда дал клятву Предписанию и ордену.

Я не стал открывать конверт.

В этом не было нужды.

Глава 3

В реальном мире

С подарком Гибсона в руке я пересек дорогу, что вела от Ээи на север в обход библиотеки, спускаясь по пологим склонам к болотам. Значительная часть этой территории была не обжита и не обработана – пышная зеленая пустыня, покрытая мхами и чахлой травой, с редкими одинокими деревцами, проросшими из семян, случайно принесенных птицами. Спустя тысячи лет после прибытия сюда людей Колхида до сих пор представляла собой бутон, не готовый расцвести. В космосе было много таких планет, экосистема которых, несмотря на все ухищрения, веками не превращалась в подобие земной. Голые холмы Колхиды отчасти напоминали влажные пустоши Эуэ, и я, вздрогнув, приподнял воротник, чтобы защититься от ветра.

Когда я впервые побывал на Колхиде, то полюбил ее и отчасти люблю до сих пор. Но нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ступить на одну и ту же планету. Все течет, все изменяется. Высшей целью и добродетелью цивилизации должно быть сохранение прекрасного. Ради этого мы бросаем в землю новые семена. Даже если у нас не получится сберечь деревья, мы можем возродить леса. Если Землю действительно не вернуть, то лучшее, что мы можем сделать, – это вырастить ее детей среди звезд.

Подобные мысли всегда посещали меня на пустошах вроде этих болот. Человек – садовник и эконо́м мироздания и несет большую ответственность. Быть может, стоит посадить здесь чуть больше деревьев – и это место перестанет напоминать проклятые пустыни и заполненные слизью ямы той холодной, сырой преисподней, что живьем поглотила моих товарищей.

Но деревьев здесь почти не было.

Передо мной возвышался похожий на наконечник стрелы «Ашкелон», высунувший тонкий хвостовой плавник из-за пологих холмов. Он выглядел бы здесь одиноко, если бы не приземистые шаттлы, припаркованные в паре сотен футов от посадочной площадки, и не красно-белые «Пустельги», кружащие в небе. По мере приближения я пересчитал легионеров, выстроившихся между шаттлами и кораблем. Их было почти тридцать.

– Стой, кто идет?! – выкрикнул солдат в безликой красной маске.

По золотым медальонам я узнал в нем центуриона.

Несколько караульных направили на меня станнеры, другие крепче взяли за копья.

– Я безоружен! – ответил я, выронив сверток на мшистую землю, чтобы показать пустые руки.

– Назовитесь! – гаркнул центурион, на ходу расталкивая подчиненных.

– Сами знаете, кто я! Где Валка?

– Здесь! – отозвалась она и вышла из люка в сопровождении двух бритоголовых солдат.

– Я сказал: назовитесь! – повторил центурион, поднимая станнер.

– Какой радушный прием! – огрызнулся я. – Лорд Адриан Анаксандр Марло, Королевский викторианский рыцарь, родом с Делоса. Опустите проклятую пушку, центурион, и прекрати строить из себя дурака!

Я сам удивился тому, что разозлился. Хотел же мирно сдаться легионерам, но страх за Валку пересилил. Много лет я провел вдали от Империи и больше не чувствовал себя здесь в безопасности.

Волнение солдат было столь сильным, что я буквально ощущал пятками их дрожь. Они неуклюже переминались, а кое-кто так опешил, что даже перестал целиться.

– Неужели и правда он? – прошептал один.

– Опустить оружие, – приказал центурион и первым подал пример.

За его красной маской не было видно ни тени эмоций.

Он направился ко мне и, остановившись в пяти шагах, произнес:

– Ушам своим не поверил, когда поступил вызов. Мне еще в детстве рассказывали, что вы погибли.

Мне пришлось напомнить себе, что этот офицер наверняка был настолько молод, что еще не родился во время нашей высадки на Падмурак. Вся его жизнь умещалась в промежуток времени от моего прыжка с фаэтона в Ведатхараде до сего дня, а может, даже от того момента, когда я проснулся во тьме в компании Северин и Сириани.

Я промолчал. Тогда центурион преклонил передо мной колени.

– Милорд, мне приказано доставить вас и госпожу к генерал-губернатору Дорру.

– Она не госпожа, – ответил я, переглянувшись с Валкой, не сдержавшей улыбки. – Она доктор.

Я наклонился и поднял сверток Гибсона с книгой и письмом.

– Центурион, мы арестованы?

Он помедлил с ответом, позволив мне многое понять.

– Милорд, вы будете гостями генерал-губернатора.

– Ясно, – ответил я. – Дайте мне немного времени, чтобы собраться. Не хотелось бы предстать перед вашим начальством в неподобающем виде.

– Конечно, милорд.

Бояться не стоило. Несмотря на напряженную встречу, солдаты были с нами обходительны, хотя и конфисковали у Валки пистолет. Мне сдавать было нечего, меч Олорина теперь покоился на морском дне у Фессы. Удивило, что на нас даже не попытались надеть наручники. Хороший знак. Мы ведь не знали, какой именно империи сдаемся. Теплилась надежда, что генерал-губернатор будет ко мне благосклонен и окажется не связан с императрицей и старыми «Львами» или, хуже того, с Капеллой. На тот момент казалось, что эти надежды оправдываются.

Группа солдат осталась, чтобы отогнать «Ашкелон» в космопорт Ээи, а нас с Валкой усадили на небольшой флаер. Сопровождающие не говорили ничего, что не было предписано протоколом. Нас высадили посреди ограниченного высокими каменными стенами двора, который, насколько я помнил, был частью губернаторского дворца.

На стенах стояли патрули в имперских красно-белых доспехах. Такие же солдаты несли караул в коридорах и на крытых колоннадах. Нас проводили внутрь без промедления. Пара попавшихся навстречу логофетов в серой униформе разинули рты, а горничная в черной юбке вытаращила глаза и выронила серебряный поднос.

– Нас считали мертвыми, – прошептала Валка на нордейском.

Я помотал головой. Не важно, считали они так или нет. Дело было в другом: для многих мы являлись персонажами сказок, мифов, легенд. Все равно что Ясон и Медея, вернувшиеся из долгого плавания, или сэр Тристан и Изольда, Кир и Амана. Они бы удивились не меньше, предстань перед ними Тор или Сид Артур.

Один старик в черном офицерском мундире отдал мне честь. Я не отсалютовал в ответ. Не хотел, чтобы он увидел мою изуродованную руку.

Кабинет генерал-губернатора был там же, где и раньше, на четвертом этаже административного крыла, и выходил на угол Передней и Солнечной улиц, где стояло здание Капеллы с зеленым медным куполом и минаретами, украшенными иконами добродетелей. Над ближайшим минаретом сияла белая статуя Великодушного Милосердия, раскинув за спиной ангельские крылья. Гранитный пол в кабинете и встроенные шкафы не поменялись с моего прошлого визита, как и громадный стол из массива черного дерева.

Сменился только человек за этим столом.

В прошлый раз генерал-губернатором была высокая невозмутимая женщина с золотыми волосами и бледными глазами. Я даже имени ее не помню. Она наверняка уже умерла – еще одна жертва мимолетного времени. Ее место занял широкоплечий мужчина с желтой бородой, одетый в белый костюм с красной перевязью. На пальцах блестело множество колец и перстней, как будто он подражал самому кесарю.

Когда мы с Валкой вошли, он резко вскочил, пораженный не меньше солдат и прислуги.

– Земля и Бог, едрить его, император, – вырвалось у него, и он тут же изобразил рукой знак солнечного диска, как будто эта мелкая набожность могла оправдать его богохульство. – Это и правда вы! Думал, ошибка какая-то. Адриан Марло... – Он потряс головой. – Подумать не мог, что доживу...

Он обошел стол и протянул мне руку:

– Велан Дорр, генерал-губернатор Колхиды.

Теперь мне было не скрыть увечья. Я с улыбкой пожал лапищу генерал-губернатора, но ничего не сказал. Если он и заметил отсутствие пальцев или шрамы на моем лице и кисти, то не выдал этого.

– Милорд, как вы здесь оказались? Зачем? Ходили слухи, что вы... погибли! – воскликнул он и, отстранившись, посмотрел на Валку и стражу, как будто ожидая от них ответа.

– Я хотел бы воспользоваться вашим телеграфом, – пояснил я. – У меня есть информация, предназначенная только для императора.

– Где вы пропадали? – спросил Дорр, отходя от первоначального шока. – Последний ваш отчет был получен во время стоянки по дороге в Содружество. Я только что перепроверил. Это же почти сто лет назад.

– Генерал-губернатор, мне как можно скорее надо поговорить с императором, – настойчиво произнес я.

Дорр и его люди казались вполне доброжелательными. Я рассчитывал, что напористость позволит мне побыстрее покончить с формальностями и оказаться в безопасном месте. Вернувшись на имперскую территорию, я совершенно не хотел сразу же докладывать о событиях на Падмураке и Дхаран-Туне. Не хотел изливать душу перед этим человеком, зная, что мне предстоят допросы Разведывательной службы легионов, Имперского совета и канцелярии.

– Невозможно, пока я не узнаю, в чем дело! – парировал Велан Дорр. – Присядьте.

Он указал направо, на красные бархатные кресла под высокими окнами с видом на Солнечную улицу. Между окнами было приколочено чучело головы афирасийского ксанарта с оскаленными зубами-кирпичами размером с человеческий кулак. Дорр сделал три шага к креслу, прежде чем понял, что я не следую за ним, и остановился.

Я знал, что выхода нет. Отказаться означало продемонстрировать враждебность, заставить Дорра превратить беседу в допрос. Я перевел дух, оглянулся на стражу и прежде не замеченных слуг, устроившихся в углу у раздвижных дверей.

– Отошлите посторонних, – по-прежнему властно потребовал я.

Велан Дорр не повиновался, и я добавил:

– Милорд, то, что я вам расскажу, не должно покинуть пределы этого кабинета.

Дорр задумался, скрестив руки на груди, и наконец двумя пальцами дал отмашку:

– Оставьте нас. Все до единого.

Повернувшись ко мне спиной, он снова направился к окну и, тронув правое ухо, произнес:

– Ада, будьте добры, пришлите Нуму.

Дождавшись, пока стража и слуги покинут кабинет, он тем же жестом указал на полукруг дорогих кресел:

– Прошу, садитесь.

Как всегда, более благоразумная Валка решила за меня, устроившись на ближайшем сиденье.

Дорр расположился прямо под головой гиганта-ксанарта и обратился к госте:

– Вы, как я понимаю, доктор Ондерра?

– Она самая, – сказала Валка и криво улыбнулась, что было дурным знаком.

– Желаете что-нибудь выпить? – спросил нас обоих генерал-губернатор, когда я сел рядом с Валкой. – Вина? Бренди? У меня есть афирасийское фенни. – Он ткнул пальцем вверх на ксанарта. – Я жил там в молодости. Люблю погрезить о былых временах.

– А зивания у вас есть? – спросил я, вспомнив самый крепкий напиток из известных мне. Вдруг показалось, что не помешает выпить чего-нибудь этакого.

– Джаддианское пойло? Нет, милорд.

– Тогда давайте фенни.

– А мне вина, если позволите, – добавила Валка.

Секундой спустя двойные двери открылись, и я увидел на пороге худощавого лысого мужчину. На нем была зеленая мантия схоласта, на груди висели тяжелые бронзовые медалионы, демонстрирующие уровень его образования.

– Звали, милорд?

– Нума! – воскликнул Велан Дорр, указывая схоласту на нас с Валкой и одновременно доставая из буфета посуду. – Хорошо. Твое присутствие будет весьма кстати. Лорд Марло, доктор Ондерра, это мой советник Тор Нума. Можете при нем обсудить все, что собирались рассказать мне.

– Я бы предпочел поговорить напрямую с императором, – повторил я, последний раз попытаюсь добиться своего.

– Понимаю, – ответил Дорр, предлагая мне стакан с прозрачным напитком, в котором плавал шарик льда. – Но здесь императора представляю я.

Неостановимая сила. Недвижимый объект.

Прекратив спорить, я взял стакан и сказал, срывая словами бинты со старых, полужалеченных ран:

– Красный отряд погиб. Мы попали в плен на Падмураке. Нас предали.

Я залпом проглотил терпкий, вязущий напиток и скривился, добавив:

– У сьельсинов теперь единый вождь.

Кажется, в первый из сотни раз я пересказал все, что случилось с тех пор, как наш корабль ушел с Колхиды к Падмураку. Поведал о прибытии в Содружество и великий город Ведатхарад, о том, как замаскированные под революционеров гвардейцы конклава напали на меня на мосту. О нашем бегстве через город и о своем ошибочном решении вскочить на фаэтон преследователей, что закончилось заключением в лотрианскую тюрьму.

Но о видениях, посещавших меня в заточении, – а также о прочих фантомах – я упомянуть не стал. Однако сообщил, что лотрианцы, вступившие в сговор с черными колдунами МИНОСа, передали меня сьельсинам.

Когда я рассказал об этом союзе, Велан Дорр выругался так, что даже Валка покраснела от смущения.

– Значит, мы окружены, – заметил он. – На востоке, в Наугольнике, – сьельсины, на севере и западе – лотрианцы.

Мне показалось, что он готов сплюнуть прямо на дорогой ковер.

– И запасы продовольствия у них неограниченны, – вставила Валка.

Я вспомнил Смотрока и Перевозчика, Магду и всех рабочих-зук, разбросанных на лотрианских планетах. Вспомнил трясущихся от страха изуродованных рабов на Дхаран-Туне, эти легионы страдальцев, трудящихся под коркой омерзительной планеты. По сути, их использовали как скот.

Запинаясь, я продолжил рассказ о Сириани Дораяике, о большом дворце Дхар-Иагон, о «Белой руке» – Иэдир Йемани, о МИНОСе и о том, как мне стало известно, что «Тамерлан» захвачен вместе со мной. Об Эуэ, о войсках Дораяики, которые триумфально прошли перед другими его сородичами-князьями. О том, как Дораяика заключил альянс с Пеледану и Атта-вайсой. Об аэтаванни.

– Он всех их убил? – ужаснулся Дорр, когда я взял паузу, чтобы опрокинуть вторую порцию фенни.

– Да, – кивнул я, обхватив ладонями холодный стакан, а Валка придержала меня за руку, чтобы я ненароком его не выронил. – Люди-союзники Дораяики выпустили нейротоксин, который убил всех съельсинов в храме. Я думал, что тоже погибну...

Я дошел до описания торжественного пиршества: как по приказу Дораяики рабы-генералы «Белой руки» раздали тела младших князей на растерзание толпе Бледных... Рассказал и о том, как голова Бастьена Дюрана скакала по зеленым мраморным ступеням, а тело упало, будто поваленное дерево. Я словно наяву услышал последний залп орудий «Тамерлана».

Элара погибла. И Бандит. И Айлекс. Со мной остался только Паллино, но и его ждала смерть среди развалин «Тамерлана». Я не стал упоминать о Тихом и о другом Адриане, вложившем мне в руку свой меч. О Миуданаре обмолвился лишь вскользь, описав черный храм черепа Сновидца как обычное здание. Дорр и Тор Нума все равно бы не поверили, расскажи я правду. За время моего повествования «Тамерлан» как будто разрушился снова, и я в забытьи вернулся на винтовую лестницу и прошел по рукаву к ангару, где пробуждался спящий «Ашкелон».

Из шлюза появилась Валка. Моя любовь и спасение! Она вскинула руку и заклинанием убила моих преследователей. Заревели двигатели; Корво осталась у орудий, чтобы прикрыть наш отлет.

Я умолк, в очередной раз вспомнив, как Отавия Корво провожала нас взглядом с мостика, стоя за защитным стеклом от ударной волны и радиации, выпущенной «Ашкелоном» при прыжке в гиперпространство. Скольких съельсинов мы уничтожили этим прыжком? Мне хотелось думать, что сотни... что они посыпались с остова «Тамерлана» замертво, пораженные таким ярким голубым светом, какой не смогли различить даже их нечеловеческие глаза.

В тишине, последовавшей за моим рассказом, Корво отвернулась от тактической панели под капитанским креслом, за которой обычно сидел Лориан, взяла винтовку... и принялась ждать.

Последний воин в Актеруму – капитан, погибающий со своим кораблем.

На мое воображение как будто опустился занавес, скрыв последние подробности истории.

– И тогда мы взяли курс сюда, – произнесла Валка, подхватывая мой рассказ.

С ближайшего минарета за окном блаженно улыбалось Великодушное Милосердие, которое древние звали Элеос.

– Почему сюда? – поинтересовался Тор Нума.

Безупречный схоласт задал логичный вопрос.

Я посмотрел на него, изучая узкое бледное лицо, изумрудную мантию, которую когда-то так хотел надеть сам, и бронзовые медали. Насколько откровенен я должен с ним быть?

– Потому что мы бывали здесь раньше, – ответил я, прежде чем мои мысли выдали себя.

– Колхида была ближайшей известной нам планетой, – добавила Валка. – Нам бы вряд ли удалось добраться до Форума или вернуться на Несс, не имея полноценного экипажа.

– У вас не было команды! – воскликнул генерал-губернатор Дорр, лишь сейчас осознав это. – Как же вы справились? Вы ведь пересекли территорию Содружества... на это должен был уйти не один десяток лет.

– Двадцать восемь, – дала точный ответ Валка.

Я молча осушил третий стакан фенни.

– Вдвоем? – изумился Велан Дорр. – Чудо, что вы остались в здравом уме!

– Я почти все время пробыла в фуге, – призналась Валка, поворачиваясь ко мне.

Покосившись на нее, я отвел взгляд.

Серые глаза Дорра уставились на меня.

– В одиночку? – почти благоговейно прошептал он.

Я кивнул и встряхнул изрядно растаявший шарик льда в стакане. Напиток из плодоножки кешью был крепче пальмового вина, любимого севрастийцами, но я всерьез подумывал прикончить бутылку. В воцарившейся тишине я оценивал, насколько рискованным будет сказать, что мы опасались попасть в руки Капеллы. Дорр был ставленником императора, но если инквизиция потребует нашей выдачи, он вряд ли сможет возразить.

Генерал-губернатор сидел с отвисшей челюстью. Меня вдруг охватило внезапное предчувствие. Я понял, что в будущем о Пожирателе Солнца наверняка сложат еще одну песню. О том, как Адриан Полусмертный больше десятка лет прождал у хрустального гроба своей дамы сердца! Я уже слышал баллады о том, как сражался в беззвучной темноте с демонами и самим дьяволом, украшающим отцовские знамена. Существовала даже весьма недурная опера Мартези, в которой я соперничал за душу Валки с правителем экстрасоларианцев.

Лучше бы это было так. Действительность – томительное и снедающее душу одиночество – была лишена романтизма, присущего вымышленным историям. В ней многого не хватало.

– Одного не понимаю, – заговорил Тор Нума вместо потерявшего дар речи Дорра, выдерживая меня из размышлений, но, как оказалось, обращался он к Валке. – Как вам удалось добраться до этого... Актеру?

До сих пор схоласт ни разу не присел, расхаживая вокруг кресла под головой ксанарта, где сидел Дорр.

– ...Марло утверждает, что после вынужденного расставания на Падмураке вы смогли проникнуть на лотрианское судно и на нем долететь до съельсинского корабля-мира, но нам с Веланом хотелось бы услышать об этом из ваших уст.

Мы с Валкой переглянулись.

– Это нужно для официального рапорта, – пояснил Нума, оказывая на нас аккуратное давление.

Я знал, что в ближайшие дни нам с Валкой – вместе или порознь – придется неоднократно пересказывать одну и ту же историю логофетам и представителям всевозможных учреждений и организаций. Мы уже потратили на это больше часа.

Валка вскинула брови и потеряла рукой шею.

– Все было, как вы сказали. Нам удалось скрыться, когда лотрианские гвардейцы захватили Адриана. Но «Тамерлан» уже попал в лапы съельсинов. По крайней мере, он не отвечал на вызовы...

Она начала свою историю, которую я прежде слышал полностью лишь однажды. О приключениях после черной мессы в Актеру Валка вкратце рассказала мне, пока врачевала мои раны. А вот полную версию я узнал от нее только к концу первого года пути на Колхиду, когда более-менее успокоился. Теперь мне было суждено выслушать это еще не раз – нас ежедневно допрашивали и требовали мельчайших подробностей для протокола, поэтому я так хорошо запомнил.

Читатель, возможно, вы полагаете, что мне следовало пересказать историю Валки раньше – например, пока она спала по дороге на Колхиду. Но я не мог. Тогда я думал, что это не обязательно, что и моих слов вполне достаточно. Кроме того, я не являлся прямым свидетелем тех событий, а значит, был не вправе о них говорить. Да и мысли о Валке и трех ее спутниках, вынужденных прятаться на вражеском корабле, до сих пор терзают меня.

Даже спустя несколько столетий мне по-прежнему больно вспоминать о том, что ей довелось пережить.

Но наступил момент, когда эту историю больше нельзя игнорировать. Она заслуживает быть рассказанной. Валка, Паллино, Корво и Карим – одни против сельсинов. Одиннадцать лет одиночества, пока я, скованный цепями, томился в подземельях Дхаран-Туна.

Я попробую пересказать так, как услышал в тот день под головой ксанарта и бдительным взглядом Элеос. Постараюсь. Только я не Валка. Мои воспоминания всегда были и будут неточны. Даже теперь, когда все изменилось, мой разум редко проясняется настолько, чтобы во всей красе представить те события и уловить их отголоски.

В отличие от Валки, я могу ошибиться, отвлечься или что-то забыть.

Но я проявлю усердие, ведь для этого настал подходящий момент. Другого уже не будет.

Глава 4

Воздух и тьма

– «Помоги Корво проехать, – сказал мне Адриан. – Я скоро вернусь». А сам открыл люк и вылез на крышу фургона. Я поняла, что произошло, когда было уже поздно. Он прыгнул на гвардейский фаэтон и перестрелял с него остальных. Прикрыл нас. Потом что-то произошло – я не видела что. Может быть, он развернулся, чтобы разобраться с преследователями, или пропустил поворот на тесных улицах. Я сидела рядом с Отавией и помогала ей вести фургон...

Она не упомянула, что для навигации по улицам Ведатхарада пользовалась эйдетической памятью. Это можно было достаточно легко скрыть, и Валка старалась не привлекать лишнего внимания к своим тавросианским имплантам. В Капелле хватало приоров и инквизиторов, которые не посмотрели бы на ее демархистское гражданство и отношения со мной.

– Мы вовремя успели к воротам, – продолжила она. – Адриан кричал «вперед!» по рации. Я думала, он прямо за нами. Он должен был быть недалеко.

– Не дотянул до ворот всего полсотни локтей, – сказал я и умолк под пристальным взглядом Валки.

– «Адриан! – кричала я. – Адриан! Тави, разворачивайся!»

Валка наклонила голову, и ее голос прозвучал как-то плоско. Я такое уже слышал. Когда ей приходилось повторять сказанное ранее, она обычно копировала интонацию и выражение. Один в один. Почти как на аудиозаписи – только звук срывался с ее губ, а не шел из динамиков. Но случалось – чаще всего в спешке, – что она просто цитировала слова без присущей им эмоциональной окраски. Еще секунду назад она старалась не выпячивать свое тавросианское происхождение, но теперь все стало очевидно. Нума точно не мог этого упустить. Будучи схоластом, он сам был близок к машинам и наверняка распознал симптомы. Но ни он, ни генерал-губернатор не прервали Валку, в то время как я уже готов был броситься на ее защиту.

– Было поздно, – продолжила Валка. – Ворота закрылись, но впереди дорога к космопорту была чиста. Точнее, так мы думали. Ворота с другой стороны тоннеля оказались закрыты. Отавия и Паллино предложили бросить фургон. Мы так и сделали. В это время в тоннеле появились гвардейцы. Мы с боем прорвались к служебному люку примерно в километре от выезда к порту. Паллино заминировал дверь при отходе, чтобы сорвать погоню.

Я мысленно представил, как Паллино ругается и приказывает остальным поторапливаться.

Как по команде, Валка наклонила голову в другую сторону.

– «Шевелитесь, собаки! Живее!» – кричал он. Но я сказала Отавии: «Мы должны вернуться! Адриан остался в городе! Нужно его спасти!» Отавия положила руку мне на плечо. «Валка, я знаю, – сказала она. – Они не станут его убивать. Он важный заложник. Лучше добраться до „Тамерлана“ и торговаться с позиции силы».

Валка приняла аргумент. В одиночку «Тамерлан» не мог тягаться со всей лотрианской армией, но с орбиты был способен нанести столице Содружества немалый урон – или, по крайней мере, дать лотрианцам это понять.

– Тогда мы еще не знали, что «Тамерлан» захвачен, – объяснила Валка. – Мы прошли по тоннелям до шлюза. Атмосфера Падмурака не подходит для земных форм жизни, а многие из нас, включая меня, были без специальных комбинезонов. Мы украли снаряжение для тех, кому оно требовалось, и разрежали люк, чтобы вылезти наружу. Добрались до космодрома. Лотрианцы как будто не ожидали, что мы проберемся через подземелья. Нам не оказали сопротивления. С воздуха не атаковали. Но наш шаттл угнали...

Валка как будто скукожилась, опустила плечи и воскликнула, не поднимая глаз:

– «Нужно что-то придумать!»

Я вздрогнул, ясно услышав в ее грубом возгласе интонации Паллино.

– И мы придумали, – повторила она уже своим обычным тоном. – Нас оставалось... семнадцать. Мы ворвались в ангар на краю космодрома и захватили военный грузовик. Потеряли восьмерых...

Дешевое стеклянное забрало лотрианского шлема разбилось от удара кулака Корво, и гвардеец начал задыхаться в холодном разреженном воздухе. Другого сразил кинжал Бандита, а третьего поджарил Паллино из плазмомета. Валка, облачившаяся в лотрианские доспехи, поспешно взбежала по трапу, не обращая внимания на искры и холодный пар охладителей.

– У меня был опыт пилотирования, – продолжила Валка. – Также я... владею базовым лотрианским. У нас получилось взлететь. Двигатели были термоядерными, поэтому взлет вышел резким. Не прошло и нескольких минут, как мы покинули Ведатхарад. Тут-то и наткнулись на съельсинов. – Она сцепила руки на коленях, поставив бокал на стол. – Это был не *oscianduru*, не корабль-мир. Я предположила, что это корабль класса «семь». Опустошенный астероид, которому придали классическую веретенообразную форму. Длиной километров триста. «Тамерлан» не выходил на связь...

Пальцы ее левой руки дрогнули и сжались. Ногти впились в правую руку.

– «Тамерлан» не выходил на связь.

Узнав симптомы червя Урбейна, я приподнялся:

– Валка...

Усилием воли она разжала левую руку и схватила ее правой.

– Мы с Отавией поймали сигнал с помощью ее передатчика, – продолжила она, оставив без внимания мое вмешательство. – Съельсины его не заблокировали. Так мы обнаружили их корабль. Он был на орбите одного из спутников Падмурака. У лотрианцев там военная база. Судя по всему, они... снабжали съельсинов продовольствием. Там сновали грузовые суда наподобие нашего. Отавия вышла на высокую орбиту над спутником, и мы присоединились к веренице кораблей. Это все, что мы могли сделать. Наш грузовик не имел варпенного двигателя, а возвращаться на Падмурак, чтобы спасти Адриана, было самоубийством. Мы почти целые сутки дискутировали. Спали по очереди. В конце концов решили следовать за «Тамерланом». Съельсины уже почти погрузили его к себе на корабль. Мы влились в лотрианский конвой, а когда приблизились, то сменили курс и прицепились к палубе.

– И вас не обнаружили? – удивился генерал-губернатор Дорр.

– Я много лет изучала съельсинскую судовую инженерию, – ответила Валка.

Она имела в виду тысячи часов, проведенных нами над чертежами, отчетами и голограммами, сделанными Разведывательной службой легионов по итогам изучения захваченных за годы войны съельсинских судов, включая корабли-миры. Первый и наиболее крупный, получивший условное название «Ехидна», был взят еще Кассианом Пауэрсом в ходе Второго кресгардского сражения в самом начале конфликта. С этого корабля были получены более сорока процентов от всех данных по съельсинам, доступных Империи. Этот трофей стал ключевым для понимания съельсинских технологий и тактики.

– У них буквально отсутствуют линии визирования, – пояснила Валка, – а радары ближнего действия неэффективны в зоне полукилометра от корабля. Если нас и засекли, то приняли за мусор. Или помехи.

Ответ, кажется, удовлетворил Дорра.

– Мы подумывали рискнуть и осмотреть поверхность, найти, как пробраться внутрь, но Бандит убедил остальных, что лучше не высовываться и не рисковать быть обнаруженными. Мы с Отавией по очереди караулили у рации, но сигналов не поступало. Основной реактор отключили, надеясь, что это поможет остаться незамеченными. Потом выяснилось, что у нас за груз, – сказала Валка, по-прежнему удерживая левую руку правой.

Мне было больно на нее смотреть, и я отвернулся, притворившись, что фенни сильно защищал язык.

Я, как наяву, видел то, что видела она: покрытые льдом полки, замороженные тела. Знал, что она чувствовала. Я сам пережил то же самое, когда меня притащили в зал заседаний Великого конклава на показ Первому пальцу «Белой руки» Пророка.

– Тела, – продолжила Валка. – Человеческие. На борту их было около двух тысяч.

Лотрианцы продавали врагам людей. Скармливали сельсинам. Угнанный корабль временно перевозил рабов и «скот». Груз предназначался для трудовых лагерей и пиршественных залов Дхаран-Туна.

Пока Валка в подробностях рассказывала об обнаружении содержимого трюмов, я подумал о другом похожем грузе. О двадцати тысячах человек, которых Райне Смайт отдала Кхарну Сагаре. Плата за организацию трагической встречи с Аранатой Отиоло. Что с ними стало? Пополнили ряды СОПов в личной армии Вечного? Стали пищей демонического Братства? Что-то еще?

Мимолетное время, прости нас.

– В конце концов мы решились сделать вылазку на поверхность, – сказала Валка, – но не успели, потому что сельсины прыгнули в варп.

– Навстречу Дхаран-Туну, – вставил я. – Я уже был на борту.

– Мы об этом не знали, – сказала Валка. – Паллино первым предположил, что тебя передали сельсинам.

Она наклонила голову и процитировала:

– «Помните Беренику? Этот Бледный гад требовал выдачи Адра. Зачем им „Тамерлан“? Валка, они его захватили, даже не сомневайся. Серолицые ублюдки выдали его. Зуб даю. И даже правый глаз».

Фантом Паллино исчез, и Валка, переведя дух, продолжила:

– Нам некуда было деваться. В варпе с грузовика не сойдешь. Разумеется, это означало, что и они не могут нас атаковать, пока корабль в пути. Прошло четыре года, прежде чем мы добрались до пункта назначения. Мы выживали на лотрианских пайках и на том, что смогли вырастить с помощью гидропоники. Когда прошел год, решили положить четверых из нас в фугу. Выбор пал на мужчин. Мы с Корво не могли уснуть. Кроме нас, никто не знал устройства корабля. Когда сельсины вышли из варпа, мы принялись будить спящих. Толтен, один наш солдат, не проснулся. Мы прибыли к Дхаран-Туну. Губернатор, я не знаю, хорошо ли вы знакомы со сельсинскими кораблями-мирами... Сельсины живут в нескольких километрах под землей; камень защищает их от космического излучения и гиперпространственной радиации. Поверхность кораблей-планет покрыта шахтами, каналами и механическими приспособлениями...

Я прекрасно представлял, что она описывала. Бледный, испещренный шрамами лик Дхаран-Туна. Впервые я увидел его с Береники; он выглянул из-за облачной пелены, словно молочно-белый слепой глаз безумного бога. Вблизи он смотрелся иначе. Кратеры были обрамлены черным железом. Крепостные башни и укрепления торчали из льда, как начисто обточенные песком драконьи кости. Повсюду были ледяные равнины, где не росло ничего живого, а в глубоких траншеях полыхало адское пламя. А двигатели! Они поднимались серыми стальными горами, их дюзы были больше иной страны, а топливом служили океаны антиматерии, непрерывно вырабатываемой в цехах – у самой поверхности.

– Перед нами было непростое решение, – сказала Валка так, будто снова оценивала варианты. – Мы могли остаться на корабле, который доставил нас к Дхаран-Туну, а могли переместиться на планету. В итоге выбирать не пришлось. Сельсины отбуксировали «Тамерлан» на Дхаран-Тун. Мы последовали за ними. Спрятались в кратере в десяти градусах и двух километрах от долины, где посадили «Тамерлан». Мы не знали, когда корабль-мир уйдет в варп,

поэтому должны были спешить. Корво решила оставить двух солдат сторожить грузовик, а остальные отправились к «Тамерлану». Мы решили, что они не начнут подготовку к прыжку прежде, чем «Тамерлан» встанет в док. В нашем распоряжении было несколько часов – столько нужно кораблю-миру, чтобы разогнать двигатели. Мы были уверены, что времени хватит. Но чтобы добраться до дока, понадобился час и сорок минут. Мы рассчитывали разбудить команду и отбить корабль, но поняли, что это невозможно, как только прибыли на место. «Тамерлан» был сконструирован так, чтобы никогда не приземляться, и я ума не приложу, как им вообще удалось сохранить его в целости. Док, куда съельсины его отбуксировали, представлял собой широкую траншею, проделанную прямо в ледяной рифтовой долине...

Я видел похожие траншеи, когда меня поднимали на поверхность. Они тянулись от воронки, служившей личным космопортом Пророка; темные каналы, пронизывающие ледяную корку, идеально прямые, с высокими стенами, над которыми возвышались краны и лебедки всех мастей, и кишели съельсины и люди-рабы в неуклюжих скафандрах, кислородные трубки которых в любой момент могли быть разорваны случайным острым камнем или когтями надсмотрщиков.

Так же ясно, как я сейчас вижу на полке бюст древнего Гибсона, я увидел крошечные фигурки Корво, Валки, Паллино, Карима и двух солдат, выживших при бегстве с Падмурака. На фоне гигантских железных машин и каменных возвышенностей они казались муравьями. Какими ничтожными они, должно быть, чувствовали себя, примостившись над пропастью и глядя с высоты в несколько миль на лестницы и платформы, среди которых стоял наш захваченный флагман. Как же велика и темна наша Вселенная, как враждебна по отношению к нам! Не безразлична, как утверждали древние маги, а неприязненна и сурова. Но над ними – над этими фигурками и над всем миром – раскинулся чернильно-черный ковер, усыпанный бриллиантами молчаливых звезд; и каждая из них, если верить Дораяике, была поставлена на свое место Тихим, чтобы освещать нам путь во Тьме. Каждую аккуратно разукрасили, чтобы их лучи воробушками разлетались повсюду, согласно его повелению.

– Мы ничего не могли поделать, – продолжила Валка. – Даже если бы удалось взять корабль штурмом и разбудить экипаж, улететь было невозможно. Даже при наличии девяти тысяч солдат... нам противостояли бы десятки миллионов съельсинов, а то и больше. Мы собрались уходить, но не прошли и полкилометра, как попали в засаду. Нас подстерегли больше десятка съельсинов. Паллино был ранен, один солдат убит. Нам удалось прорваться и захватить одного врага. Отавия дотащила его до грузовика.

Я представил, как Отавия Корво тянет за собой по многомильному льду лишившегося чувств съельсина, а за ней, сыпля отборной руганью,ковыляет раненый Паллино.

– Эти съельсины были всего-навсего рабочими, – сказала Валка. – У них не было ни раций, ни достойного оружия. То, кого мы захватили, не знало ничего важного. Но кое-что мы все-таки выяснили...

Ее голова снова наклонилась, а голос зазвучал плоско:

– «Mareruni oyumn o-Shiому siajun ti-tajarin».

– Оно сказала, что слышало, что я в плену у Дораяики, – перевел я, заметив недоумевающие выражения лиц Дорра и Нумы.

– «Marerunu oyumn o-kousum biqu ti-tajarin!»

– Оно сказала, что Дораяика собирается меня убить, – перевел я, гадая, зачем Валка цитирует эти фразы, зная, что слушателям они непонятны. Для драматического эффекта? От меня научилась?

Она заметила мой взгляд и выпрямилась. Кажется, даже самоиронично улыбнулась?

– Мы допросили его. Узнали, куда летим.

На Актеруму!

– Прежде чем мы попытались второй раз проникнуть на «Тамерлан», корабль-мир прыгнул в варп. Нам снова было некуда деваться. Пленника пришлось убить. – Валка опустила голову, как будто стыдилась этого. – После того как Толтен умер от криоожогов, никто не хотел рисковать и ложиться в фугу. Мы залатали раны Паллино и не высывались. Пока корабль-мир шел в варпе, мы были в относительной безопасности. Сьельсины не могли выходить на поверхность, как и мы, а тела подстерегшей нас группы давно разметало ионными бурями и заволокло льдом. Через три года истощились запасы провизии. Мы с Отавией выжимали все из гидропоники, но этот лотрианский грузовик не был предназначен для длительных перелетов. Если бы все это продолжалось... мы бы погибли.

– Сколько всего времени прошло? – спросил Тор Нума.

– С момента вылета – семь лет, – ответила Валка; ее рассказ подходил к концу. – Как только корабль-мир вынырнул из варпа, мы помчались к «Тамерлану». Мы ждали семь лет на лотрианском работоторговом корабле...

Она покачала головой и надолго умолкла. Я часто задумывался, не утаивает ли Валка что-нибудь. Но никогда не спрашивал ее прямо. Не спросил и в тот раз.

– Семь лет. По ощущениям – как семь тысяч. В окружении лиц полумертвых людей на полках. – Она вытерла глаза и жестом остановила меня, когда я захотел подойти. – Мы оставили их там. В морозильнике. Ушли и больше не вернулись. Не могли. Нам некуда было деваться. Либо идти на «Тамерлан», либо погибнуть. Мы долго это обсуждали. Спасти всех было невозможно. Но оставался шанс, что «Ашкелон» все еще в рабочем состоянии на борту. На нем поместилось бы полсотни человек в фуге. Пятьдесят человек из девяноста тысяч – крайне мало, но мы спасли бы хоть кого-нибудь...

Она взяла паузу и прикрыла глаза. Я отчетливо почувствовал ее эмоции, наблюдая, как ее голова наклонилась, словно в попытке вытряхнуть горе и сожаление из уха.

– ...В нашем положении это можно было бы назвать победой, как бы ужасно это ни звучало.

Собравшись с духом, Валка выпрямилась и продолжила:

– «Тамерлан» не слишком бдительно охраняли. За годы, прошедшие с нашего прибытия, сьельсины перелопатили корабль. Это сразу стало понятно. Они расписали стены своей мазней, разорили каюты. Одни капсулы для фуги разломали, другие опустошили. В некоторых мы нашли... останки. – Она сглотнула. – Вероятно, они сделали проходы прямо к трюму. Рукава, шлюзы. Мы проникли внутрь через люк на верхней палубе и крайне удивились, не встретив сопротивления. Вскоре добрались до каюты охраны. Перевооружились и заменили краденую лотрианскую рацию. Затем разделились. Я отправилась искать «Ашкелон», спустилась вниз к ангарам для шаттлов, чтобы оценить их состояние. Остальные пошли на мостик. С тех пор... с тех пор я никого из них не видела живым.

Валка снова взяла долгую паузу, не отнимая руку от лица.

– Я служила в армии, – произнесла она наконец. – В молодости. В Демархии. В силах национальной обороны. Побывала в одном лишь сражении против праचारских сепаратистов. Мы никого не потеряли, но мне хватило. А тут... все. Все погибли.

Я опять поднялся, но Валка остановила меня. Она так долго держала это в себе, и я чувствовал ее боль. Эта боль время от времени прорывалась наружу; ее выдавала дрожь подбородка, подергивание глаз. Выдавали остаточные эффекты червя Урбейна. Валка страдала – иначе, чем я, но все равно страдала, а страдание неисчислимо и неизмеримо. Все страдают в равной степени.

– Адриан, спасибо.

По интонации Валки я понял, что должен сесть на место. Золотые глаза повернулись к генерал-губернатору.

– И тогда на «Тамерлане» появились сельсины, – сказала она. – Я заперлась на «Ашкелоне», надеясь остаться незамеченной. Они начали будить команду. Спящих в фуге. Мы не могли им помешать без риска для собственной безопасности. Отавия с отрядом оказались заблокированы в служебной каюте у мостика. Сельсины уже там побывали, забрав все ценное при помощи своих экстрасоларианских союзников. Нам пришлось отключить рации, чтобы не выдать себя. «Тамерлан» прицепили к нескольким лихтерам. Он сдвинулся с места. Нас собирались посадить на планету.

Валка взяла со стола бокал, обнаружила, что он пуст, и покрутила в руках, глядя в его полую бездну.

– В верхних слоях атмосферы «Тамерлан» начал разваливаться. Посадка на Дхаран-Туне уже далась ему с большим трудом, но на... на Эуэ сила притяжения была вдвое выше. Конструкция стала разламываться, и, когда мы сели, почти все нижние палубы смялись в гармошку. Спящие – команда – находились на верхних палубах, и как только корабль сел, сельсины принялись их вывозить. Я наблюдала за этим по монитору. Их отвозили к экватору и скатывали в пусковые шахты для истребителей, как с горки; на «Тамерлане» этих шахт около десятка. Что было дальше, вы слышали от Адриана. О толпе, о храме, о старом городе он вам рассказал...

Она прервалась и наклонилась к столику, чтобы наполнить бокал.

– ...Примерно в тот момент я и почувствовала Адриана.

– Почувствовали? – в замешательстве моргнул Дорр.

– Обнаружила Адриана, – поправилась Валка, осознав, что допустила оплошность. – Простите. Мой стандартный немного зачерствел. Я засекала его комбинезон. Попыталась связаться с ним. Сначала не получилось. Я сообщила остальным. Паллино с Бандитом собрали кого смогли и отыскиали рабочий шаттл. Отавия отправилась на мостик. Там оставалось несколько сельсинов, но она их перестреляла и взяла управление корабельными орудиями. Как только сельсины покинули «Тамерлан», я завела субсветовой реактор «Ашкелона». Тогда Адриан наконец вышел на связь.

Она посмотрела на меня, выдохнула сквозь натянутую улыбку и прошептала:

– Дальше вы знаете.

Сыграв свою роль, она опустила голову и больше не произнесла ни слова.

Глава 5

Снова в поход

С окончанием рассказа Валки завершилась и наша аудиенция у генерал-губернатора – первая из многих. В последующие три месяца мы продолжали гостить у Велана Дорра. На это время нашим с Валкой домом стали те же апартаменты, в которых мы ночевали в наше прошлое пребывание на Колхиде. Каждый день приходилось перед кем-то отчитываться. Не могу даже сосчитать, сколько раз мы пересказали те истории, что поведали Дорру и его схоласту. Не меньше пятидесяти. О том, что случилось с нами после визита на Ведатхарад, мы доложили логофетам губернаторской канцелярии, помощникам легата звездной системы, агентам местного отделения имперской разведки. Очередь дошла и до Капеллы, хотя на этот раз нас с Валкой не допрашивали так, как меня когда-то.

Я предполагал, что им не позволил Дорр – или даже кесарь. Безусловно, вести о нашем возвращении уже достигли Форума и императорской флотилии, где бы та ни находилась. Мы рассказали все без утайки – разумеется, за исключением тех фрагментов, в которые никто бы не поверил. Мы не упоминали о Тихом, Наблюдателях и крабах-энарах.

В это мог поверить разве что сам кесарь.

– Сельсином известен маршрут императора, – сообщил я агенту разведки, присланному меня допросить.

Я уже рассказывал об этом людям легата, логофетам и лично генерал-губернатору.

– Они выведали курс, пытая членов моего отряда.

– А как насчет вас? – спросил агент, которого, кажется, звали Моданпотра.

Он был первым, кто так бесцеремонно и даже грубо задал мне этот вопрос. От неожиданности я едва не ответил утвердительно.

До сих пор мне удавалось избегать этой темы. Да, я тоже выдал сельсином маршрут его величества. Внутри меня разверзлась ледяная пропасть, и я, будто наяву, услышал лязг цепей и почувствовал, как в лодыжки впиваются холодные кандалы.

Но я поспешил все отвергнуть:

– От меня они ничего не добились.

Я спрятал руки под чистым стальным столом. Мои увечья достаточно говорили о том, как я осрамился, не навлекая большего позора на мое имя.

– Сельсины захватили часть моего отряда на Падмураке. Тех, кто не был заморожен на «Тамерлане». Их пытали отдельно от меня, и мне неизвестно, кто проговорился. Я больше не видел их живыми.

– Но вам известно, что кто-то из них признался? – вздернул черную бровь Моданпотра.

– Я видел их трупы.

Мне вспомнились пустые глазницы черепа лейтенанта Уайта.

– Сириани Дораяика мне их продемонстрировал. И сказал, что знает о планах императора. Перфугиум. Ванахейм. Баланрот. Перечислил все остановки императорского турне.

– И вы не сообщили об этом по телеграфу перед тем, как направиться сюда? – прищурился разведчик. – Почему?

– Я уже говорил, – ответил я. – Мы с доктором Ондеррой опасались, что в Империи эта информация может попасть во вражеские руки.

– Какие еще вражеские руки? Мы все служим Империи.

Лицо Моданпотры исказилось от изумления и замешательства.

– Агент Моданпотра, вам прекрасно известно, что Империя не монолитна, – ответил я, надеясь, что ледяные нотки в голосе сыграют в мою защиту. – Я рыцарь Королевского викторианского ордена. Я служу императору и никому более.

– Но теперь вы делитесь со мной информацией, – заметил Моданпотра.

– У меня нет выбора. Ради этого мы и прибыли на Колхиду. Я могу лишь надеяться, что в ваших руках она будет надежно защищена.

– Ваша светлость, а чьи руки вы считаете вражескими? – спросил Моданпотра таким тоном, словно интересовался у ребенка о чудовище под кроватью.

– Сэр, – ответил я не менее высокомерно, – со дня поступления на службу его величеству на меня покушались уже полдесятка раз. Вы агент тайной службы, вы мне и скажите.

– Зачем вы прибыли на Колхиду? – получив достойный отпор, сменил тактику Моданпотра.

Этот же вопрос мне задавал Тор Нума, и с тех пор генерал-губернатор Дорр продолжал попытки подловить меня, очевидно не поверив нашим с Валкой объяснениям.

– Вы посещали атенеум, – допытывался Дорр. – Зачем?

Уже наступила ночь, и статуя Милосердия – Элеос – едва виднелась в бледном свете фонаря за окном. Голова ксанарта ухмылялась уродливыми квадратными зубами. Свежий стакан фенни запотел в моих руках; в плодовом напитке таял новый ледяной шарик.

Что я мог на это ответить?

В ходе допросов – и первого, и последующего – мы с Валкой осторожно обходили наше пребывание среди островитян. Перед тем как мы приземлились на холме у Нов-Белгаэра, Валка вычистила полетные данные. Если бы разведка или инквизиция провели тщательный анализ, то заметили бы, что базу подтерли, но я надеялся, что так глубоко они копать не будут. Семья Имры отнеслась к нам как к родным из-за моей прежней дружбы с Сиран. Я не мог отплатить им злом за добро, прислав имперских агентов. К тому же мы с Валкой провели с островитянами и Гибсоном несколько лет, хотя должны были – обязаны были – передать властям много важной информации.

Это было моей ошибкой. Моей слабостью.

Я молился, чтобы жители деревни не пострадали. С дрожью представлял, что будет, если на мирные острова нагрянут черные корабли инквизиции.

Но я еще не был готов вернуться в мир людей и вновь принять участие в придворных играх. Чудо, коим была встреча с Гибсоном, стало для меня неожиданным благословением, но из-за этого Империя потеряла несколько важных лет. Мы могли раньше предупредить о новой армаде Дораяики, но я не хотел закрывать последнюю страницу той жизни, которую так любил, – словно человек, не желающий покидать постель после приятного сна.

Однако долгий путь, который я проделал вместе с Гибсоном, подошел к концу, как любой сон.

Сельсины надвигались.

– Я не могу об этом говорить, – ответил я после длительного молчания. – В атенеум меня привели личные дела.

Но я обо всем рассказал Тору Арриану, иначе тот не открыл бы мне правду о настоящем имени Гибсона. И когда Дорр не удовлетворился ответом, мне пришлось сдаться.

– В детстве у меня был учитель. Схоласт. Когда я покинул родной дом, он вернулся в атенеум и жил здесь, в Нов-Белгаэре. Я встретил его, когда был на Колхиде в прошлый раз. Теперь я прилетел почтить его память. Закончить незавершенное дело. Он ведь был для меня как отец.

Я не сомневался, что Дорр проверит правдивость моего ответа, и ожидал, что Арриан подтвердит, что мы беседовали о Гибсоне. Расскажет ли Арриан Дорру о Фессе? О поездках

Гибсона на острова в годы, предшествовавшие его мнимой смерти, и о медицинском модуле, который тот заказал для продления жизни?

Вряд ли.

Арриан, пусть и невольно, позволил принцу Филиппу Бурбону вырваться из сетей схоластического Предписания. Ему бы не хотелось, чтобы это привлекло излишнее внимание, но такая вероятность существовала. Рано или поздно на Фессу и Раху могли заявиться люди Дорра или инквизиторы, и тогда бы семье Имры грозила суровая кара за доброту.

Я мог лишь молиться, чтобы этого не случилось.

Приказ пришел быстрее, чем я рассчитывал. Я отчасти полагал, что кесарь велит нам с Валкой оставаться безвыездно на Колхиде, как ранее на Нессе, дожидаясь его возвращения на Форум по окончании прифронтового турне.

Но приказ был таков: мы должны немедленно отправиться на Несс. Моя ссылка в поместье Маддало возобновлялась, и я обязан был представить подробный отчет о своих странствиях магнарху Венанциану. На Нессе нам следовало находиться до новых распоряжений или до прибытия императора. Нас возвращали не на игральную доску, а в число резервных фигур, готовых в любой момент вступить в игру.

Путешествовать нам предстояло не в одиночку.

Отремонтированный, заново окрашенный и заправленный «Ашкелон» дожидался нас в широком ангаре с низким потолком на окраине Ээи. По сравнению с давно затихшим коммерческим космопортом, правительственный еще подавал признаки жизни. Главные торговые пути давно удалились от Колхиды, в результате чего система приобрела репутацию уютного захолустья, единственной достопримечательностью которого была Имперская библиотека. Доступ туда, однако, имели лишь нобили и ученые, поэтому гостей на Колхиде было крайне мало. Одна из причин, по которой мне здесь так нравилось.

На Колхиде ты невольно забывал об остальной вселенной, а я был человеком, которому о многом хотелось забыть.

Но я слишком задержался на берегах Леты и слишком много испил из нее.

Одним туманным утром мы попрощались с генерал-губернатором Веланом Дорром в его дворце. Его помощники учтиво сопроводили нас к черному бронированному грунтомобилью. Я до сих пор прекрасно помню горгулий, глядевших на ворота со стен, окружавших особняк. Валка держала меня за трехпалую руку. Мы выехали на Солнечную улицу и миновали святилище Капеллы с его белыми башнями и изваяниями Милосердия, Правосудия и Стойкости.

Город как будто спал. На улицах лишь изредка встречались машины, а на тротуаре мне попала на глаза одинокая группа крестьян. До часа пик было еще далеко; чиновники в серых костюмах только начинали подтягиваться на работу во дворец, а деревенские фермеры подвозили в город свои товары на грузовиках и телегах.

Это было отражением той Империи, которую я любил, хотя практически не жил в ней. Империя простых мужчин и женщин, живущих обычной жизнью. Я улыбался встречным, хотя и остро чувствовал расслоение между социальными группами, которое осознал еще в детстве в Мейдуа. Отделенный от народа бронированным стеклом, я как будто находился в зверинце, но не хотел даже думать, кто из нас на самом деле был посетителем, а кто – запертым в клетку зверем.

Дорога до космопорта заняла почти час. Взлетное поле представляло собой серый асфальтовый ковер с черными провалами шахт, окруженный монолитными бетонными стенами с противозвуковыми барьерами и диспетчерскими башнями. С одной стороны щерилось множество радаров и антенн, а в воздухе стоял рев репульсоров: на площадку как раз приземлялась огромная галера – вытянутое пирамидальное судно длиной почти в полмили.

Тихая маленькая городская империя осталась позади. Это черное грузовое судно было первым вестником большой Вселенной, этакой ложноножкой, которую галактика протянула к этой планете. Наша машина проехала в тени гигантского корабля и обогнула пусковую шахту в центре стартового терминала котона – нашей конечной остановки.

Бронированные двери распахнулись наверх, и портовый интендант – с иголки одетая женщина в берете, под которым прятались заколотые каштановые волосы, – отсалютовала нам рукой в шелковой перчатке. Трое носильщиков подошли забрать наш багаж. После короткого обмена любезностями она проводила нас к рампе, по часовой стрелке уходящей вниз вдоль края шахты.

Я ненадолго задержался, спустившись чуть ниже уровня земли, чтобы понаблюдать за посадкой галеры. Люди на земле казались крошечными, как муравьи. Они шевелили направляющими стержнями, словно усиками, и что-то кричали друг другу. Какими путями этот корабль прибыл на Колхиду? Какие вести принес?

– Все хорошо? – спросила Валка, остановив меня, когда мы следом за интендантом спустились по рампе к частному пропускному пункту, за которым дожидался «Ашкелон».

Она поправила мой воротник и грустно улыбнулась, но улыбка не смогла скрыть озабоченности в ее взгляде.

Улыбнувшись в ответ, я чмокнул Валку в лоб.

– Я... немного не уверен, что готов к очередному долгому путешествию.

Взглянув через ее плечо, я с трепетом увидел старый перехватчик. Этот корабль почти тридцать лет был мне домом, почти двадцать – тюрьмой. Даже десятилетие, проведенное на Колхиде с Гибсоном и семьей Имры, не избавило меня от леденящего и гнетущего ужаса, который я испытывал, думая о том дне, когда мне вновь придется ступить на его борт. Стоя в коридоре, я подумал, что уже никогда не буду относиться к космическим путешествиям так, как прежде.

– Все будет хорошо, – заверила Валка, и ее улыбка стала шире и искреннее. – На этот раз тебя положат в фугу.

Я сглотнул и кивнул. Это было так. По просьбе магнарха Венанциана генерал-губернатор Дорр выделил нам в сопровождение экипаж из двадцати человек. Им предстояло доставить нас с Колхиды на Несс. «Ашкелон» был быстрым кораблем, гораздо быстрее «Тамерлана», но Несс и прочие центаврийские провинции находились в тысячах световых лет отсюда. Диспетчер, с которым мы разговаривали накануне, сказал, что на дорогу уйдет шестнадцать стандартных лет.

– Удивительное дело, – произнес я. – Когда-то я панически боялся фуги. Теперь боюсь бодрствовать.

– Лорд Марло! – окликнул меня звонкий, почти певучий голос.

Обернувшись, я увидел молодого офицера с оливковой кожей. Он махал мне. Несмотря на почти джаддианскую внешность, на нем была имперская черная форма, а на голове набекрень надет бордовый берет. В целом вид у него был неопрятный. Верхняя пуговица туники расстегнута, сапоги не начищены, а меч из высшей материи, вместо того чтобы быть убраным в ножны, болтался на магнитной застежке, словно фонарик. Стрижка у него тоже противоречила всем правилам легиона. Легионерам низкого звания предписывалось брить голову наголо; офицерам позволялось оставлять волосы, но насчет длины существовали строгие ограничения. Этот офицер на них наплевал, отпустив косу почти до пояса. Она была завязана красно-коричневой ленточкой и напоминала о сельсинских косичках, символизировавших их статус в обществе.

Валка чуть отступила, когда офицер подошел ко мне и отдал честь. В этом жесте тоже читалось его отношение к протоколу. Он должен был остановиться, щелкнуть каблуками и

прижать кулак к груди, прежде чем вскинуть правую руку. А вместо этого лишь ударил себя в грудь и махнул рукой.

– Вы капитан? – спросил я, решив не цепляться к этим нарушениям.

Молодой офицер вызвал во мне любопытство. Лицо у него было по-лиси хитрое, брови вразлет, нос орлиный. Своей вальяжностью он напоминал мне... кого-то, кого я не мог вспомнить. Очевидно было одно: он мне сразу не понравился.

– Коммандер, – поправил меня офицер, хотя и кивнул. – Сэр Гектор Олива. Отдел особого назначения Разведывательной службы легионов. По распоряжению магнарха Венанциана должен доставить вас на Несс.

Он протянул руку:

– Польщен знакомством с вами, сэр.

Прежде чем пожать ему руку, я чопорно, по протоколу, отсалютовал. Несмотря на богемный вид молодого офицера, его рукопожатие было крепким, и он не подал вида, что заметил отсутствие пальцев на моей руке. Отдел особого назначения обычно занимался шпионажем и расследованием конфликтов между знатными домами, а также вмешивался в дела планет и государств, не входивших в Империю. Очевидно, этому агенту, помимо роли перевозчика, предстояло сыграть и роль соглядатая.

– Олива, – повторил я после короткой паузы.

Мне это имя было незнакомо – быть может, оно известно вам, читатель?

– Значит, вы из особого отдела? Есть новости от сэра Грея?

Этот Олива должен был отвечать непосредственно перед сэром Греем Райнхартом, заменившим недотепу Лоркана Браанокка после неудачной попытки того избавиться от меня и Валки. Я не считал Райнхарта врагом, но и другом он мне вряд ли был. Олива только что сказал, что задание ему поручил магнарх. Не Райнхарт. Не император. Стоило ли из-за этого беспокоиться? Или командная вертикаль работала как надо?

«В чьей руке прячется нож? И есть ли он вообще?»

– Нет, милорд, – помотал головой Олива. – Сэр Грей не покидает императора. Вряд ли от него будут новости до следующей остановки их флотилии... Прошу.

Он жестом предложил нам с Валкой следовать за ним. «Ашкелон» дожидался в доке, свисая с направляющих рельсов, протянутых сквозь ворота ангара к пусковой шахте в центре котона.

– Полагаю, для вас немного... непривычно, что мы будем командовать вашим кораблем. Надеюсь, ни я, ни моя команда не доставят вам неудобств.

– Ни в коем случае, коммандер, – сказала Валка, взяв меня под руку. – Мы признательны вам за сопровождение.

– Это честь для меня, – ответил Олива. – И хороший повод сменить обстановку. Я уже восемь лет торчу на этой планете. Жду не дождусь, когда попаду на фронт.

Я замер:

– Вы серьезно?

– Сэр? – посмотрел на меня вполоборота Олива, что особо подчеркнуло его орлиный нос.

– Ждете не дождетесь? – переспросил я. – Вы когда-нибудь сражались со съельсинами?

– Нет, сэр, – признался Олива. – Но все бывает в первый раз. Будьте уверены, я более чем готов начистить их бледные морды.

Валка рефлекторно сжала пальцы на моем бицепсе, с помощью аккуратно подстриженных ногтей передав два коротких слова: «не надо».

– Коммандер, если бы вы разбирались в том, о чем рассуждаете, то не испытывали бы такого рвения, – сказал я, игнорируя Валку. – Будьте уверены.

Когда-то и я был столь же нетерпелив. Считал, что лишь упрямство и религиозные догматы не позволяют нам заключить мир со съельсинами. Жадность. Гордыня. Зависть. С исто-

вым рвением и самонадеянностью я отправился на поиски Воргоссоса, желая изменить мир, Империю, галактику.

И заплатился за это.

Коммандер Олива с непроницаемым лицом выслушал мою реплику. Помолчав несколько секунд, он тихо хмыкнул и произнес:

– Beluto intusha.

«Немного разбираюсь».

Прежде я бы усмехнулся, услышав, как другой человек говорит на языке врага. Долгое время почти никто не тратил времени на его изучение, на то, чтобы понять сельсинов так, как понимал их я. Это ввергало меня в отчаяние – сначала потеря надежды на мир, затем осознание моего одиночества. Ответ Оливы был тем, что я когда-то давал сам себе – и, вероятно, многим другим. Но не теперь. Ему было свойственно то же губительное высокомерие, что направило меня на мой путь, то же высокомерие, что привело меня с Эмеша на Воргоссос... и на Эуэ.

– Я изучал сельсинский язык и культуру на Аресе, – сказал Олива, пользуясь моим замешательством. – Выпустился с отличием.

– С отличием... – повторил я почти шепотом. – Так вы окончили военный колледж? Потрясающе.

Военный колледж на Аресе был одним из лучших, если не лучшим космическим учебным заведением в Империи. И одним из старейших, не считая школ на Авалоне и Марсе.

Пробуждая задремавший мозг, я произнес:

– Raiwa oyumn o-sahoti gahatiri ji etadayu ti-jutar ija ba-okarin.

Насмешливые глаза Оливы тут же прищурились, и мне стало ясно, что он не совсем меня понял, хотя наверняка узнал слова «нож», «свой» и «горло».

Я рассчитывал, что трудности перевода убедят его в моей правоте, но Олива лишь со смехом отмахнулся и воскликнул:

– Проклятье, а ведь правду говорят! Вы тот еще зануда!

Не переставая улыбаться, он развернулся и двинулся вниз по пологой рампе, мимо пустых киосков, в которых уже давно ничем не торговали. Внизу у причала поджидал «Ашкелон».

Старый перехватчик класса «Чаллис» был всего пятьсот футов длиной; обтекаемое приземистое судно напоминало приподнятое острие меча. Главные репульсоры, дюзы термоядерных двигателей и подвесные варпенные двигатели высывались из-под коротких изящных крыльев у кормы. Одинарный хвостовой плавник был сложен, чтобы корабль поместился в низкий ангар. Корпус, обшитый титаном и адамантом, был перекрашен и покрыт черно-белой эмалью, он ярко блестел в ослепительном свете прожекторов. Люди Дорра, очевидно, плохо разбирались в геральдике и нарисовали на хвостовом плавнике только красный пентакль, да еще и перевернутый, забыв о том, что с момента посвящения в рыцари и возвращения в палатины я также использовал на своем гербе трезубец.

Мы вошли в ангар рядом с носом корабля и дверями в котон. К переднему шлюзу вел крутой трап. В этот шлюз я вскочил, израненный и контуженный, когда уходил от сельсинской погони в день их черного пиршества. Ворота ангара стояли распахнутыми, утреннее солнце заливало лучами пусковую шахту в центре котона. Но при виде шлюзового люка я почувствовал вопиющую несправедливость. Почему в такой прекрасный день меня вновь посещали мрачные мысли?

Когда-то в прошлом меня бы порадовала встреча с другим офицером, изучающим сельсинский язык. Однако теперь я решил, что даже косичка Оливы была символом романтического увлечения, способом выразить ксенофильское восхищение сельсинами, их обычаями и традициями – сродни тому, как давным-давно некоторые европейские государства приняли кривую турецкую саблю.

Мог ли я винить Оливу за это? Разве сам я до сих пор не хранил блестящий алый ири-нировый плащ, который надел мне на плечи Вати перед моей несостоявшейся казнью?

В Гекторе Оливе я видел много, слишком много от молодого Адриана Марло, и ненави-дел его за это. Я открыл рот, хотя не знал, что сказать, но Валка опередила меня, возможно почувствовав мое смятение.

– Коммандер, как вас занесло на Колхиду? – спросила она. – Для офицера вашего ранга назначение так себе.

Если сэр Гектор и испытал облегчение от внезапной перемены темы, то не продемон-стрировал этого.

– Я отбываю здесь наказание. Столкнулся с некоторыми проблемами, вызволяя из фри-гольдерского плена дочку эрцгерцога Бирса. Ее светлость совершенно не стеснялась в выра-жении своей благодарности, что крайне не понравилось ее достопочтенному отцу. – Он снова рассмеялся – кажется, смех был для него естественным состоянием. – Она до сих пор шлет телеграммы, но я не отвечаю. По уставу не положено.

Он отвлекся, чтобы отдать команду подчиненному, зазевавшемуся под трапом, после чего шагнул на ступеньку:

– Поднимемся на борт?

Я жестом предложил ему идти первым.

Вне всякого сомнения, эта встреча может вызвать у вас недоумение. Я же не придавал ей особого значения. Тогда я еще не знал сэра Гектора Оливу, триумфатора битвы при Таранисе, капитана «Сирены», командующего решающей обороной Несса, героя Империи. Единствен-ного человека, за исключением меня, сразившегося один на один с темным властелином Дха-ран-Туна и оставшегося в живых.

Никто о нем не знал.

Но это правда, хотя вы и не найдете упоминаний об этом ни в одном документе, кроме моих записок. Адриан Марло и Гектор Олива встретились и отправились в совместное путе-шество. Не мне рассказывать его историю, но я не могу о нем не упомянуть, ведь я так в нем тогда ошибался.

Нам нужны герои, пусть и несовершенные, жестокие или неудачливые.

Одного героя никогда не хватает, потому что, сами знаете, даже герои иногда сдаются.

Глава 6

Сомнения

– Как по мне, он забавный, – сказала Валка, растянувшись на нашей общей кровати в самой большой из тесных кают «Ашкелона». – А ты его невзлюбил лишь за то, что он напоминает одного мальчугана, который встретился мне на Эмеше много-много веков назад.

Наполовину сняв шинель, я остановился и хмуро буркнул:

– Видишь меня насквозь.

– Думал, ты матовый? – парировала Валка.

Я фыркнул и, сбросив тунику, скривился от боли в плече. Снова всплыли в памяти картины Дхар-Иагона, лязг цепей, немые рабы, крутящие лебедку, чтобы поднять меня в темницу. Вдруг устыдившись увечья, я схватился за плечо левой рукой с полыми костями.

– Тебе стоило показаться врачу, пока мы были здесь, – заметила Валка, глядя на меня с очевидной и обжигающей жалостью.

Включились термоядерные двигатели, и корабль вздрогнул. Валка проследила за взлетом с мостика в компании командера Оливы и его лейтенантов. Я уже попрощался с Колхидой на взлетной площадке и поэтому оставался в каюте. Мне был слышен только гул сервоприводов. Вытянулись сходни, чтобы сопроводить «Ашкелон» в пусковую шахту в центре кольцеобразного котона. Главный субсветовой двигатель не запускался, пока «Ашкелон» не набрал высоту в сорок тысяч футов. Из шахты корабль вышел на одних репульсорах и воспарил над утренним городом.

«Ашкелон» вздрогнул и завибрировал, после чего заскользил гладко. Очевидно, мы достигли границы атмосферы спутника и вышли в космос. Я не глядя понял, что Колхида осталась далеко позади. Ощутил эффект супрессионного поля, включенного еще на старте. Олива объявил, что мы вышли из поля притяжения Колхиды и газового гиганта Атласа. Я представил их в виде непохожих друг на друга глаз – один голубой, поменьше, другой рыжий, гораздо крупнее. Они провожали нас взглядом. Пройдет несколько часов, и мы окажемся на безопасном расстоянии для прыжка в варп.

Нас ждал Несс, а за Нессом – император и враг. Размышляя об этом, я растирал плечо, чувствуя пальцами напряженные струны мышц и шрамы.

– На Нессе, – сказал я, словно отвечая на последнюю реплику Валки. – Схожу к врачу на Нессе. Там у нас будет уйма времени. Кто знает, когда поступят новые распоряжения. Успею.

Я произнес это как можно спокойнее, чувствуя, что не прощу себе, если позволю снедающей меня тоске вырваться наружу. Я очень хотел вылечиться! За все годы на борту «Ашкелона» и на Колхиде меня ни на миг не отпускала боль, оставшаяся после Дхаран-Туна. Каждое утро я просыпался от тупого нытья старых ран, каждый день разжигал новую боль неловкими движениями.

«Хватит, – взмолился я про себя. – Довольно».

На Нессе имперские лекари могли восстановить мое плечо, залатать шрамы, оставшиеся на месте содранной рабами Дораяйки кожи. На Нессе мне могли заново вырастить пальцы, откушенные Дораяикой. Возможно, даже кости. В конце концов, Кхарн Сагара полностью заменил мою левую руку. Но у него – у них – на это было лишь две недели, и поэтому кости пришлось поставить адамантовые, а не выращивать натуральные.

Заметив свое отражение в зеркале на стене, я дотронулся рукой – подарком Кхарна – до разорванной щеки.

– Может, и на это найдется время.

– Ох, не знаю, – сказала Валка и вздернула бровь. – Вообще-то, мне нравятся шрамы.

Я тихо рассмеялся. Она всегда находила способ вытащить меня из ям, которые я сам себе рыл. Но, вспомнив напускную веселость Оливы, я резко запнулся.

Растянувшись в изножье кровати, я вполоборота повернулся к Валке.

– Как-то непривычно снова куда-то двигаться.

– В смысле, лететь?

– В смысле, двигаться вперед, – пояснил я. – Мы девять лет прожили на Колхиде, а кажется, прибыли только вчера. – Я втянул воздух. – На Актеруму время словно остановилось. Как будто я уснул и до сих пор жду, что проснусь.

Валка придвинулась ближе, и матрас прогнулся. Слабо запахло ладаном и сандаловым деревом. Знакомым маслом для ванны. Время действительно застыло.

– Для тебя – может быть. – Она постучала по голове татуированным пальцем. – Но не для меня.

Для нее время никогда не становилось аморфным.

– Смерть Гибсона как будто вновь запустила ход времени. – Я тряхнул головой. – Не могу поверить, что его больше нет. Я ведь уже дважды думал, что никогда его не увижу, а выходило иначе... Но на этот раз он в самом деле умер.

Я резко вдохнул, раздувая ноздри, и поднял взгляд к гладкому металлическому потолку, к тонкому проему в титане, откуда лился мерцающий белый свет.

– Принц Филипп Бурбон... – прошептал я.

Валка сидела, почти не шевелясь, лишь положила левую руку мне на колено.

– Тор Гибсон, – поправила она с нажимом, от которого могли пошатнуться даже основы мироздания. – Ты ведь читал его письмо.

– Я убил его сына.

Мне вспомнился грузный Августин Бурбон, в утонченной бело-голубой мантии, и Бандит, входящий в медику после Сиран.

«Я хочу заказать убийство, – сказал я ему. – Устрой все так, чтобы оно случилось после того, как мы улетим».

– Не желаю больше слышать об этом, – заявила Валка, убирая руку.

Мы обсуждали это уже десятки раз в квартире, выделенной нам генерал-губернатором.

– Он это знал, – сказала она. – И простил тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Я умею читать, анагуан, – беззлобно съязвила она. – Думала, ты тоже умеешь.

Я невольно усмехнулся:

– Он рассказывал тебе о своем прошлом?

– Нет. Думаю, он не хотел, чтобы нам это стало известно. Не хотел возлагать на твои плечи дополнительный груз. Он не рассказывал, чтобы ты не страдал.

Валка принялась распутывать косу. Красно-черные волосы отросли так, что иногда она казалась совершенно иной женщиной, нежели та, которую я давным-давно встретил в замке Балиана Матаро.

– Вместо этого он горы свернул, чтобы вновь увидиться с тобой, чтобы дожидаться твоего возвращения. Почему? Потому что верил, что ты вернешься. Цеплялся за крошечный шанс, что ты вернешься и будешь в нем нуждаться. – Она потянулась и погладила мою израненную щеку. – Адриан, рано или поздно тебе придется смириться с тем, что есть люди, которые тебя любят. Гибсон любил. И я люблю.

Я уже не впервые задумался о том, как Гибсон осуществил свое чудо. У попавшего в немилость принца наверняка остались тайные накопления, – вероятно, в виде акций консорциума или на счетах «Ротсбанка», «Вигран Хуася» или других мандарийских организаций, – которые Гибсону, принцу Филиппу, удалось скрыть, отправляясь на Белушу. Скорее всего, он заручился посредничеством Сиран, и та сняла со счетов деньги на покупку медицинского

модуля и реактора, который обеспечивал его многолетнюю бесперебойную работу. Колхидские таможенники наверняка насторожились, но, очевидно, никто не помешал консорциуму доставить груз на голую необитаемую Фессу.

– Кстати, – продолжила Валка, – если Арриан сказал правду, то сын предал Гибсона. Какая между ними может быть любовь? Станные у вас, anarcho, понятия о семейных отношениях.

– Будто твои соотечественники лучше, – оправдываясь, парировал я, прекрасно помня, что Валка давно не считала себя демархисткой.

В Демархии пытались ее убить, стереть ей разум, чтобы создать новую женщину, свободную от последствий вмешательства Урбейна. А ее отец, просто обожавший дочь, погиб от рук инквизиции на Озимандии еще до того, как она покинула Эдду. Однако на ее прекрасном и угрюмом лице отразилась лишь слабая тень грусти.

– Прости, – выдохнул я.

Неровная улыбка Валки померкла лишь на миг.

– Ничего, – сказала она, но все равно отвернулась. – Лучше прочти его письмо еще раз.

Она быстро встала и наклонилась поцеловать меня. Тупая боль в груди и плече на секунду стихла.

– Валка, – остановил я ее на полпути в ванную и, откашлявшись, задал давнишний вопрос. – Я хороший человек?

Она повернулась, не выпуская дверную ручку, и пристально посмотрела на меня. Что она видела своими механическими глазами? Глазами, воспринимавшими все без искажения, от которых не ускользали ни малейшие детали.

Ее лицо озарила улыбка. Искренняя улыбка, что обожгла меня сильнее прежней жалости.

– Может, хватит уже терзаться этим вопросом? – со смехом произнесла Валка. – Мы ведь столько лет вместе.

Я лишь молча моргал, глядя на нее.

– Ты уже сто раз получил на него ответ.

Ее ладонь слабо дрогнула, но Валка спрятала руку за спину и покачала головой:

– Будь ты чудовищем, ты бы не сомневался в себе.

Глава 7

Герои прошлого и будущего

Сколько раз во время прошлого путешествия я стоял на этом месте, в узкой кубикULE «Ашкелона» с яслями для фуги по обе стороны, и просто смотрел на нее? Сколько часов так провел? Сколько дней за те девятнадцать лет?

Неподалеку спали почти все подчиненные Оливы – и в том же ряду, и напротив. У каждой стены было по двадцать пять яслей; каждая капсула была установлена под наклоном, и спящие полустояли-полулежали в фиолетовой суспензии. Больше половины капсул были пусты; белые матрасы вычищены, шланги и крепления готовы к использованию. Людей Оливы положили в конце узкого коридора, рядом друг с другом. Каждые два года караул менялся; одних будили, другие укладывались на их место.

Валка, как и прежде, лежала особняком, в дальнем углу с левой стороны, у переборки и люка, что вел в верхний шлюз и на верхнюю палубу.

Вскоре мне предстояло к ней присоединиться. Оставалась неделя, максимум месяц. Я хотел разобраться с мыслями, подготовиться к тому, что ждало дальше. На Нессе. У магнарха. В золотой клетке поместья Маддало.

В яслях Валка казалась такой умиротворенной. Ее длинные темные волосы тенью, вуалью парили вокруг лица. Резкие четкие линии клановых татуировок-сайлаш на бледной коже стали чернее черного. Она выглядела мертвой – и в действительности ее состояние было близко к смерти, – забальзамированной наподобие глаз, сердца и мозга моей бабушки в погребальных сосудах. Потянувшись, я теплым ребром ладони смазал изморозь, чтобы лучше рассмотреть Валку, и вспомнил другое путешествие.

Нашу поездку с Береники на Эдду, во время которой мозг Валки грыз червь Урбейна.

Тогда я всю дорогу не находил себе места от волнения. Все те долгие годы.

Демархисты спасли ей жизнь, но полностью излечить не смогли, не изгнали деймона, терзавшего ее разум. Помню, как они изучали ее подо льдом, затем разбудили. Она едва не задушила себя левой рукой, едва не вырвала глаза. Прикусывала язык и царапала свое лицо почти так же яростно, как Дораяика исполосовал мое.

Только левая рука была непослушна. Та, что носила отметки ее племени.

Левая рука. Тьма. Проклятие. Sinister – слово, что на латыни значит «левый», в древнем английском означало «зловещий», «гибельный».

Но эти, с позволения сказать, врачи Демархии все-таки спасли ее. Вернули ей контроль над собой. Остановить позывы червя Урбейна не удалось, но их приглушили, чтобы она могла с ними бороться. Затем ее отняли у меня и заперли в тюрьме, называемой «больницей». Якобы ради безопасности. Из страха, что деймон заразит других. В конце концов Валку решили убить. Отформатировать, так они сказали. Они, как и лотрианцы, ничего не называли своими именами, всегда стерилизуя истинную суть слов, выбеливая страшную правду, как известняк выбеливает склепы патрициев на холмах за Мейдуа.

Я помню, как увидел ее вновь, когда мы с Каримом пробрались в тавросианскую тюрьму. Ее белый халат покраснел от крови, левая рука сжимала нож, которым она зарезала тюремщиков.

Валка освободилась сама, не дожидаясь нашей помощи.

Мое отражение в стекле капсулы улыбнулось при воспоминании об этом.

– Каррас сказал, где вас искать, – раздался уже знакомый, почти веселый голос.

Обернувшись, я увидел в дверном проеме Гектора Оливу. На тот момент мы находились в пути всего месяц. Валка легла в фугу несколько дней назад, и вскоре мне предстояло после-

довать за ней. Я медлил, предаваясь воспоминаниям о Колхиде, готовясь к возвращению на Несс и разбираясь в устройстве нового наручного терминала, купленного на Набережной улице Ээи в последний день перед отлетом. Мы с Валкой поужинали вдвоем – пусть и под присмотром бдительных стражников Дорра – на террасе городского ресторана, а затем нам было позволено более-менее наедине прогуляться по городу, и я наконец нашел замену потерянному на Падмураке терминалу.

– Готовы к заморозке? – спросил Олива, не дождавшись моего ответа.

– Пока нет, – произнес я, оглядываясь.

На корабле Олива окончательно отказался от форменной туники, предпочтя расстегнутую почти до пупа белую рубашку. Брюки и нечищенные черные сапоги, впрочем, оставались на нем.

– Я просто... навещал Валку, – качнул я головой в ее сторону, вдруг застеснявшись своих босых ног на черном резиновом мате. – В прошлое путешествие я много времени проводил здесь.

– Слышал. – Олива откинул за плечо сьельсинскую косичку. – Так это правда? Вы двадцать пять лет провели в одиночестве на этом старом корыте?

– Девятнадцать, – поправил я, вспомнив, что говорил несчастному Леону в битве за Эйкану. – В некоторых историях только доля правды.

Молодой офицер скривился.

– Неудивительно, что вы... – Он как бы обвел меня открытой ладонью. – Сначала сьельсинский плен, затем... вот это.

Кажется, осознав, что невежлив, он поправился:

– Меня на три года посылали на одиночное задание, когда я только выпустился с Ареса и вступил в особый отдел. Мне казалось, что это крайне долго.

Он покачал головой то ли от неверия, то ли от потрясения:

– Девятнадцать лет! Земные кости!

– Сколько вам лет? – спросил вдруг я, выдернув офицера из состояния шока и трепета.

– Тридцать семь полных, – быстро, без раздумий ответил Олива.

Я фыркнул и повернулся обратно к Валке. Олива тактично остановился на расстоянии в десять шагов, стесняясь, как мне показалось, ее наготы, хотя к своим подчиненным такой почтительности не проявлял.

– В тридцать семь меня только в рыцари произвели. После Тагуры, – сказал я и понял, что немного ошибся.

Вернувшись с Воргоссоса, я провел несколько лет на Форуме, впитывая все имперские знания о сьельсинах. Сколько мне было на Тагуре? Сорок? Сорок пять?

Олива просунул пальцы под ремень – привычка, которой страдал и я, – и спросил:

– Вы с ней не менялись?

– Я палатин, – ответил я, глядя на Валку. – Она тавросианка. У меня больше лет в запасе.

Я опустил взгляд на мокрую ладонь и пожалел, что вытер крышку капсулы Валки. Изморозь скрывала ее от посторонних глаз.

– Милорд, если позволите, – вдруг весьма официальным тоном спросил Олива. – А вам сколько лет?

Я был готов к привычным вопросам. Про Аптукку, Воргоссос, Беренику. «Правда, что вас нельзя убить?» и все в таком духе. Не к этому. Я чуть не рассмеялся. Ответ был мне известен, но лишь потому, что несколько месяцев назад, когда нас поместили под домашний арест, врачи Дорра провели полный физиологический осмотр. Взяли всевозможные анализы. Изучили кровь на патологии, сделали магнитную томографию. Забрали генетический материал, чтобы оценить уровень старения теломер, благодаря чему я мог дать Оливе точный ответ.

– Триста восемьдесят четыре полных года, – с ноткой грусти сказал я. – Но со дня моего фактического рождения скоро минует тысяча лет.

Я не мог вспомнить, когда последний раз отваживался произнести эти числа вслух. Почти тысяча лет... большую часть этого времени я провел в фуге, путешествуя от звезды к звезде. Я понял, что не знаю, жив ли еще мой отец. Вряд ли, если только он тоже не начал путешествовать. Моя мать умерла – об этом меня известили. А что с Криспином? И сестрой, с которой я даже не был знаком? Когда до меня долетят вести, что лорд Алистер мертв, как и Тор Гибсон?

Уже пора бы. Может, они встретят меня на Нессе?

Не знаю почему, но я был твердо уверен, что сообщение придет – будь то по телеграфу или посредством курьера. Молодой человек в форме поприветствует меня и скажет, что меня ожидает послание с Делоса.

«Милорд, ваш отец скончался».

– Триста восемьдесят четыре? – переспросил Олива. – По вам и не скажешь.

– Дали бы больше? – спросил я, понимая, как выгляжу с порванным лицом, изувеченным телом и сединой в волосах.

Олива лишь улыбнулся, и я невольно ответил ему кривой марловской улыбкой. Молодой офицер тряхнул головой и рефлекторно положил руку на активатор пояса-щита.

– За столько лет в одиночестве вам, наверное, было тоскливо.

– Старики всегда одиноки, – ответил я, и моя улыбка померкла. – Почти всех моих друзей уже нет в живых.

Из-за стекла на меня посмотрело мертвенное, как у спящей царевны, лицо Валки.

– Но это невысокая плата за то, что она жива, – кивнул я на тихо гудящие ясли.

Олива не ответил, и я повернулся к нему, оставив Валку спать.

– Вы не женаты, – произнес я, облокотившись на пустую капсулу рядом.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Я-то? – удивленно моргнул Олива. – Черная планета, ни в коем случае! Это не по мне.

– То есть у вас в каждом порту по подружке? – спросил я, запоздало вспомнив, как молодой командер отзывался о дочери эрцгерцога Бирса.

– Не в каждом! – сказал Олива, и на его лицо вернулась беззаботная улыбка. – Но в некоторых может быть и не одна.

Я хрипло рассмеялся:

– В этом мы с вами не сойдемся.

Но я одернул себя, помрачнев, ведь передо мной стоял совсем юный человек, а я был стариком.

– Рано или поздно такая жизнь вам наскучит. Или вы наскучите ей.

– Но вы только что признались, что не спец в этих вопросах! – сочувственно улыбнулся Олива, ткнув в мою сторону пальцем. – Как может наскучить постоянная смена обстановки, гм? К тому же! – Он заложил руки за спину и потянулся. – Марло, моя жизнь связана с флотом. Тут не остепенишься, даже если захочешь. Что подвернулось, то и берешь. Впрочем, девушки большего и не предлагают.

– Может быть, – допустил я, опираясь на пульт, чтобы подняться. – Может, вы и правы, командер. Но женщина женщине рознь. Некоторым ничего от нас не надо, но и мы им безразличны. А некоторым нужно от нас все без остатка. И они стоят того, чтобы это все отдать.

– А еще меня романтиком называют, – стремительно парировал бойкий на язык Олива.

– Это слово давно уже неправильно трактуют, – язвительнее прежнего ответил я. – В ваших забавах нет ничего романтического.

– Еще как есть! – воскликнул Олива. – Черная планета, Марло! Я ведь не преступник. Никого не обижаю.

– Кроме себя.

Я оглянулся на застывшую в капсуле Валку и решил, что пора составить ей компанию. Думал ли я когда-нибудь так, как Гектор Олива? О женщинах и не только о них? Было ли духовное родство лишь мнимым понятием, о чем как-то говорила Валка? К моему удивлению, молодой офицер не отпустил в ответ очередную шпильку. Я повернулся к нему и увидел, что он с любопытством таращит на меня зеленые глаза.

– Что?

– А вы женаты? – спросил он.

Вот этого удара я и дожидался! Удивительно, что он так долго медлил с выпадом.

Я мог бы отчитать его, напомнить о пропасти между нашими званиями, но это означало бы отказаться от своих слов, признать поражение – и он это понимал. Олива держал язык за зубами лишь потому, что раздумывал о последствиях такого вопроса. Достаточно ли он смел, чтобы препираться с имперским лордом?

Оказалось, достаточно смел.

– Нет, – просто ответил я и закрыл глаза.

Давняя боль вернулась, но я прогнал ее старым афоризмом:

– Мы с вами палатины. Мы служим императору, а он не соизволил дать мне вольную.

Я не добавил, что Валка не хотела за меня замуж.

Моя рука потянулась туда, где должна была быть филактерия с кровью Валки, но нащупала под рубашкой лишь медальон со скорлупой Тихого. Филактерию Валка подарила мне перед битвой на Беренике; ампула символизировала компромисс между ее тавросианской культурой и моими имперскими традициями. А я потерял ее, забыл на Нессе перед вылетом на Падмурак.

Адриану Марло суждено было остаться неженатым и бездетным. Мое положение и происхождение могли подарить мне лишь иллюзию полноценной семьи.

– Сэр Гектор, я уже стар, – впервые обратился я к молодому командеру по имени. – Я побывал в тридцати с лишним сражениях на множестве планет. Говорил с богами, бился с демонами. Ел за одним столом с самим Бичом Земным, пировал с Кхарном Сагарой. Я более трехсот лет служу императору верой и правдой и за все эти годы любил лишь трех женщин. – Я символично поднял свою трехпалую руку. – Одну потерял, другую предал, а третья... – указал я на капсулу Валки, – перед вами.

– Похоже, мы с вами очень разные, – сказал Олива.

– Возможно, – допустил я и прошел мимо молодого офицера.

Остановившись рядом, я положил руку ему на плечо и оглянулся на Валку.

– Я бы женился на ней, если бы мог. – Я потупил взгляд, как будто стыдясь своих слов и чувств. – Но я отдал ей все.

Я убрал руку и двинулся дальше.

– Простите, милорд, – непривычно неуклюже и скомканно произнес Олива, вдруг превратившись из человека в офицера. – Не хотел вас оскорбить.

– Вы не виноваты, – ответил я, подходя к двери. – Это старая рана.

– Ваша светлость! – Голос Оливы настиг меня в коридоре. – Позвольте еще вопрос?

Обернувшись, я жестом выразил разрешение.

– Ваше лицо, – произнес он, имея в виду шрамы. – Правда, что это сделал Бич?

Я застыл. Передо мной вновь встали черные пески Эуэ, тонкие высокие древки сельсинских стягов – синих, черных и зеленых – и, вдали, свод черепа Миуданара.

«Arkam Resham aktullu. Arkam amtatsur».

Сверкнули когти Дораяики, и я вздрогнул.

– Правда, – ответил я, усилием воли заставив себя не притрагиваться к шрамам.

Гектор Олива смог лишь покачать головой:

– Звучит невероятно.

Он опустил руки и, потупив взгляд, добавил:

– Я родился уже после Аптукки. Когда вы победили Улурани. Подумать не мог, что когда-нибудь с вами встречусь, но... Вы и Дораяика... – Он запнулся. – Все равно что... встретить персонажей из книжки. Из оперы... не знаю. Трудно поверить, что вы настоящий.

К собственному удивлению, я рассмеялся. Хрипло, ненадолго.

– Может, кое-что общее у нас и есть. Меня нередко посещают такие же мысли, пусть и не о себе. – Я отвернулся, посмотрел на солдата в капсуле слева от меня. – У нас, людей, такая долгая история, что мы уже забыли, насколько древняя традиция – мифотворчество. Может быть, в нас заложено чувствовать себя не в своей тарелке, когда история и миф переплетаются.

– Все считали вас погибшим, – сказал молодой офицер, не найдясь с подходящим комментарием.

– Да я и сам так считал, – ответил я без лукавства.

Я не рассчитывал уйти живым из Актеруму.

– Официально об этом не объявляли. Наверное, в Имперской канцелярии считают, что это подорвет мораль. Вас даже к пропавшим без вести не причисляют. Но слухами земля полнится. Марло погиб в ходе конфликта с Содружеством. Марло погиб в бою со съельсинами, был пленен врагом и казнен, и так далее.

– Не слышал об этом.

– Я в это не верил, – сказал Олива.

– Что ж, – нахмурил я лоб, – вы ошибались.

Сообразив, что я перегораживаю Оливе проход, я сразу добавил:

– Теперь моя очередь спрашивать. Вы из особого отдела. Что меня ждет?

Олива улыбнулся, поняв, что я больше не собираюсь донимать его личными щекотливыми вопросами.

– На Нессе? Да все как обычно. Встанем на орбиту, вы с вашей дамой дадите показания людям магнарха, затем вас подвергнут стязанию и высадят на планету. Нам предписано обеспечивать вашу безопасность до новых распоряжений императора. Вот и все.

– Стязанию? – переспросил я, повторив ненавистное слово.

Стязание было процедурой – ритуалом – Святой Земной Капеллы, в ходе которого человека проверяли на человечность. Мне приходилось однажды через это пройти – на «Тамерлане», когда Августин Бурбон и Лоркан Браанок попытались обвинить меня в сношении с искусственным интеллектом. Я до сих пор помнил инквизитора Гереона и его инструменты. Инъекцию адреналина. Панику. Мне измеряли давление, пульс, проводимость кожи. Постоянно раздавались какие-то сигналы. Меня не покидало ощущение неминуемого рока.

«Не хотите ли вы в чем-либо покаяться?»

«В данный момент вас ни в чем не обвиняют».

Впрочем, не было ли обвинением само решение инквизитора о необходимости стязания? Если нет подозрений, то и расследовать нечего. Но стяжание не являлось допросом с целью определения вины, оно не позволяло получить оценку действиям подозреваемого. Оно проверяло само его естество, подвергало исследованию природу организма. Человек или машина? Человек или гомункул? Человек, или деймон, или зверь?

– Почему меня не подвергли стязанию на Колхиде? – спросил я.

Если существовали подозрения, по протоколу следовало провести процедуру как можно скорее.

Олива качнул головой, словно желая перетряхнуть прилипшие к черепу мысли, и застыл, держа руки на поясе, раздумывая над ответом. Он впервые продемонстрировал осторожность и расчетливость, и меня это удивило.

– Мне кажется... это очевидно, – произнес он наконец. – Глава разведывательного штаба на Нессе распорядился, чтобы вас доставили к нему... нетронутым.

– Нетронутым? – переспросил я. – Что это значит?

– Капелле и медицинскому персоналу Дорра было приказано не проводить вам никаких процедур, за исключением профилактики инфекций.

– Они думают, со мной что-то не так? – спросил я, хотя догадался обо всем еще до того, как слова сорвались с языка. – Нет. Все понятно. – Я жестом показал, что ответ не нужен. – Приказ поступил лично от Райнхарта.

– Не от Райнхарта, – опроверг Олива. – От магнарха Венанциана. Но вы поняли, к чему я клоню. Они оба – сторонники императора.

– Они хотели быть уверенными, что любые процедуры инквизиции будут проходить под их присмотром.

– Вот именно, – постучал по лбу пальцем Олива. – Поэтому и прислали меня.

– Вы атеист?

– Скажем так, у меня нет причин любить Святую Капеллу Матери-Земли, – ответил молодой командер и нервно, почти раздраженно смахнул с плеча косичку.

А у магнарха Венанциана не было особых причин любить меня, но он был бесконечно предан императору – и только ему. Его верность императору была превыше догматов Капеллы, традиций древних домов и кровного родства. Если я правильно понял Оливу, то Венанциан приказал отделу особого назначения разведки легионов охранять меня от посягательств Капеллы, пока я не окажусь в его владениях. Капелла уже пыталась убить меня на Фермоне. Императрица и старые «Лвы» организовали покушение на Форуме.

Я так заиклился на Колхиде, выбрал ее, чтобы объявить о своем возвращении в Империю, что забыл, что другие фигуры на доске тоже могут передвигаться. В поисках безопасности я двинулся в направлении императора, а его агенты двинулись навстречу мне.

– Мы оба служим императору, – сказал Олива.

– Все служат императору, – поправил я, сглаживая намеки на возможные трения между партиями и фракциями. – Просто одни подчиняются человеку, а другие – престолу, на котором он сидит.

«Повиновение из любви к личности иерарха. Повиновение из верности трону иерарха».

Мог ли Ригель, сформулировавший восемь степеней повиновения, расположить их в неверном порядке? Разве любовь не была более сильным побудителем? Разве повиновение из преданности не было наивысшей степенью повиновения? В таком случае не должна ли любовь к иерарху стоять выше верности его трону? Не должен ли человек стоять дороже своей короны?

«Смотри ниже, – услышал я голос Гибсона. – Истина ниже».

– А вы и правда философ, как говорят, – произнес Олива.

– Я только учусь. Побудьте при дворе столько, сколько пробыл я, и сами удивитесь, как много людей пытаются угадать волю императора, вместо того чтобы ее исполнять.

– Попробую, – ответил командер. – Милорд, можно еще вопрос?

«Милорд», а не «ваша светлость» или «сэр». Я отметил небольшую перемену в его отношении и возросшее уважение ко мне.

– Можно, – ответил я, вздернув бровь.

– Говорят, когда вы были при дворе, то на дуэли голой рукой поймали клинок из высшей материи.

Я прыснул со смеху. Вопрос был детским. Гектора Оливу он, должно быть, волновал еще с мальчишества.

– Это правда? – спросил он.

Вместо ответа я показал левую руку. На ладони и пальцах остались глубокие шрамы от клинка Иршана; в бледном освещении кубикеры они блестели. Олива – мальчик, не солдат – приблизился, чтобы лучше разглядеть.

– Искусственные кости, – объяснил я. – Чистый адамант до самого плеча, а сверху наращенная плоть. Никакого чуда тут нет.

Истинным чудом было то, что Араната Отиоло отрубило мне правую руку, а не левую.

– Так и знал, что этому есть научное объяснение, – заключил Олива, но опустил взгляд, как будто правда разочаровала его. – Чего только не выдумывают! Вы и Улурани якобы голыми руками завалили, и из садов удовольствий Гадар Малян сбежали, и целые легионы с Немаванда эвакуировали. Наверняка большая часть из этого – выдумки. Уж умереть-то и воскреснуть вы точно не могли.

Я лишь улыбнулся и, вальяжно отдав честь, развернулся и проследовал на главную палубу, оставив юного героя наедине с непрозвучавшим вопросом.

Глава 8

Призрак руин

Все было покрыто белыми простынями: мебель, выстроившиеся вдоль стен манекены в доспехах, парные флаги по углам большой лестницы... даже толстые ковры, джаддианские, а не тавросианские, что украшали прихожую виллы Маддало. Солнечные лучи струились сквозь оконца высоко в стене, оседая на резных деревянных балках и рассекая пыльный воздух, в котором, казалось, можно было на вкус ощутить горький прах времен.

– Милорд, сюда никто не заходил с вашего отъезда, – сказал смотритель, местный мужчина по имени Каффу. – Кажется, больше ста лет.

– Сто семь, – уточнила Валка, входя в распахнутые двери.

Над плечом у нее сияла светосфера. Позади, во тьме, возились люди Оливы и магнарха, разгружавшие наш шаттл. После допроса в Капелле, проведенного в присутствии коменданта Линча из легионов, нам позволили под покровом ночи покинуть пересадочную станцию над Сананной и вернуться в поместье Маддало. Венанциану не хотелось превращать мое прибытие в спектакль, хотя слухи уже поползли.

Каффу поклонился Валке, теребя пальцами фетровую шляпу.

– Сто семь, госпожа? Так давно? Я-то здесь только последние шесть. Вот старый Грен уже сорок с гаком работает, уже детей успел вырастить. У меня жены нет, в отдельном флигеле живу.

В прихожей кто-то так громко чихнул, что я резко обернулся. Сэр Гектор Олива стоял на пороге, уткнувши нос в рукав. За спиной в черном кожаном футляре висела его великолепная мандора. Он часто на ней играл, пока мы летели на Несс, и, нужно сказать, играл виртуозно. В руке он держал другой, плоский футляр, длиной в половину его роста.

– Черная планета! – придя в себя, воскликнул командер. – Ну и воняет же здесь!

– Воздух немного застоялся, – ответила Валка, значительную часть жизни проведенная в более удушливом климате, в руинах и склепах.

– Прошу прощения у вашей светлости, – снова поклонился Каффу. – Мне сообщили о вашем прибытии только час назад. Сказали, мол: «Лорд Марло летит! Живо готовь дом!» Я ботинки-то едва успел натянуть да приодеться, прежде чем ваш славный кораблик приземлился. Дайте минутку, я запущу генераторы, вентиляторы и щиты. Тут сразу все преобразится!

Он острым взглядом окинул пыльный холл, освещая его факелом. Белые простыни и паутина напоминали снежные сугробы, придавая всему неестественный, фантастический вид, как будто мы оказались вовсе не на вилле Маддало, а среди сценических декораций, подготовленных ночью к завтрашнему спектаклю.

Обратив внимание на простыни, Каффу добавил:

– До утра мне ребят из города не пригнать, но завтра мы тут все в порядок приведем, уж не сомневайтесь!

– Не волнуйтесь, сирра. Простынями займутся солдаты. Сложим на веранде, а утром вы с Греном уберете. Годится? – сказал я и сунул смотрителю хурасам за труды.

Золотая монета ярко блеснула в свете факела и Валкиной светосферы.

Смотритель разинул рот. Приняв вознаграждение, он припал на колено, чтобы поцеловать мою трехпалую руку. Мне приходилось примерять на себя шкуру помойной крысы в Боро-сево, и я понимал, что для простого человека одна такая монета – богатство. Для того, кем я стал, она была практически безделушкой. Монеты в Империи использовались в мелком товарообмене, масштабами многократно уступающем межзвездной коммерции. Но для Каффу это было целое состояние.

Через секунду он поднялся и помчался с факелом в недра бывшего аббатства, в погреба, где сто семь долгих лет дремали генераторы.

– Значит, это ваше жилище? – спросил Олива, когда зритель скрылся.

Он подтянул мандору повыше и вошел внутрь, сминая ногами ворс на широком джад-дианском ковре. Его темные глаза осмотрели холл, высокие потолочные своды, полукруглые арки, искусные резные балки и круглые окна.

– Это же... бывший сид-артурианский фордгрон? – уточнил он, вспомнив правильное название монастырей этого синкретического культа.

– Верно, – ответил я, подходя к опоре у основания балюстрады.

Положив руку на мрамор, я пробежался взглядом по большой лестнице до участка, где она разветвлялась, огибая справа и слева балкон.

– Девятое тысячелетие, – пояснил я. – Монахи-воины были первыми, кто поселился на Нессе до его аннексирования. Когда сюда пришла Империя, Капелла... гм, ликвидировала культ и разграбила монастырь. Они уничтожили почти все иконы, но не тронули резьбу, видите? – Я указал на тяжелые балки и арки, поддерживавшие высокий свод; на каждой были вырезаны громадные первобытные змеи. – Дерево привозное. Когда строили монастырь, деревьев на Нессе не было.

– А как же дерево Мерлина? – спросил Олива.

– Боюсь, его срубили.

Я пристально посмотрел на Оливу. Неужели я его недооценил?

Олива покачал головой и восхищенно присвистнул.

– Должно быть, доставка стоила баснословных денег, – сказал он. – Вы знаете, сколько консорциум дерет за импорт древесины? Это, кстати, что? Кедр?

Я ответил, что не знаю.

– Просто я подумал... – Он обвел рукой холл. – Все эти арки и круглые окна – классический сид-артурианский стиль.

– Коммандер, я и не знал, что вы историк.

Олива пожал плечами, зацепившись взглядом за драконьи фигуры на балках, с которых свешивались безжизненные люстры.

– Куда отправить людей? – спросил он, отведя взгляд.

Небольшой отряд Оливы, включая лейтенантов Киприана Карраса и Софию Магарян, должен был поселиться здесь с нами. Чтобы по городу не распускали слухи – так сказал комендант Линч, отправляя нас с пересадочной станции, но я понимал истинную причину. Если бы коменданту и магнарху Венанциану нужно было просто предотвратить болтовню, они бы уложили Оливу и всю его компанию в фугу, а может, изолировали на станции или в форте Горн.

Глава местного отдела разведки и его коллеги хотели, чтобы за нами приглядывали. Отрядом Оливы дело не ограничивалось. Специальные агенты были в деревне, а по дорогам, как и прежде, регулярно ездили патрули на колесницах. Магнарх и император не забыли, как Капелла покушалась на меня на Фермоне, как подговорила Удакса на Гододине. Не забыли они и Иршана, исполнителя заказа императрицы.

Гектор Олива служил императору, как и я, но я по-прежнему оставался Адрианом Марло.

– В восточном крыле должны быть свободные комнаты, – ответила за меня Валка. – Идемте туда.

Она поманила Оливу за собой, пройдя мимо меня. Я проводил ее нежной улыбкой, хотя в душе царил грусть. Нас не было сто семь лет. Из них я пятьдесят один год бодрствовал. Целая жизнь.

Слишком долго.

– Адриан? – окликнула Валка, остановившись на полпути, и повернулась.

Что-то в ее позе – изгиб широких бедер, положение подбородка, верхушка ушной раковины, выглядывающая из распущенных волос, – зачаровало меня. Нет, мне было еще далеко до покойника. Мое сердце билось, кровь бурлила.

– Ты с нами? – спросила она.

Вместо ответа я поднялся по ступеням и стянул тяжелую простыню с крайнего столбика балюстрады. Ткань зацепилась за острую чугунную пику, выступавшую из набалдашника, и с тихим шорохом упала на пол.

На пике высотой почти в человеческий рост был закреплен красно-черный жаккардовый флаг с вышивкой. Среди темного пыльного холла и белых простыней он выглядел удивительно чистым. Светосфера Валки осветила эмблему с пентаклем и трезубцем. На миг все как будто застыло, и я почувствовал себя персонажем мраморного барельефа, на котором вместе со знаменем были изображены мы с Валкой и Олива. Не живые люди, а воспоминания. Призраки.

Это было знамя Красного отряда. Моего Красного отряда. Моего дома Марло. Викторианского дома Марло.

Викторианский. Победоносный – ведь на латыни «виктория» значит «победа».

Какая ложь!

Мне вдруг захотелось взвыть и сорвать знамя с флагштока. Я даже схватился за край полотна и потянул.

– Адриан, – остановил меня звонкий голос Валки, и я убрал руки. – Идем.

Каффу добрался до генераторов, потому что, как только мы привели командера в его комнату, зажегся свет. Олива поблагодарил нас и вошел в пыльное помещение. Он снова чихнул и вызвал по терминалу лейтенантов Карраса и Магарян. Мы с Валкой не стали ему мешать и сразу направились по освещенному коридору к покоям, где жили много лет в изгнании.

Войдя в старую спальню, я еще сильнее почувствовал себя призраком. Здесь все тоже было укрыто белыми простынями: резное деревянное изголовье кровати, джаддианские ковры, картины, тумбы и шкафы. Я тенью бродил среди руин своей прошлой жизни, которую жил, кажется, совсем другой человек – более именитый, не испытывавший ужасов ям и пыточных камер Дхаран-Туна. Я боялся дернуть простыню с зеркала, боялся, что оттуда на меня посмотрит жалкая тень Адриана Марло. Более того, я боялся выглянуть из затемненного окна, увидеть вдали деревню Фонс и подумать о ее простых жителях.

Мне казалось, что Колхида достаточно исцелила мои раны, но некоторые не лечит даже время. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так и твой родной дом после долгих лет отсутствия уже не может быть прежним, потому что меняешься ты сам. Вчерашний ты умирает, оставляя лишь фрагмент себя тебе сегодняшнему, который в свою очередь уступит место тебе завтрашнему.

Валка сорвала простыню с кровати, и резное темное дерево, украшенное фигурами птиц и цветов, заблестело. Кровать была достойна любого монарха. Казалось неправильным отдыхать среди такой красоты, когда мои спутники остались спать вечным сном в черных песках Эуэ и в животах бесчисленных Бледных.

Несправедливо, что я остался жить, а они погибли.

Но во Вселенной мало справедливости, и даже за эту малость приходится бороться.

– Проверю ванную, – сказала Валка. – Нужно вымыться и спать.

Мы были на ногах гораздо больше двадцати четырех стандартных часов. Пока прилетели, пока отвечали на последние вопросы Линча.

– Я не устал, – солгал я, подходя к трюмо с закрытым зеркалом, где по-прежнему должна была стоять старая умывальная чаша Джинан. Там же, где я ее оставил.

Собравшись с духом, я сорвал с зеркала простыню и поежился, встретившись взглядом с отражением.

– Устал не устал, а спать надо, – донесся из ванной голос Валки. – Завтра нам покоя не дадут.

Она была права, и я недовольно буркнул в ответ. Начавшийся на Колхиде порочный круг бесед и допросов, докладов и разборов продолжался, и нас ждали бесконечные дни встреч и пересказов всех наших злоключений. Магнарх с помощниками позаботились, чтобы нам удалось вернуться относительно незаметно, и у него было время сочинить и распространить официальную версию, прежде чем поднимется шумиха. Нас поэтому отправили в поместье Маддало. Во дворце магнарха о возвращении Адриана Марло сразу узнали бы все слуги, солдаты и секретари. Здесь об этом знали только люди Оливы, комендант Линч и солдаты с пересадочной станции.

И конечно, Каффу. А одного Каффу вполне достаточно.

Я уже мог представить, как расползутся слухи.

«Слышали, он вернулся!» – скажет перебравший с выпивкой смотритель.

«Ночью в старом аббатстве горел свет!» – сообщит бдительная домохозяйка мужу-клерку.

«В дьявольском-то поместье? Неужели он вернулся?» – спросит пьяница бармена.

История помчится дальше, разойдется по всему Фонсу и окрестным деревням, как лесной пожар.

«Дьявол? Полусмертный?»

«Он разве не умер?»

От этих мыслей я едва не улыбнулся – даже в зеркале. Я стянул скатерть со столика и улыбнулся по-настоящему, увидев то, что пролежало здесь нетронутым почти сто десять лет. На том же самом месте, где я и надеялся.

Филактерия Валки.

Серебряный полумесяц с выгравированными буквами В и О лежал в умывальнике. Должно быть, случайно соскользнул с цепочки, на которой висел вместе со скорлупой Тихого, и остался здесь, пока Анжу со слугами собирали наш багаж перед поездкой на Падмурак. Филактерия выглядела обычной крошечной безделушкой, и слуги, вероятно, не стали трогать ее, не зная, для чего она.

Я зажмурился и крепко сжал драгоценный кулон в ладони.

Небрежность слуг почти наверняка спасла филактерию. На Дхаран-Туне ее бы отобрали, как мои кольца и скорлупу Тихого – которая лишь по прихоти судьбы вернулась ко мне.

– Валка! – срывающимся голосом крикнул я. – Валка! Я ее нашел!

Я шагнул к ванной, выставив филактерию перед собой, чтобы Валка увидела.

– Она была здесь! В умывальнике!

Вытащив золотые глаза, Валка поспешила ко мне. Другая филактерия, содержащая мою кристаллизованную кровь, висела на цепочке между ее бледными грудями. Пока я осматривался в спальне, Валка уже успела наполовину раздеться и напустить пара в мраморную ванну. В воздухе витал знакомый аромат сандала и благовоний.

– Я думал, что потерял ее... – с облегчением пробормотал я.

Она поцеловала меня и отступила на шаг.

– А я не сомневалась, что она здесь. – Валка сложила мои пальцы на кулоне-полумесяце. – Повесь ее на цепочку и раздевайся.

Я проснулся от ломоты в конечностях, которые еще не отошли после фуги. Валка спала без одежды, свернувшись калачиком. Бледное солнце светило сквозь большие круглые окна и стеклянную дверь балкона с видом на английский садик. Где-то внизу пел жаворонок, нежный глашатай утра. После стольких лет тишины на Дхаран-Туне и «Ашкелоне», после десяти лет

на Колхиде, где слышен был только резкий галдеж чаек, сейчас красивая певучая мелодия жаворонка была как журчание родника посреди ледяной пустыни.

Татуированная рука Валки лежала на моей груди, и я решил не вставать, осторожно водя пальцем по аккуратным завиткам, обозначающим положение Валки в клане Ондерра. Ее сайлаш, как называли это в далеком Тавросе. Просыпаясь рядом с Валкой уже много лет, я досконально изучил рисунок, но он был настолько сложен, что мне всякий раз казалось, будто я нахожу в нем новые элементы. Мне не хотелось тревожить Валку, и я остался лежать, слушая жаворонка и глядя, как солнечные лучи все сильнее освещают пыльную комнату... пока Валка наконец не шевельнулась и не выпустила меня из объятий.

Тихо подождав еще чуть-чуть, я поднялся и оделся.

Старой Анжу давно не было в живых, погреба и холодильники стояли пустыми. Солдатам Оливы было поручено отправиться на рынок Фонса или другой деревни, чтобы пополнить запасы продовольствия в старом доме, а заодно найти повара и пару слуг. Это нужно было сделать в ближайшие недели. Я не знал, сколько мы пробудем в поместье Маддало. Месяца три? Год? Или, как в прошлый раз... семьдесят?

День расцветал, как фиалка, и вскоре ожидалось прибытие людей магнарха. Старика Кароля Венанциана я не ожидал.

Наверняка придет кто-нибудь из офицеров местного отдела разведки и повторит все вопросы, которые я уже слышал на Колхиде от Дорра. Захочет, чтобы я вновь пересказал все от нападения «либералистов» на мосту Ведатхарада до того момента, когда я сошел с «Ашкелона» и сдался людям Дорра.

Я, разумеется, расскажу все почти без утайки, как рассказывал до этого всем остальным.

Никто не знал, что это я выдал врагу маршрут императорского турне. В этом я намеревался признаться только лично его величеству и никому более – по крайней мере, так я думал про себя утром в саду, нежась в бледных рассветных лучах.

Я довольно долго простоял у пруда с рыбками, наблюдая за золотистыми тенями карпов, медленно и беззаботно проплывавших туда-сюда. Я вспоминал плеск чужеземных рыб в водоеме в моей пещерной камере, пока не раздался громкий гул и кипарисы не пригнулись от сильного ветра. Подняв голову, я увидел, как над куполами и островерхими крышами виллы Маддало пролетел черный флаер. Я проследил за ним взглядом, не сходя с места. Широкие крылья сложились, и флаер опустился на лужайку.

– Точно вовремя.

Я не пошел навстречу прибывшим. Вместо этого направился к зеленому металлическому столу, за которым мы с Валкой когда-то ужинали в компании Бассандера Лина. Сел и стал ждать, зная, что меня вскоре позовут.

Так меня и нашли четыре претора в бело-фиолетовой форме гвардии магнарха. Когда они вышли из-за угла дома, гравий хрустел у них под ногами. На них были маски: не черные безликие пластины, как у простых легионеров, а наподобие моей, в виде безмятежных человеческих лиц с невыразительными пустыми глазами.

Их командир, которого выдавал золоченый гребень с фиолетовым плюмажем на шлеме, – резко, как большинство солдат, отдал честь.

– Сэр, прошу вас пройти с нами, – достаточно любезно произнес он.

Их синие плащи трепыхались на ветру, пока я следовал за ними в дом. Мы пересекли темную кухню и по коридору мимо комнат прислуги вышли в приемную, из которой открывался вид на холмы и долину, где расположились деревни. В нескольких милях вдали серебрилась Сананна, а за ней – громады имперских верфей, белые, словно горы на фоне утреннего неба цвета яиц дрозда.

В приемной, к моей досаде, в моем любимом кресле восседал магнарх Кароль Венанциан, некогда мой тюремщик. Я бы предпочел, чтобы он оставался где-нибудь подальше.

– Лорд Марло! – воскликнул Кароль Венанциан.

Вид у него был дряхлый. На моей памяти центаврийский магнарх всегда был стар. Я не знал, какие у него гены, но представители дома Венанциан, будучи долгожителями, отличались довольно короткой бурной молодостью и длительной старостью. Магнарху наверняка было хорошо за шестьсот, может, все семьсот лет, и даже его седые волосы, начавшие редеть, когда я отправился на Падмурак, к моему возвращению почти все выпали. Голый череп был усыпан старческими бляшками, но взгляд оставался пронизательным, а на тощей руке по-прежнему красовалось множество колец.

Как положено, я преклонил колено, взял протянутую дряхлую руку и поцеловал золотой перстень на большом пальце.

– Признаться, – начал Венанциан сухим воздушным голосом, – я был уверен, что вы так и останетесь для меня неразгаданной загадкой. Я прочел ваши показания, данные Велану Дорру на Колхиде. Мне... жаль вас и вашего доктора. То, что вам пришлось вытерпеть от рук врагов, весьма печалит меня.

Он жестом приказал мне подняться, что я и сделал, стараясь не запутаться в горе простыней, в спешке сорванных с мебели и сваленных по всей комнате. Очевидно, люди Оливы не успели вечером добраться до приемной. Придется попросить Каффу убрать все покрывала.

– Это ужасно, – произнес Венанциан. – Просто ужасно. Неужели вы действительно потеряли отряд?

Вопрос магнарха, произнесенный с присущей старикам прямоотой, был для меня словно пощечина. Я вскинул голову, скрывая подступившую к щекам краску стыда и гнева, и втянул в грудь побольше воздуха.

Собравшись с духом, я устремил взгляд поверх плеча магнарха и ответил:

– Все так, как записано в докладе.

– Ясно.

– В таком случае ваша светлость знает, что Красный отряд погиб. Нас предали лотрианцы.

– Это я слышал, – сказал магнарх. – Но объясните-ка мне вот что: в вашем распоряжении был целый линкор. Вы могли оказать сопротивление. Сбежать. Хотя бы отправить сигнал бедствия по телеграфу. Но не сделали этого. Почему?

Я ожидал такого вопроса. Мы с Каролем Венанцианом не слишком жаловали друг друга, но обвинение все равно задело меня. Мои челюсти сжались так, будто их заварили.

– Ваша светлость, я не мог оказать сопротивления. Я находился на планете, что отмечено в моем докладе.

– Лорд Марло, – поднял дряхлую руку Венанциан, – ваша небрежность стоила нам нескольких потерянных десятилетий. Десятилетий. Получи мы информацию раньше, успели бы принять меры. Император уже вернулся бы на Форум или был бы на пути туда. Будь на вашем месте другой офицер, я бы приказал ему совершить самоубийство за гнусное пренебрежение долгом.

«Пренебрежение долгом»? Эти слова глубоко уязвили меня, даже в глазах потемнело.

– Прикажете, все равно не выйдет, – тихо хмыкнув, ответил я.

Магнарх вздернул тонкую бровь, но не клюнул на наживку.

– На данный момент распоряжение императора таково: в случае вашего возвращения вы должны предстать перед ним при первой возможности.

– Императора? – удивленно моргнул я от неожиданности.

Император был в пути, в фуге, с тех самых пор как я поднялся по крутой лестнице Нов-Белгаэра навстречу людям Дорра. Мало того, его флотилия шла через варп, куда не мог дойти даже сигнал квантового телеграфа. Он не мог узнать, что я выжил, пока не остановится на Ибарнисе, Авлосе или куда там еще он направлялся.

Если только он не получил информацию прежде, чем я вернулся во власть Империи.
Если только...

– Ваш офицер Аристид все рассказал. Мы нашли его двадцать лет назад на окраине системы, в капсуле для фуги. Он все болтал про сьельсинского императора и о том, что вы погибли. Никакие успокоительные не помогали. Император настоял, чтобы вас считали не погибшим, а пропавшим без вести, и приказал доставить вас к нему, если вы вдруг объявитесь.

У меня едва не подкосились ноги, и я опустился на низкую тахту напротив кресла магнарха.

– Лориан! – вырвалось у меня, и я прикрыл глаза рукой. – Он выжил!

Лориан спасся. По крайней мере, Дораяика сдержал слово.

– Говорите, вы нашли его на окраине системы?

Я мысленно представил, как корабль МИНОСа на гелиопаузе солнца Несса делает короткую остановку, чтобы сбросить спящего посланца. Наверняка прошла не одна неделя, прежде чем сигнал аварийного маячка достиг ближайшей станции и оповестил местных пограничников. Я представил, как они выуживают одинокую капсулу из темных глубин космоса, пронизывая тьму прожекторами, словно мародеры, вторгшиеся в древнюю гробницу.

– Где он? – спросил я.

– Здесь, где же еще, – ответил лорд Венанциан. – Мы решили, что свободно разгуливать по планете ему слишком опасно, поэтому заморозили его в форте Горн.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Лориан жив! В тот черный день его освобождение казалось жестокой издевкой, да и столько времени прошло. Столько лет! Он жив!

– Я хочу его увидеть.

– Всему свое время, – ответил Венанциан.

– Он мой офицер! У меня полное право...

– Тише, лорд! – резко опустил тонкую руку магнарх. – Я же сказал: всему свое время. У нас есть более важные проблемы. Прежде всего – вы.

– Я?

Рассердившись на него, я был не в силах сосредоточиться из-за внезапно нахлынувших эмоций и мыслей. Даже старые уловки Гибсона не работали. Да и пускай. Главное – Лориан жив!

– Люди не должны узнать о вашем позоре, – продолжил магнарх, не ведая о буре, что бушевала у меня внутри. – На время вашего пребывания здесь вам запрещается покидать территорию поместья. Вам приставят стражу и прислугу, которые не проболтаются простолюдинам и прессе о ваших злоключениях.

– Позор? – резко вскочив, выпалил я так желчно, что ближайший преторианец отшатнулся и схватился за рукоять меча из высшей материи.

– Вас послали добиться расположения лотрианцев, – не теряя хладнокровия, сказал Венанциан, откинувшись в моем кресле. – Вместо этого все Содружество теперь против нас. Серолицы в союзе со сьельсинами! Это ли не позор?

Что такого Лориан напелл этому человеку?

– Они сговорились со сьельсинами еще до нашего прибытия. Их союз длится десятки, а то и сотни лет. – Я едва не сбился на крик. – Вы сказали, что читали мой рапорт! В Великий конклав проникли экстрасоларианцы, подкупили их, наобещав Земля знает чего. По-вашему, это моя вина?

– Взгляните на это с нашей стороны, – прищурил светлые глаза магнарх. – Ваш офицер Аристид появляется из ниоткуда и сообщает, что «Тамерлан» и вся команда погибли. Что вы выбрали его, его одного, из всех ваших спутников – да еще и по приказу этого ксенобита, – чтобы доставить нам послание. И вдруг объявляетесь вы. Не здесь, в Сананне. Не на Форуме. Не

на базе легиона. А на Колхиде. В библиотеке, где ранее вы по чистой случайности обнаружили мериканского деймона.

– А Горизонт-то здесь при чем? – воскликнул я, назвав по имени машину, которую мы нашли на Колхиде.

От удивления у меня отвисла челюсть.

– Это я вас спрашиваю! – рявкнул Венанциан. – Что вы со своей тавросианкой забыли на Колхиде?

Я по-прежнему стоял, разинув рот, но умудрился выдавить:

– Вы... считаете меня предателем?

– Или трусом, – ответил магнарх. – Не держите меня за дурака. Что вы делали на Колхиде?

– Нес траур! – огрызнулся я и повернулся спиной к верховному правителю Центаврийских провинций.

Кароль Венанциан был последним, кому я стал бы объяснять, что из всего моего отряда настоящая могила была только у Сиран и что я отправился туда, чтобы скорбеть, не зная другого такого места, кроме Эуэ, что было бы столь близко к Смерти.

К моему удивлению, Венанциан ничего не ответил, и я повернулся обратно.

Я так вскипел, что с трудом выговаривал слова:

– Вы осмеливаетесь обвинять меня...

– Я вас не обвиняю, – покачал головой магнарх. – Но нам нужны доказательства. Разведка выяснит правду. От них ничего не утаишь.

– Вы всерьез подозреваете, что меня завербовали? – разъярился я. – Меня?

Я показал свою искалеченную руку.

– Милорд, посмотрите на меня! – прошипел я, но, когда магнарх открыл рот для ответа, перебил его: – Смотрите! Сколько пальцев не хватает? Дораяика самолично их откусил! А как вам вот это?!

Повернув голову, я приоткрыл пальцами висок, демонстрируя серпообразный шрам, который только недавно оброс волосами.

– Здесь меня порезали, чтобы кровь не скапливалась в голове, пока я висел голым вверх ногами! – показал я и опустил руку. – Магнарх, это еще цветочки. Хотите, рубашку сниму?

Он снова попытался ответить, но я не позволил.

– Семь лет! Семь лет они пытали меня. Семь лет я страдал и умер бы, если бы моя «тавросианка», – вернул я ему его слова со всем презрением, на какое был способен, – не свернула горы, чтобы спасти меня и попытаться спасти остальных!

Раздувая ноздри, я шагнул к старому магнарху, спровоцировав преторианцев преградить мне путь. Я отступил, подняв руки с открытыми ладонями, демонстрируя, что не имею злых намерений.

– Вы спросили меня, – продолжил я, – действительно ли я потерял весь свой отряд. Я его не потерял! Я точно знаю, где мои солдаты. Они мертвы. Уничтожены врагом – врагом, о котором вы, ваша светлость, имеете весьма слабое представление.

– Вы закончили?! – рявкнул лорд Венанциан, наконец найдя силы прервать мою тираду. – Если я по чему и скучал, то уж точно не по вашим напыщенным речам, лорд Марло!

Его пальцы с длинными наманикюренными ногтями вцепились в подлокотники, сверкая рубинами, алмазами и аметистами.

– Каким бы ни было ваше состояние, приказ есть приказ. Мы должны дожидаться распоряжения императора, и если он прикажет отправить вас к нему, я так и сделаю, но лишь в том случае, когда буду уверен, что это безопасно.

Безопасно. Я покачал головой. Несмотря на высокомерие, Венанциан был достаточно рассудителен. Даже в пойне бывших пленников подвергали тщательным допросам и стяжанию.

Невозможно было определить на глаз, что могли вживить сдавшемуся человеку, как могли изменить его организм. В истории полно примеров, когда войны затевались узурпаторами-клонами или сыновьями знатных семейств, вернувшимися из заложников с переписанной памятью и личностью.

Я успокоился, охладил свой пыл.

– Ваша светлость, какова истинная цель этого визита? – посмотрел я на него свысока. – Если вам хотелось лишь уязвить мою честь, можно было ограничиться беседой по голографу и не тратить время попусту.

Морщинистое лицо магнарха вытянулось от удивления.

– Уважение, – просто сказал он. – Лорд, каким бы ни было мое личное отношение к вам, вы не простой солдат. Ваши титулы и деяния многого стоят.

Он наклонился, чтобы лучше рассмотреть мою руку, и добавил:

– Я пришлю своих лекарей.

Но я молча убрал искалеченную конечность в карман.

– Лорд Марло, я не верю, что вы предатель, – сказал Кароль Венанциан и жестом подозвал ближайшего преторианца, который передал ему трость. – Но я не стал бы магнархом, если бы принимал все на веру. Жизнь императора – не игрушка.

Он кряхтя приподнялся. Стоя магнарх не производил внушительного впечатления. Разодетый карикатурный человечек с согбенной спиной, сутулыми плечами, гораздо ниже, чем я его помнил.

– Народ, узнав о вашем возвращении, назовет его новым чудом, – продолжил он. – Все вновь примутся повторять байку о том, что вас невозможно убить, но я-то знаю.

Венанциан достал белый платок, отхаркнул на него, немного покашлял и, опершись на золоченую трость, изрек:

– Мученики нужнее героев. Лучше бы вы погибли вместе со своим отрядом.

– Ваша светлость, мой отряд был с этим не согласен, – мрачно ответил я, помня, как отчаянно они сражались, чтобы я смог добраться до шаттла.

Не дослушав, Кароль Венанциан прошел мимо меня в сопровождении своих преторианцев в белых масках.

Когда он оказался у круглой двери в коридор, я окликнул его:

– Лорд магнарх!

Верховный правитель остановился, но не обернулся.

– Благодарю вас, – сказал я, – за то, что дали мне убежище, прежде чем Капелла устроила мне проверку.

Я выразил не все свои мысли, но Венанциан понял. Он не хуже меня знал, что Капелла желает моей смерти.

– Все, как велит император, – ответил старик. – Молюсь, чтобы вы прошли стязание, потому что у меня тоже есть к вам вопросы, на которые хотелось бы получить ответы.

Он вышел и скрылся в коридоре.

Глава 9

В поместье Маддало

Я не стал подробно рассказывать о суде на Фермоне и о событиях на Колхиде. Не стану я уделять лишнего внимания и долгим, многонедельным допросам и испытаниям, которым нас с Валкой подвергали прислужники Венанциана. Читатель, вы уже давно путешествуете со мной и знаете, что мне пришлось вынести. Вы понимаете, что я говорил правду.

Я вытерпел стязание, проведенное инквизитором Мариусом на вершине одной из сананнских башен под присмотром Линча и троих схоластов, присланных лично Венанцианом. После Фермона мои имперские благодетели усвоили урок и поняли, что меня лучше не бросать наедине с клириками Святой Земной Капеллы.

Моя человечность была неопровержимо доказана, а Валка избежала процедуры благодарения тавросианскому подданству. Но даже несмотря на это, схоластам и логофетам Венанциана пришлось потратить немало часов и чернил, чтобы уберечь ее от встречи с инквизицией. В конце концов мой статус и поддержка императора сыграли свою роль в ее защите.

В процессе всего этого начались настоящие допросы, и день ото дня меня мучили одними и теми же вопросами то безликие логофеты из канцелярии магнарха, то разведчики легионов, то агенты особого отдела. Мои ответы сравнивали с отчетами с Колхиды, с показаниями Валки, которые она зачастую давала в соседней комнате, и с утверждениями Лориана, сделанными им под воздействием амитала двадцать лет назад. Я и сам позволил вколоть себе сыворотку правды и попытался представить, каково было агентам допрашивать одурманенного и едва не свихнувшегося Лориана.

Самого командера я так и не увидел.

За это время старое поместье было прибрано и отчасти приобрело прежний представительский вид. Для реставрационных работ нам прислали хмурых людей с армейской выправкой. Они вывезли простыни, убрали пыль, провели техосмотр и оптимизировали генераторы и щиты. Колодец пересох и требовал земляных раскопок, вода в цистернах закончилась, и два дня для питья и мытья нам пришлось использовать бутилированную воду.

Я был почти уверен, что нанятые магнархом работники также установили по всему дому скрытые камеры, но выбора не было – пусть шпионят. В ходе допросов я узнал у одной особенно болезненной и угрюмой женщины, что с «Ашкелона» сняли все оборудование и прошерстили все его системы. Среди прочего разведчикам удалось получить координаты Эуэ. Женщина не ответила, были ли отправлены экспедиции, чтобы разведать эти неизвестные регионы и черную столицу сьельсинов. Полагаю, были – если не сразу, то позднее, по личному приказу кесаря.

Не знаю, чем это закончилось, и не могу даже предположить. Возможно, многочисленные легионы сожгли нечестивый Актеруку дотла. А может, мертвый Миуданар до сих пор видит жуткие сны на черных песках Эуэ.

За свое долгое путешествие на Колхиду я неоднократно подумывал стереть координаты из навигационной матрицы корабля, но не стал, опасаясь, что это вызовет подозрения вроде тех, что испытывал магнарх. Мой рассказ нужно будет проверить, а для этого потребуется как минимум выслать сканирующий зонд, чтобы получить изображение планеты сьельсинов.

Я не ожидал, что Венанциан всерьез заговорит о возможности моего предательства, но понимал, что не смогу рассказывать об Эуэ, да и обо всем остальном, не имея хоть какого-нибудь доказательства. В своих докладах я опустил все, что мне было известно о расе энар и Наблюдателях, упомянув их лишь при описании Сириани Дораяики, коронованного Шиому Элуши, ставшего теперь не только светским, но и религиозным лидером сьельсинов.

Царь и пророк.

Лекари Венанциана прибыли через неделю после нашей первой встречи: два схоласта и дюрантийский хирург Элькан, который снял с моего тела полную голограмму и резонансную томограмму, после чего составил план замены кожи, лечения моего изувеченного плеча и восстановления потерянных пальцев.

– С пальцами проблем не будет, – заявил Элькан, глядя на планшет. – С плечом придется повозиться. Исправить, конечно, исправим, но не без труда. Латеральный и задний пучки дельтовидной мышцы придется удалить и заменить новой тканью. Консервативными методами не исправишь, там живого места не осталось. Круглые мышцы можно попробовать спасти с помощью трансплантатов, но, возможно, и их понадобится заменить. А что касается костей... Видите, вокруг плечевого сустава образовалась полость? Кости не встали на место и постоянно трутся друг о дружку. Придется установить вместо них керамические. Или даже адамантовые, как в вашей другой руке. – Он указал на изображения на дисплее. – Операция будет долгая, а восстановление – еще дольше, даже с инъекциями беты.

– А руку целиком вы можете заменить? – спросил я, вцепляясь пальцами в левую руку. Элькан удивленно моргнул темными, почти птичьими глазами-бусинами.

– В этом нет необходимости. На регенерацию одних лишь пальцев понадобится пара недель. На всю руку уйдет месяц!

– А если напечатать кости?

– Как в вашей левой руке? – Элькан причмокнул губами. – Можно, но не быстро. В долгосрочной перспективе результат, скорее всего, будет лучше, но вам придется потратить годы на привыкание и тренировку нейронных связей.

– Я помню, – сказал я, не отпуская левую руку.

– И все равно я считаю, что нужды нет. Основные повреждения приходятся на область суставной впадины. Тут заменой одной руки не ограничишься; придется все плечо и даже ребра менять... Милорд, вам хочется пролежать год в резервуаре с бетой, не приходя в сознание? На полное восстановление вряд ли уйдет меньше времени.

Я ответил, что понимаю.

– Пальцами можем заняться хоть завтра. Регенерация будет болезненной. Помните ваш переходный возраст? – попытался пошутить он и улыбнулся, но вышло не слишком успокаивающе. – Вот, примерно то же самое, только хуже. Пальцы будут расти как... ветви дерева? Кости будут болеть, но с помощью коррекционных пластырей вы сможете выполнять простые действия. Мне нужно будет постоянно следить за ходом восстановления, но это не беда, я живу недалеко.

Он убрал планшет и закрыл чемоданчик с медицинскими инструментами, кивнув помощнику:

– Завтра привезу нужное оборудование. А что касается плеча...

– Придется подождать, пока не закончим с допросами, – перебила его одна из схоластов, пожилая женщина с тонкими губами и хмурым лицом.

Элькан устало поднялся. Он был очень низкого роста, и наши глаза оказались примерно на одном уровне, хотя я сидел. Доктор тяжело вздохнул.

– Пальцы! – воскликнул он и похлопал меня по плечу. – Пальцы мы вам быстро сделаем, вот увидите! Шрамы тоже уберем. Трансплантаты поставим.

Он дотронулся до моей щеки там, где остались следы когтей Дораяики.

Я убрал его руку:

– Это не трогайте.

Мысль об искусственном лице почему-то вызывала больше отвращения, чем планы по замене мышц или пальцев. Даже больше, чем мысли об искусственных костях в левой руке.

Сам не знаю почему.

Кхарн Сагара сделал мне новую руку за считанные дни, не выращивая новых костей. Адамантовый корпус в моей левой руке, куда был спрятан новый костный мозг, не только дал мне способность блокировать даже высшую материю, но и серьезно ускорил восстановительный процесс. Новые ткани были мягкими и недоразвитыми, но со временем благодаря физиотерапии моя левая рука сравнялась с правой.

Метод Элькана подразумевал выращивание новых костей, а они росли крайне медленно. Рост был болезненным и сопровождался неприятнейшим запахом. Шина и коррекционные пластыри, наклеенные на правую руку, напоминали устройство, с помощью которого Тор Альма и младшие лекари отца в детстве лечили мне перелом. Это чудовищное приспособление из нержавеющей стали удерживало сустав неподвижно и не позволяло сгибать запястье. Тыльную сторону ладони пронизывали тонкие, как волосы, гибкие стеклянные иглы, стимулируя нервы, снижая боль и вызывая онемение тех участков, где наиболее важно было сохранить рост новых тканей.

Мне бы хотелось иметь возможность увидеть, как из обрубков вырастают пальцы, но они были скрыты пластиковой заглушкой. Не оставалось ничего иного, как вдыхать отвратительный запах и стараться не обращать внимания на тупую боль по всей руке до плеча и на слабую пульсацию крови в новых сосудах.

– Доктор Элькан сказал, что мне придется ходить с этим полтора месяца, – поморщившись, приподнял я повязку-рукавицу. – Затем он примется за плечо. Оказывается, операционная анестезия может помешать действию медикаментов, благодаря которым растут пальцы. И поэтому все нужно делать по порядку.

Опустив правую руку, я крепко сжал левой маленький металлический цилиндр, с которым играл, чтобы не зашипеть от боли.

– Они имеют право допрашивать тебя, пока ты под препаратами? – спросила Валка, сложив в стопку бумаги на столе и откинувшись в кресле. – В такой ситуации показания вряд ли можно считать достоверными.

– Все предосторожности соблюдены, – сухо ответил я и прикрыл глаза. – Мне не дают ничего, что может влиять на ясность ума.

По правде говоря, мне даже сильных обезболивающих не давали, только легкие противовоспалительные препараты.

– Как любезно с их стороны! – воскликнула Валка и презрительно фыркнула.

Ее рабочий кабинет занимал весь четвертый – верхний – этаж восточного крыла. Окнами он выходил на главный двор, который тянулся на северо-восток до стены и аллеи деревьев, окружавшей территорию старого аббатства. Вдали дымили трубы деревенских домов Фонса. Сананну из этого окна было не видать; город и его верфи находились на юге, вниз по склону, на равнине.

Зато сэра Гектора Оливу было прекрасно видно.

Молодой рыцарь стоял на лужайке и постреливал в тюк сена, купленный в деревне. Мы наконец узнали о содержимом его второго футляра – плоского и длинного.

– Он еще там? – вытянула шею Валка.

– С самого утра, – ответил я, крутя рабочей рукой цилиндр.

Несмотря на небольшой размер – всего два дюйма в длину и три четверти в диаметре, – цилиндр был весьма увесистым.

Олива натянул тетиву старинного лука и легко выпустил стрелу. Пролетев беззвучно, она ударила точно в центр мишени, расположенной в полусотне ярдов.

– Он же не думает всерьез применять лук в бою? – спросила Валка, выпорхнув из кресла и присоединившись ко мне у окна.

Я снова покрутил цилиндр, прокатив его между пальцами, как какой-нибудь плагиарий – монету.

– У всех свои увлечения, – бросил я.

Увлечшись наблюдением за Оливой, я случайно задел правой рукой подоконник и застонал от боли, выронил цилиндр.

Не успел нагнуться, как Валка подняла его.

– Осторожнее, варвар! Ты уже не мальчик!

– Помоложе некоторых! – парировал я и протянул руку за цилиндром.

Насупившись, Валка покачала его на ладони.

– Это же резервуар для высшей материи, оставшийся от меча того убийцы?

– Он самый, – ответил я, нетерпеливым жестом требуя его обратно. – Думаю найти мастера, чтобы сделать новую рукоять. Что я за рыцарь без меча?

Старый резервуар валялся в умывальнике Джинан рядом с филактерией Валки, оставленный там как будто божественной рукой.

– Но мало где это умеют, – добавил я. – На Элосе, Фэе... в Джадде...

Зажав цилиндр двумя пальцами, Валка подняла его к свету. Покрытие было титановым, без каких-либо отметин и отверстий, если не считать клапана на торце и клейма мастера, старинной греческой буквы Ф. Внутри в инертном состоянии находилось около фунта высшей материи. Сколько времени должны были работать ускорители частиц, чтобы произвести столько редкого вещества? Несколько лет? Десятилетий? Невозможно было предугадать, когда и как часто будут появляться на свет редчайшие пентакварковые барионы. Чтобы сделать меч, их нужны были триллионы. Барионы собирались в причудливые атомы, затем атомы связывались в одну жидкую молекулу, из которой формировался клинок, способный разрубить почти что угодно. Мощностей всех фабрик на Элосе и Фэе хватало, чтобы производить от силы полдюжины таких молекул в год, а то и вдвое меньше.

– Говоришь, он был джаддианцем? – спросила Валка.

– Убийца? – Я оглянулся на Гектора, который побежал к мишени по прямой, на ходу вынимая стрелы из колчана и стреляя. – Да. Маэсколом.

– Но это не джаддианский алфавит, – сказала Валка, поковыряв букву Ф блестящим ногтем.

– Нет. Это буква фи. – Я забрал у нее резервуар и провел пальцем по клейму. – Означает, что меч произведен на Фэе. Все имперские клинки делают на Фэе или Элосе, поэтому на клейме ставят либо фи, либо лямбду. У джаддианцев другие маркировки.

– А почему на Элосе ставят лямбду, а не эпсилон? – удивленно спросила Валка.

Я развел руками.

– Выходит, это имперское оружие? – уточнила она и после моего кивка добавила: – Почему маэскол сражался имперским мечом? Как-то подозрительно.

Я вновь лишь развел руками. Жест вышел асимметричным, учитывая состояние моей правой руки.

– Наверное, кто-то из «Львов» дал. Например, принц Рикард. Или принц Филипп. Или даже сам лорд Бурбон.

Мысль об Августине Бурбоне заставила меня испытать боль, что была сильнее боли в костях, и я отвернулся от окна и света.

Валка села обратно в кресло. Вокруг нее, на стенах и над лакированным столом висели распечатанные фотографии.

– Вряд ли принцы! Они же не рыцари. Разве такие мечи не полагаются только рыцарям?

– Бурбон тоже не был рыцарем, – ответил я. – Более того, рыцарем нужно быть, чтобы получить право носить такой меч публично.

Я сам носил меч сэра Олорина не один десяток лет до того, как император посвятил меня в рыцари, но делал это почти исключительно за пределами Империи. Был такой меч и у Бассандера Лина, которому до сих пор не даровали рыцарского титула, хотя он того заслуживал. Только рыцарь мог заказать такой меч, а потом отдать его кому угодно.

Я рассказал об этом Валке.

– Интересно, для кого тот меч изготовили, – задумалась она.

– Уверен, что он принадлежал Бурбону. Лорд заставил Браанок подбросить нож-ракету. Подговорил принцев – хотя, возможно, это сделала императрица. У нее тоже мог завалиться такой меч.

Я положил цилиндр на ладонь, ощущая его зловещую тяжесть, холод и плотность, и спросил:

– Но неужели они настолько глупы, чтобы вооружать убийцу собственными клинками?

– Вряд ли, – согласилась Валка; никто бы не допустил такую оплошность. – Тогда откуда он взял этот меч?

– Бурбон? – Я с прищуром посмотрел на Валку, понимая, к чему она клонит, и помотал головой. – Не шути так.

– Его отец был бунтовщиком. Был ли он рыцарем?

– Не знаю.

– Предположим, что был. Значит, это мог быть меч Гибсона.

– Этого мы никогда не узнаем, – сказал я, сжав пальцы на цилиндре.

– Я говорю: «предположим», – не унималась Валка. – Это вполне вероятно. А если так... – улыбнулась она, и ее глаза загорелись, как звезды. – Возможно, это судьба.

– Судьба...

Я взвесил резервуар на ладони, повернулся к окну, посмотрел на сэра Гектора. Молодой командер вытаскивал из мишени стрелы для последующих упражнений.

Валка снова подошла и облокотилась на подоконник.

– У тебя не жизнь, а сказка, – тихо произнесла она.

– Разве что страшная, – возразил я и приблизил цилиндр к свету, осматривая его, как ювелир оценивает только что ограненный алмаз.

Меч Гибсона. Это было возможно. Если у Филиппа Бурбона было такое оружие, ему пришлось сдать его перед ссылкой на Белушу, оставить сыну. Таким образом, на память о темном прошлом семьи у Августина мог оказаться старинный меч, опознать который не смог бы ни один ныне живущий мастер. Не считая клейма, на резервуаре не было отличительных знаков. Ни серийного номера, ни даты изготовления. Бурбон мог изменить меч до неузнаваемости, превратить в совершенно другое оружие.

А когда происхождение оружия невозможно отследить, оно становится идеальным инструментом для убийцы.

Меч Гибсона...

Говорят, Вселенная бесконечна. Так утверждают схоласты, и сам я был тому свидетелем. Но эта бесконечность проявляет себя не во всем, а только лишь в бесконечности пространства и бесконечности возможностей. Вселенная ограничена временем, ведь у времени было начало – в этом все маги сходятся, – а значит, будет и конец. Как и у всех нас. И по-моему, именно в этом противоречии между бесконечным пространством и конечным временем скрыто объяснение всех кажущихся случайными совпадений, ведь подобно тому, как сохраняются неизменными масса и энергия, сохраняются и события.

А может, дело в том, что мы люди и наши жизни изначально тесно переплетены на ткацком станке человеческих трагедий.

– Меч Гибсона... – произнес я вслух. – Ты правда так думаешь?

– Я думаю, это весьма вероятно. Было бы здорово, если бы это было так. Ему бы хотелось, чтобы ты владел им. Если это действительно меч Тора Гибсона. Ты ведь его сын, – улыбнулась она мне.

Я торопливо убрал цилиндр в карман туники и тряхнул рукой, словно обжегшись.

Валка не сводила с меня взгляда и после этого неловкого момента спросила:

– По-твоему, Дораяика не обманывал, когда говорил, что Вселенную создало Тихое?

Словно обжегшись второй раз, я посмотрел на нее и поднес палец к уху, как делает глуховатый человек, когда просит повторить.

– Нас никто не подслушивает, – произнесла Валка на нордейском, разгадав мой сигнал. – Вон там в раму встроен микрофон, – указала она на дальнюю стену, – но я только что его отключила. Будет выглядеть как небольшая неполадка. У нас есть несколько минут, прежде чем люди Оливы заметят и пришлют кого-нибудь проверить.

Несмотря на все тяготы нашего положения, я улыбнулся, вспомнив наше давнее пребывание во дворце Балиана Матаро.

– Навевает воспоминания?

– Еще как, – подмигнула Валка. – Но ответь на мой вопрос.

– Я думаю, что Дораяика всерьез в это верит, – без раздумий сказал я, потому что повелитель сьельсинов никогда не лгал. – И отчасти это правда. Ты же видела череп в Актеруму? Наблюдатели существуют. Тихое – тоже.

– Ты тоже веришь, что оно сотворило Вселенную?

– Вообще-то, о нем следует говорить в мужском роде, – поправился я. – Другие... – усмехнулся я, сам не веря своим словам, – другие Адрианы называли его «он». Никак не привыкну.

Валка напряглась, и я почувствовал, что эти откровения ей не по душе.

– Почему они так говорят?

– Не знаю, – честно ответил я. – Но могу связаться с ними, если постараюсь. С их воспоминаниями. С теми Адрианами... которые никогда не жили. Кое-кому из них известно такое, с чем я и не сталкивался. Помню... как был рабом на Эмеше. Как мы с тобой были на «Ехидне» – или на «Тифоне»? Короче говоря, на одном из сьельсинских кораблей-миров, захваченных Империей.

– Но мы никогда не были ни на «Тифоне», ни на «Ехидне», – заметила Валка настолько спокойно, насколько могла.

– Знаю! – воскликнул я, положив здоровую руку на сердце. – Но я это помню! Даже карту видел! – Я пристально посмотрел на нее. – Тебе что-нибудь говорит название... Наири?

Валка помотала головой.

– А вайарту?

– Адриан, – нахмурилась она, – я не знаю, о чем ты. Эти видения...

– Это не видения! – возмутился я. – Это воспоминания! Мои воспоминания!

Я скривился от приступа боли в правой руке. В юности наш рост продолжается годами, а здесь этот процесс был сжат до нескольких дней. Я представил, как пальцы под заглушкой давят на кожу изнутри, растягивая ее.

– Уж себе-то я доверяю, – сказал я.

Валка слабо улыбнулась, но ничего не ответила, лишь наклонила голову.

– Верю ли я, что Тихий – бог? – продолжил я, возвращаясь к изначальному вопросу.

Во мне вдруг проснулся схоласт, и я сразу перешел к следующему:

– Что вообще есть бог?

Если определить бога как сущность, обладающую большим могуществом, чем тот, кто ищет бога, более развитую, чем человек, то Тихий, вне всякого сомнения, был богом. Но по той же логике мы, люди, были богами для умандхов, кавараадов и других низших рас, живших

среди звезд. Да еще какими богами! По сравнению с нами даже Зевс со своей шайкой кроваво-жадных психопатов и дегенератов покажется славным малым.

Мы, как и другие живые существа, были смертны... состояли из плоти и крови.

Но Тихий?

Что есть бог?

– Существо из сказок, – поджав губы, ответила Валка.

– Вот только у нас все наяву, – парировал я, уловив пренебрежение в ее голосе.

Когда-то оно было свойственно и мне. Я не верил в рассказы Капеллы о Земле и ее Сыне, Боге-Императоре. Земля была лишь круглым камнем, – нашим родным круглым камнем, но все-таки камнем – а старый Вильгельм Виндзор был обычным человеком. Таким, как я, избранником Тихого, ролью которого было кратчайшим путем привести человечество к колыбели у конца времен, где лежало яйцо.

Но мы с ним были людьми.

– Так ты в это веришь? – не унималась Валка.

– Как не поверить? – спросил я. – Валка, я ведь однажды умер. Ты сама видела.

«Он убивает меня, но я буду надеяться на Него»¹, – произнесло мое второе «я», и я старался следовать этому принципу.

– То есть ты веришь, что оно – или он, какая разница, – создало Вселенную? Ты сам говорил, что Тихое – из будущего. Оно родилось в конце времен. Как оно могло создать Вселенную, если Вселенная создала его?

– «Не имеющий ни начала дней, ни конца жизни»², – пробормотал я. – Что это, если не бог?

Дверь в кабинет внезапно распахнулась, и в проеме возникло сердитое бледное лицо лейтенанта Карраса.

– Все в порядке? – спросил он с весьма глупым видом, учитывая, что причиной его вторжения был отказ прослушивающего устройства.

С опозданием осознав оплошность, Каррас залился краской.

– Я услышал повышенные голоса, – оправдался он, хотя мы с Валкой разговаривали полупшепотом.

Ну и разведчики в легионах.

– Лейтенант, вам, наверное, послышалось, – любезно сказала Валка.

– Смею полагать, наши друзья из города скоро придут? – спросил я, отчасти жалея молодого офицера.

– Что? – удивленно моргнул Каррас и полностью открыл резную деревянную дверь. – Ах да! Так точно, милорд. В течение часа.

Я ухмыльнулся Валке:

– Значит, закончим разговор позже. – И чмокнул ее в щеку.

– Они знают, где меня искать, – сказала она, возвращаясь к работе.

¹ Книга Иова, 13: 15. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Послание к Евреям, 7: 3.

Глава 10

Выжившие

Далеко не впервые за свою жизнь я оказался пристегнут к кровати. По крайней мере, на этот раз это была моя собственная кровать, а не холодная жесткая койка в медике. Грудь и плечо были замотаны белыми бинтами, меня лихорадило, а послеполуденное солнце ярко и весело улыбалось мне из окна, усиливая действие обезболивающих и лекарств, сгущающих кровь.

Рядом на столе лежал мой терминал, цитируя отрывки из «Теософии» Орода. Искусственный женский голос зачитывал текст без выражения и акцентов, и слова древнеперсидского философа густым облаком повисали в воздухе.

«Не это ли говорил Ахурамазда Машье и Машьяне? „Вы люди, хозяева мира, ваше совершенство проистекает из вашего служения мне! Так выполняйте мою волю! Думайте о добром, говорите добро, делайте добро и не поклоняйтесь демонам!“»

Я мало знал об Ахурамазде и лишь после прослушивания понял, что это тот самый бог огня и порядка, которому до сих пор поклонялись джаддианцы.

По словам доктора Элькана, моя операция прошла хорошо. Допросы закончились, а от императора пришло послание: мне надлежит встретиться с ним на следующей остановке в его турне, на Картее. Венанциан неохотно дал на это добро.

Мы пробыли на Нессе меньше года, и я снова должен был его покинуть, не успев вновь почувствовать себя как дома в поместье Маддало. Мне предстояло еще несколько месяцев восстанавливаться после операции, но и император планировал задержаться на несколько месяцев на Ибарнисе. До отправления навстречу флотилии на Картее я должен был полностью поправиться.

Плечо было обездвижено, однако я шевелил отросшими пальцами, постукивал кончиками о большой палец. По порядку: указательный, средний, безымянный, мизинец. Указательный, средний, безымянный, мизинец. Аналогично тому, как когда-то заново выросшие зубы превратили мой рот в инопланетный ландшафт, новые пальцы мешали воспринимать руку своей.

«Чья это рука?»

Вопрос был сродни старым медитативным вопросам Гибсона и звучал почти что с его интонацией, смешиваясь с цитатами Орода с терминала.

«...лишь тогда зло проникло в сердца людей, и разум их помутился. Машья и Машьяна объявили, что вода и земля, растения и животные, солнце, луна и звезды были созданы злом...»

«Чья это рука?»

Голос Гибсона. Голос принца Филиппа Бурбона.

Удивительно, что после его смерти я стал сильнее ощущать его присутствие. А может, вовсе не удивительно. Мертвых друзей и близких у меня было гораздо больше, чем живых, — так бывает с каждым по прошествии времени. Когда мы стареем и приближаемся к вечности, мертвые становятся нашими спутниками. Они живут в нас, независимо от того, существует жизнь после смерти или нет.

Быть может, поэтому нам порой видятся призраки... потому что мы носим их в себе.

Я продолжал постукивать кончиками пальцев по большому пальцу. Указательный, средний, безымянный, мизинец, указательный, средний, безымянный, мизинец...

«Чья это рука?»

Не моя. Это не мои руки. Ни одна из них. Я их больше не узнавал. На левой, с искусственными костями и шрамами, оставшимися после дуэли с Иршаном, также виднелись следы

криоожога на пальцах, где в плоть вмерзли кольца. На правой были схожие следы, белые и блестящие, контрастирующие с яркими красными отметинами на месте содранной истязателями кожи и плоти. Мои новые гладкие и чистые пальцы на этом фоне производили почти комический эффект.

– Земля и император, – раздался знакомый надтреснутый голос, – ну и вид у вас...

С трудом оглянувшись, я увидел на пороге спальни ребенка, одетого в угольно-черную форму имперского офицера. Одной рукой, с серебряным кольцом на пальце, он придерживался за дверной косяк, а голову его обрамлял ореол коротких белых волос.

Я пошарил левой рукой по столику, нащупывая терминал, чтобы заглушить монотонную «Теософию» Орода.

«...я говорю тебе: Бог создал время, чтобы заключить...»

Я нашел кнопку и заставил женский голос замолкнуть. На глаза навернулись слезы, и вся комната поплыла.

– Лориан? – едва выдавил я.

Возможно, виной тому были лекарства, но я с трудом узнал крошечного командера.

– Это ты? Что с прической?

– Чего? – переспросил Аристид и, шагнув в комнату, провел ладонью по короткой непослушной гриве, торчащей из скальпа. – А, это? По уставу. Комендант Карцинель обвинил меня в несоблюдении традиций.

Интус медленно, словно контуженный, приблизился ко мне. Одурманенный обезболивающими, я все равно узнал его взгляд, пусть сейчас он и был пустым от внезапно нахлынувших жутких воспоминаний. Старые раны открылись не только у меня.

– Это правда вы.

– А кого ты ожидал? – спросил я, вздернув брови, и осторожным движением пальцев прицепил терминал на левое запястье.

– Что они с вами сделали? – указал на бинты Лориан.

– Врачи? Или Бледные?

– Что с вашей рукой?

– Это что, допрос? – спросил я и попытался усмехнуться. – Я уж думал, что с разведчиками отмучился.

Резкое движение причинило боль, и я закашлялся так, что стало еще хуже.

Бесцветные ясные глаза Лориана осмотрели мои бинты, задержались на новых пальцах и седых прядях в волосах. Маленький человечек был очень проницателен и наблюдателен не меньше заправского схоласта. Он был из тех, кто мог с закрытыми глазами играть в дружбу, с одного только взгляда запоминая положение фигур на доске.

– Валка сказала, он вам пальцы откусил, – произнес он наконец.

– Дораяика? – уточнил я, отворачиваясь от Лориана к окну. – Откусил.

Я посмотрел на вечнозеленые деревья и стройные кипарисы над живой изгородью, окружавшей английский садик, словно башенные стены – зеленый замок.

– А еще с меня содрали кожу и подвесили за руку. Сбросили с тридцатифутовой высоты и оставили висеть... – Я замолчал, чтобы понаблюдать, как ветер колышет кипарисы. – Сам не знаю сколько. Не один день.

Со стоном повернувшись обратно к Лориану, я добавил:

– Плечевому суставу пришел конец. Порвал кучу связок. Срослись как попало. Венанциан нашел дюрантийского врача, чтобы меня подлатать.

– Почему вы живы?

– И тебе здравствуй.

– Я имею в виду, как вы сбежали?..

Лориан не моргнул ни разу с тех пор, как я повернулся к нему, и пусть в нем не было и пяти футов росту, казалось, что он нависает надо мной.

– Как оттуда можно было сбежать? Даже если весь отряд вступил в бой... мы были безоружны и уступали числом один к пяти или шести. Может, даже больше.

– Это все Валка, – объяснил я. – Они с Корво выжили на Падмураке, проникли на сельсинский корабль, где везли «Тамерлан», и на нем добрались до Эуэ.

– Эуэ? – в недоумении повторил Лориан.

– Так называется та планета, – ответил я, не тратя времени на рассказ об истории Элу, расе энар и так далее.

Лориан был готов присесть ко мне на кровать. Я попробовал встряхнуть головой, чтобы прочистить мозги, но на это движение болью отозвалось мое прооперированное плечо, и я всхлипнул.

– Это их родная планета? – спросил Лориан, не обращая внимания на мое бедственное положение.

– Можно и так сказать, – выдохнул я. – Более подходящей нет.

– Как вы спаслись? – процедил Лориан сквозь сжатые зубы.

Я посмотрел на него – по-настоящему посмотрел. Его длиннопалые кисти в серебристых шинах, которые не допускали вывихов, были сжаты в кулаки. Я взирал на него удивленно – и по причине непонимания, и из-за эффекта от лекарств.

– Я же говорил, Валка меня спасла. Не она одна, конечно. Но без нее я бы не добрался до «Ашкелона».

– Тогда где остальные?

– А Валка не рассказала? Это она тебя впустила?

– Я ее сегодня не видел. Меня впустил какой-то агент с косичкой, – ответил Лориан и вполоборота повернулся к двери. – Вообще-то, косички тоже не по уставу...

– Олива, – догадался я. – Императорский надзиратель.

Лориан без предупреждения врезал мне кулаком по плечу. Я завопил и отполз назад, чувствуя, как стонут от напряжения новые мышцы. Возможно, Лориан собирался ударить во второй раз, но не смог. Ругаясь, он отшатнулся, прижимая руку к груди.

– Марло, будьте вы прокляты! Что там случилось?!

Мне тоже хотелось выругаться, но не хватало воздуха. Я не сразу понял, что продолжаю кричать. Боль в плече была такой, что никакие опиоиды не помогали. Я пощупал здоровой рукой повязку. К счастью, она оказалась сухой.

– Да пошел ты, Аристид! – тяжело дыша, прохрипел я.

Лориан присел на джаддианский ковер в ярде от меня, потирая ушибленную руку. Вытянув шею, я увидел, как он с хрустом вставил на место выбитое запястье. Кряхтя, интус пошевелил пальцами и поднялся.

– Никого? Совсем никого? – простонал он и с руганью вправил себе палец. – Вы ни одного человека не спасли?

– Я спас тебя! – проревел я и пожалел об этом.

Лориан не смотрел на меня, лишь продолжал прижимать к себе руку.

– Тебя там не было! – прошипел я, пользуясь его молчанием. – Бандит и Паллино пригнали шаттл, забрали меня и еще человек тридцать.

Кажется, в тысячный раз я принялся за рванный пересказ событий того ужасного дня, поведал, как на шаттл напало Ауламн, как Карим и Паллино погибли, защищая меня, как трамвайные пути на «Тамерлане» провалились подо мной. Я не стал упоминать о скорлупе Тихого и о том, как его вмешательство спасло мне жизнь. Лориан всегда сомневался в его существовании и не поверил бы сейчас.

Весь рассказ занял от силы пять минут. Пять минут... но столь мучительных, будто прошла целая жизнь.

Когда я закончил, Лориан по-прежнему сверлил меня бледными глазами с расстояния в ярд.

– Никого? – выдохнул он снова.

Его голос звучал отдаленно.

– Никого.

– Что тут творится? – спросила появившаяся в дверях Валка в рубашке с одним лишь правым рукавом. – Адриан, я услышала, что Лориан приехал, и...

Она сбилась, поняв, что за картина открылась перед ней. Я лежал, вжавшись в подушку и едва дыша, а Лориан нависал надо мной, потирая руку.

– Он меня ударил, – стрельнул я глазами в Лориана.

– Руку вывихнул, – прошипел Лориан.

– А не надо было бить, – огрызнулся я.

– Неужели в плечо? – побледнела Валка и поспешно проверила мою повязку. – Лориан, ты в своем уме? Пойду позову врача.

Я схватил ее за руку:

– Все в порядке. Швы не разошлись.

– А если там внутреннее кровотечение? – воскликнула она и двинулась на Лориана: – У тебя вообще мозги есть, идиот?

Интус с вызовом выпрямился во весь свой невнушительный рост.

– Зря вы меня отослали, – сказал он мне, игнорируя Валку. – Если бы я был с вами...

– Если бы ты тогда был с нами, – перебила Валка, жестом успокаивая миниатюрного командера, – то сегодня тебя бы с нами не было.

Она отвернулась и еще раз проверила мое плечо, осторожно прощупав повязку.

– Я бы что-нибудь придумал. Надежнее организовал отступление, – заявил Лориан и яростно потряс головой. – Что-нибудь!

Его бесцветные глаза как будто потемнели, словно свет в них спрятался в тоннеле где-то в черепе.

– ...По крайней мере, занял бы место Корво.

– Она бы тебе не позволила, – по-доброму сказала Валка.

– Ты бы даже не добрался до «Тамерлана», – добавил я, зажмурившись, чтобы не видеть виноватое лицо Лориана.

Мы все умолкли на минуту. Трое выживших, воссоединившихся после черного пиршества.

– Лориан, я рада снова тебя видеть, – первой нарушила тишину Валка.

– А я – вас, – всхлипнув, ответил Лориан и с заминкой спросил: – Может, мне... врача позвать?

– Я уже позвала, – сказала Валка, постучав двумя пальцами по лбу. – Скоро будет.

– Я в порядке, – натянуто пропищал я.

– Тихо, – шикнула на меня Валка, слегка сжав мою здоровую руку.

– Извини, – ломающимся голосом произнес Лориан.

– И ты тоже, – кивнул я в ответ.

Когда прибыл врач и определил, что удар каким-то чудом не нанес мне серьезных повреждений, Лориан по настоянию Валки отправился обратно в форт Горн. Мне не понадобилась новая операция, но Элькан распорядился по голографу увеличить дозу обезболивающих. Кажется, я беспробудно проспал трое суток.

По истечении недели доктор вернулся и объявил, что постельный режим мне более не нужен; теперь мне позволялось передвигаться в парящем кресле при условии, что рука будет на перевязи. Он снял дренаж и смазал ранки бетой, вследствие чего они затянулись уже к вечеру. Только после того как я достаточно пришел в себя, чтобы самостоятельно управлять креслом и перемещаться в нем по дому, Валка снова пригласила Аристида в гости.

Лориан дожидался в той же гостиной, где меня принимал лорд Венанциан. Простыни давным-давно убрали, и темная резная мебель с кожаными сиденьями, блестящие латунные лампы с мозаичными абажурами и широкие круглые окна теперь были на виду. Маленький интус стоял, сложив за спиной руки в шинах, и со смесью восхищения и отвращения разглядывал масляный портрет обнаженной палатинки, развалившейся на софе. Эта картина была одной из немногих, оставшихся от прежних владельцев.

– Нравится? – спросил я, остановив кресло сразу за порогом.

Лориан нехотя отвел глаза и сказал:

– Никогда бы не подумал, что это в вашем вкусе.

– Не в моем, – согласился я, отмечая фривольную позу женщины и серебристый держатель для сигарет между ее пальцами. – Хотел снять, да Валка не дает. Ей нравится меня смущать.

Я осмотрелся и заметил, как чисто вытерта от пыли моя коллекция старых книг и журналов, которую когда-то перевез сюда с «Тамерлана».

– Хотя что-то не меняется, – фыркнул Лориан.

– Это верно, – кивнул я и подлетел к тахте, на которой сидел во время беседы с магнархом. – Слава Земле.

Лориан снова посмотрел на картину, открыл рот, будто желая что-то спросить, но не стал.

– Опять будешь меня бить? – задал я провокационный вопрос.

– Я... нет, не буду, – пообещал он, отвлекаясь от полотна. – Извините, просто...

– Понимаю.

Беловолосый интус бросил последний взгляд на одалиску с картины и все-таки спросил:

– Кто она?

Не имея возможности пожать плечами, я развел руками.

– Наверное, одна из любовниц старого лорда Маддало, – ответил я, поправляя вязаное покрывало у себя на коленях. – А может, кого-то из прежних хозяев. Точно не знаю. Это поместье много раз меняло владельцев. Но ее, очевидно, очень любили.

– Интересный способ продемонстрировать любовь, – снова фыркнул коротышка-командер.

– Одни люди выражают любовь, скрывая объект любви от посторонних глаз, другие хвалятся при любом случае, – сказал я, махнув рукой, словно отнекиваясь от этой логики.

– Как ваше плечо?

– Неплохо! – Я опустил взгляд на повязку и коррекционный пластырь под свободным шелковым халатом. – Врач говорит, через неделю-другую смогу совершать рукой простые действия. Мне и кресло-то нужно только для того, чтобы лишний раз ее не тревожить. Потом понадобится несколько месяцев, чтобы довести ее до нужной кондиции, но нас вроде бы еще никуда не гонят.

– То есть я ничего не испортил? – с любопытством спросил Лориан.

– Не в этот раз! – усмехнулся я и жестом предложил ему присесть в лучшее кресло. – Коммандер, одними вашими усилиями со мной не совладать.

Интуса это не слишком успокоило, и он скривился, усаживаясь напротив.

– Я тут все думал... с тех пор, как меня разморозили, да и до этого тоже. Бледные совершили серьезную ошибку, – заявил он.

Не ожидая такого поворота беседы, я вздернул брови, безмолвно приглашая бывшего офицера-тактика продолжать.

– Зачем они отправили меня с посланием? – сказал Лориан. – Раздавили бы нас всех, и дело с концом. Тогда бы в Империи не узнали о предательстве лотрианцев. Лотрианцы вломились бы в Пояс Расана и ударили нам в тыл, пока основные силы заняты на другом краю галактики. А теперь нас в клещи не возьмешь, мы к этому готовы.

– Думаешь, это банальное высокомерие? – спросил я. – Или тут кроется какой-то хитрый замысел?

– На Беренике точно было высокомерие. Дораяика грозен, но чересчур самоуверен.

– Самоуверен, – согласился я.

На Беренике Дораяика переоценил свои возможности, позволил мне тянуть время, чтобы наша флотилия успела вернуться. Мог ли Пророк повторить ошибку?

– С другой стороны, – прибавил я, – он хотел бы намеренно напугать нас лотрианским вторжением, чтобы мы разделили силы.

– То есть, думаете, это уловка? – наклонившись вперед, спросил Лориан и подпер голову ладонями.

– Съельсины наверняка понимают, что даже их объединенные силы серьезно уступают в численности легионам, – сказал я, регулируя положение спинки кресла и не глядя на Аристида. – Дораяика знает, что до сих пор главной слабостью съельсинов была их разрозненность. Теперь эта проблема решена, и можно попробовать поставить нас в такое же положение.

– Разделяй и властвуй, – кивнул интус.

– Вот зачем ему император.

– Что?

Болезненная улыбка рассекла мое лицо, и я непременно дотронулся бы до шрама за ухом, будь моя правая рука не подвязана.

– Съельсины знают маршрут императорского турне, – сказал я, борясь с воспоминаниями о ямах Дхаран-Туна.

– Откуда? – мгновенно помрачнел Лориан.

Его лицо вновь напомнило мне череп, обернутый тонкой пленкой кожи. Я представил, будто вижу, как в его голове крутятся шестеренки догадок.

Разделить силы Империи и отсечь ей голову.

Я разжал кулаки и поморщился, когда движение болезненно отозвалось в восстановленном плече.

– Не важно.

Мой взгляд скользнул на фрагмент лепнины, откуда за нашим разговором наверняка следили люди Оливы. Что это там мерцает в радужном сиянии проникших сквозь окно лучей? Просто пыль или микроскопические камеры?

Лориан поджал губы, из-за чего они стали почти невидимыми. Я не признался в своих грехах ни людям Венанциана, ни инквизитору Мариусу, ни Дорру. Маршрут императора был известен Сириани Дораяике еще до того, как он выбил его из меня, полностью сломив мою волю. Я понимал, что не должен терзаться виной, но до сих пор терзаюсь. Даже здесь, спустя сотни лет.

– Император знает? – прошептал Лориан ключевой вопрос.

Я напомнил себе, что интуса наверняка не посвящали в подробности событий, случившихся после его возвращения на Несс. Разведывательная служба легионов выбила у него все, что он мог рассказать, и отправила в фугу, пока мое возвращение не послужило поводом для разморозки. Он был важной картой в игре и знал очень много обо мне и имперских тайнах, чтобы просто сослать его на какой-нибудь захолустный корабль.

– Давно тебя разморозили? – спросил я.

Лориан посчитал на пальцах.

– Пять недель назад. До начальника местной разведки дошло, что мне больше нечего добавить к вашим с Валкой показаниям, и теперь Карцинель грозитя снова меня заморозить.

– Кто это?

– Карцинель? – Лориан по-заговорщицки нахмурил лоб. – Комендант форта Горн. Крутой сукин сын. Я ему не по нраву. – Он спародировал имперский салют. – Даже Беллер был лучше.

Беллер был первым командиром Лориана, у которого я увел юного интуса, когда стал рыцарем.

– Они с Венанцианом толком не знают, как со мной поступить. Перед тем как заморозить, они поговаривали о том, чтобы отправить меня на Форум. Теперь, видно, передумали.

– Почему именно на Форум?

Лориан надул щеки и вскинул руки.

– Что касается твоего вопроса, – вновь направил я разговор в прежнее русло. – Император наверняка знает. Твой доклад сразу передали на его корабль и оставили распоряжение, чтобы меня в случае возвращения сразу же привезли сюда. Тебе не говорили?

– Мне вообще ни о чем не рассказывают, – буркнул Лориан, снова подпирая голову ладонями.

– Как только доктор даст добро, мы с Валкой вылетим навстречу императору на Картею. Мне приказали лично доложить ему обо всем.

Коммандер опустил руки и выпрямился:

– Думаете, у лотрианцев хватит мощи, чтобы нам угрожать?

– Думаю, они колосс на глиняных ногах.

Все, что я видел на Падмураке, свидетельствовало об упадке и безнадёжности их государства.

– Они, по сути, ферма. Их конклав массово отправляет людей генералам Дораяики. Видел бы ты Ведатхарад. Почти пустой город. Готов поспорить, что в Содружестве так ничего и не изменится, пока они не заселят все новыми людьми.

Новые люди. *Новоюк*, как их называли в Содружестве. Не мужчины и не женщины. Я полагал, что конклав нашел-таки способ избавиться от старой природы – старых тел. Этот негласный геноцид вызывал у меня отвращение.

Лориан окончательно помрачнел и сказал:

– Даже на глиняных ногах колосс все равно опасен. Чтобы разделить наши силы, им не нужно представлять серьезную угрозу. Достаточно разорить пару колоний и промчаться по Поясу Расана, чтобы посеять панику. – Он хрипло втянул воздух. – На их месте я одновременно напал бы на Пояс и флотилию императора. Внес бы в наши ряды сумятицу и заставил обороняться.

– Возможно, это они и замышляют, – ответил я. – Тем более нужно как можно скорее встретиться с кесарем. Заставить его вернуться на Форум.

– Согласен, – кивнул Лориан и снова посмотрел на полотно с изображением любовницы лорда Маддало. – Ладно хотя бы джаддианцы за нас.

– Джаддианцы? – изумился я. – Джаддианцы!

Я и забыл об их армаде. На помощь нам шли двадцать тысяч кораблей из Внешнего рукава Персея. Двести миллионов клонов-мамлюков под командованием самого Аль Бадроскуро, Темного Полумесяца, князя Каима дю Отранто.

– Они уже прибыли?

– Пока нет, – отведя взгляд от картины, сказал Лориан и скорчил кислую мину. – Думаю, ждать еще лет десять-двенадцать.

– До Картеи отсюда тоже примерно столько, – заметил я.

На этом разговор перестал клеиться. Мы надолго замолчали. В гостиной стало сумрачно, и лишь тени деревьев, проскользнувшие внутрь сквозь мозаичные окна, слабо колыхались.

– Лориан, я рад, что ты цел, – сказал я наконец. – Экстрасоларианцы... ничего с тобой не сделали?

Всю жизнь я слышал истории об ужасах, которые экстрасоларианцы вытворяли с пленными нобилиями. Для провинциальных князьков с античных времен обычным делом было присылать обратно отрубленные головы послов и требовать выкуп за еще живых наследников своих оппонентов. В одной особенно жестокой легенде говорилось о том, как воинственный барон, желавший пойти войной на варваров, получил от них золотую шкатулку с еще бившимся сердцем своего сына.

– Меня просто заморозили, – ответил Лориан. – Инквизиторы осмотрели меня с головы до пят, но один из малочисленных плюсов моего состояния – это то, что мне ничего не вживишь без риска для жизни. Я – точно я.

Он потянул за рубашку, намекая на свое щедедушное тело, и воздержался от дальнейших пояснений, повесив голову. С остриженными волосами интус казался еще меньше. Как будто скукожился.

Аристид вдруг резко вдохнул и уставился на меня. Я увидел, что его глазам вернулся былой блеск.

– Возьмите меня с собой на Картею, – попросил он.

Сначала я удивился.

– Только если пообещаешь больше меня не бить, – ответил я машинально, сдержав смех.

Должно быть, Лориан почувствовал это, потому что едва заметно улыбнулся тонкими губами.

– Надо будет, ударю.

– А тебя отпустят? – спросил я. – Карцинель не будет возражать?

– Да он ухватится за любую возможность от меня избавиться, даже не сомневайтесь.

Я хотел ответить, но не смог. Почему-то был настолько тронут, что потерял дар речи.

– Ты... просишь вернуться ко мне на службу? – смущенно произнес я, не зная, что еще сказать.

Лориан поднялся настолько уверенно, насколько позволяли его непослушные конечности, и подошел ко мне. К моему изумлению, он преклонил колено на красно-золотом ковре и взял меня за левую руку.

– Милорд, я ее и не покидал.

Глава 11

В новом теле – старый дух

Прошло несколько месяцев, и мы наконец получили известие, что император вылетел на Картею с Ибарниса, или где там он был. Казалось, дни стали короче, хотя астрономический год на Нессе был настолько длинным, что мы даже не дождались зимы. Дни были теплыми, ясными и долгими – такими, о которых, наверное, мечтали люди в суровые земные зимы. Время текло и как будто спешило. Мы не могли остаться, да я и не хотел. Когда-то поместье Маддало стало для нас домом, хотя должно было стать тюрьмой, но по возвращении мы, как ни старались, так и не смогли вернуть ему былой уют. За нами постоянно следили люди Оливы, а повара и горничные, нанятые лордом Венанцианом, не шли ни в какое сравнение со старушкой Анжу и прежней прислугой.

Позолота на клетке облупилась за годы нашего отсутствия, обнажив голую сталь. Но даже среди удушливых прутьев мое тело – которое, по мнению сьельсинов, само по себе являлось тюрьмой – вновь расцвело. С благословения Элькана я избавился от кресла и начал ходить самостоятельно, а вскоре перестал носить перевязь. Наши с хирургом встречи стали все реже; вместо него начала приходить молодая женщина. Вероятно, ученица, патрицианка с добрым взглядом, опекавшая меня с усердием, которому позавидовал бы даже старый сэр Феликс. Под ее чутким руководством я выполнял множество упражнений, сначала проверяя на прочность, а затем укрепляя новые мышцы плеча, руки и спины.

Боль покинула меня, уступив место детской слабости, которая была мне знакома по временам, когда я в течение долгих месяцев тренировал левую руку, заменившую ту, что я потерял в схватке с Аранатой Отиоло. Помню, как стоял перед зеркалом в ванной, разглядывая свежую бледную, как мрамор, кожу, что как влитая села поверх новых мышц между уродливыми шрамами от кнута, которыми была покрыта моя спина. Мне вспомнилась старая кукла, найденная на трамвайной станции под Дейрой: тряпичный солдатик, брошенный какой-то семьей в ходе бегства от сьельсинов. Его доспех состоял из кусочков крашеного дерева и клочков ткани.

Я стал как тот солдатик; грязный и ободранный.

– Поднимите руку, – попросил доктор Элькан, глядя поверх очков. – Хорошо, хорошо. Теперь опишите ей широкий круг.

Я подчинился, проверил полноту движений. Боли не было, мышцы не ныли, кости не хрустели.

– Закиньте правую руку за голову и наклонитесь влево. Отлично! Теперь потянитесь за спину и нащупайте позвоночник, – кружил он возле меня, щупая влажными пальцами ключицу, чтобы ощутить движение. – Превосходно! Великолепно! Лорд Марло, вы полностью восстановились. Замечательно! Хотел бы я сказать, что это целиком моя заслуга, но, по правде говоря, многие пациенты, в отличие от вас, увиливают от выполнения врачебных предписаний.

– Мне хотелось получить назад свою руку, – просто ответил я.

– Вы ее получили! – воскликнул Элькан и в подтверждение слов легонько хлопнул меня по плечу.

– Буду ли я готов к перелету в конце месяца?

– Да хоть сейчас, милорд. Вот только с фугой я бы еще месяц повременил. Предпосылок к образованию тромбов нет, но лучше перестраховаться.

Элькан снова обошел вокруг меня и с удовлетворением окинул взглядом кабинет.

– В первый год новая ткань сильнее подвержена криоожогам. Еще не все капилляры открыты. – Он проиллюстрировал их работу движением пальцев. – Упражнения, конечно, помогут, но все равно соблюдайте осторожность. Мышцы выращены из вашей собственной

ткани, поэтому риск отторжения нулевой, но, будучи мягкими тканями, они нуждаются в регулярном укреплении.

Он сжал кулаки и потряс ими для пущего эффекта.

Улыбнувшись пожилому лекарю, я напряг бицепс и пощупал его другой рукой.

– Спасибо вам, доктор, – сказал я, выпрямляясь.

– И вам, милорд, – улыбнулся в ответ доктор Элькан. – Знаете ли, мой внук восхищен вашими подвигами. Да и сам я в детстве тоже.

Он нагнулся за своим чемоданчиком и поклонился:

– Берегите себя. Для полного исцеления нужно еще время.

Булава черного рыцаря ударила меня в подбородок, и голова откинулась. Я припал на колено, резко выдохнув через нос. Голова звенела, будто колокол.

«Берегите себя», – вспомнил я, глядя на нависшую надо мной черную стальную фигуру в блестящем рогатом шлеме, нарисованном проектором на манекене. Ноги в латных сапогах беззвучно ступали по гладкому полу фехтовального зала. Бронированный рыцарь двумя руками занес оружие для решающего удара. Будь булава настоящей – железной палкой с шипасто-когтитым набалдашником, – я был бы уже мертв. Но палка была пластмассовой, обитой ватой. Ее удары были ощутимы, но не более того.

– Стоп! – тихо рыкнул я, надеясь, что механизм, сконструированный еще древними сидартурианскими монахами, услышит команду.

Голограмма черного рыцаря исчезла, булава опустилась. Передо мной остался лишь манекен в сером ватнике, стальные руки которого сжимали тренировочную палку. Лица у манекена не было, как и доспехов. Не было даже ног ниже колен. К спине автомата крепилась составная эмалированная рука, протянутая от одного из четырех концентрических рельсов на потолке. Она управляла манекеном, как кукольник марионеткой.

Я потер подбородок, пока тот не перестал саднить. В месте удара наверняка осталась ярко-алая ссадина. Опершись на тренировочный меч, как на трость, я поднялся на ноги и повернулся спиной к механизму. Шлепая босыми ногами по гладкому полу, я пересек зал, чтобы налить немного воды из графина.

За большими круглыми окнами стояла темная тихая ночь. По железным рамам, выполненным в виде переплетенных ветвей, тихо постукивал дождь. Лило весь день, и конца этому не было видно.

Плеснув себе воды, я вновь потер ушибленную челюсть. Новые мышцы в плече горели, но то был приятный зуд тканей, еще не привыкших к труду. Из обвитого искусственными ветвями алюмо стекла смотрело мое отражение, не совсем похожее на меня. Когда-то я мог одновременно сражаться со всеми четырьмя автоматами и не пропустить ни единого удара. А тут не справился даже с одним.

«Достаточно! – в ответ на удар тренировочного меча по дереву прозвучал в моей голове возглас. – Давайте еще раз».

Растопырив ноздри, я залпом осушил стакан и поудобнее взял меч.

По крайней мере, на дворе была ночь. Кто-нибудь из подручных Оливы наверняка следил за мной из комнаты прислуги, которую они переоборудовали под свой кабинет, но меня хотя бы не тревожили. Я прекрасно обходился без зрителей, а также без суждений Оливы и едких замечаний Лориана.

Тренировки – дело личное.

Взвесив в руке меч, я набрал в легкие воздуха и принял свою любимую стойку «бык». Еще недавно я не смог бы держать меч высоко и горизонтально, направляя острие в лицо противнику, словно указующий перст. Я сделал выпад в сторону неподвижного манекена.

– Защищайся!

Недодемонические механизмы старой машины повиновались, и железные пальцы автомата снова взяли за оружие. Включился голографический проектор, придав манекену образ готического рыцаря в латах и ярком желто-красно-черном коротком плаще. На шлеме расцвел алый плюмаж, а обитая ватой палка превратилась в блестящий прямой полутораручный меч.

Механический скелет и голограмма на миг разошлись в движениях, из-за чего показалось, что передо мной четырехрукое существо с двумя мечами. Синхронизация наступила, когда манекен приветственно поднял меч. Он беззвучно двинулся на меня на фантомных ногах; сервоприводы загудели, поднимая клинок для удара.

Царапая гладкий пол мозолистыми ступнями, я ударил первым, метя острием в горло демона. Фантомный рыцарь отразил удар и двумя руками сделал выпад в направлении моего лица. Я среагировал и резко опустил меч, отбив клинок противника в сторону, затем ударил наотмашь, намереваясь расплющить шлем рыцаря.

Механизм, управляющий марионеткой, изобразил отчаянный отскок. Рыцарь выправился и махнул мечом слева направо, чтобы не позволить мне приблизиться. Я сменил стойку на «крышу»³ и почувствовал, как плечо заныло от напряжения. Крепко сжав рукоять в левой ладони, чтобы не позволить клинку дрожать, я парировал второй выпад рыцаря и снова ударил наотмашь в сочленение между шеей и плечом.

Мой удар попал в цель!

Фантомное изображение рыцаря погасло, механизм вернулся в исходное положение, утащив с собой марионетку. В блоке управления – черной стеклянной полусфере внутри концентрических рельс – раздался звонок. Проекторы включились, нарисовав нового рыцаря – в пластинчатом доспехе, длинном красном плаще и с двумя большими черными крыльями за спиной. Вместо полутораручного меча у него была кривая сабля, отдаленно похожая на сельсинские. С левого плеча свисала леопардовая шкура. Мой противник начал приближаться осторожными шажками, держа саблю одной рукой и с каждым шагом меняя стойку.

С первым выпадом черные крылья опустились; я выставил ногу вперед, парируя удар, и прицелился острием в горло противника. Крылатый рыцарь ушел от удара и разорвал дистанцию, обходя меня слева. Он поднял саблю в той же стойке «крыша», которую я недавно использовал, и встал, дожидаясь моей атаки.

Я махнул мечом. Рыцарь парировал, но я был готов к этому и продолжил атаку, направив второй удар в голову. Крылатый рыцарь отшатнулся и успел парировать. Сервопривод возмущенно загудел, перенося центр тяжести манекена. Предчувствуя колющий выпад, я чуть наклонился, подтянул опорную ногу и, поднырнув под атакующей рукой автомата, ударил его под мышку левым локтем.

От такого удара человек бы застонал и потерял равновесие, но машина даже не шелохнулась. Плечу не понравилось, что я использовал его для удара по голой стали, но, по крайней мере, я избежал попадания сабли. Обхватив левой ладонью правую руку манекена, я вцепился пальцами в его лицевую пластину, нащупав на месте забрала лишь гладкий металл и стекло. Мне стало не по себе, когда я не почувствовал под бронею живого податливого человека.

Если бы мы сражались клинками из высшей материи, такой маневр оказался бы самоубийственным. Высшая материя резала без приложения силы, и моему противнику достаточно было развернуть запястье, чтобы пронзить мне спину, – впрочем, себя бы он тоже порезал. Но мы дрались учебными мечами, и мне удалось нейтрализовать правую руку автомата, а свободной рукой обнажить ему горло. Я поднял меч и поднес к его шее.

³ Защитная стойка, в которой меч занесен назад и приподнят над плечом.

Левый кулак автомата ударил меня под дых, и внутри все похолодело, когда печень стукнулась о ребра. У меня перехватило дыхание, и я пошатнулся. Слишком поздно я увидел, как кулак наносит второй удар – в лицо.

Я упал как подкошенный на твердый пол и остался лежать, пока крылатый рыцарь обходил меня по кругу. Симуляция дуэли на этом не окончилась, но недодемонические механизмы были настроены так, что автомат не атаковал лежащего.

«„Берегите себя“, как же», – подумал я, радуясь как никогда, что на меня никто не смотрит.

В памяти снова раздался удар сэра Феликса мечом по полу. «Давайте еще раз».

Я со стоном поднялся на колени, опершись на меч.

Это было ошибкой. Я забыл отключить фехтовальную программу.

Крылатый рыцарь махнул мечом и остановил его в миллиметре от моей шеи.

– Это фиаско, старик, – раздался голос, который мне меньше всего хотелось услышать.

– Стоп, программа! – рявкнул я, поднимаясь на ноги.

В дверях зала стоял Гектор Олива в черной солдатской форме легиона. В одной руке он держал футляр с луком. Его косичка растрепалась, а одежда промокла от ливня. Я догадался, что он тоже тренировался, упражняясь в стрельбе под дождем среди ночи.

– Вот уж не думал, что вы по ночам тренируетесь, – сказал он.

– Предпочитаю, чтобы посторонние не глазели, – ответил я в надежде, что молодой офицер поймет намек. – Чего вам?

– Услышал шум. Дай, думаю, загляну, – пояснил он, опустив футляр на пол. – Как дела?

Я ответил не сразу. Сначала подошел к скамье под круглым окном и налил в стальной кубок еще воды из графина. В прошлый раз, когда я здесь тренировался, под этим самым окном стоял Бассандер Лин. Тогда, перед моим вылетом на Падмурак, он признался, что его должны назначить ауктором. Еще один старый вояка, разбитый и залатанный после встречи с Бахудде.

– Лучше, – ответил я своему бледному отражению и залпом осушил кубок. – Но до оптимальной формы далеко.

Отставив кубок, я повернулся и сел на лакированную скамью рядом с графином.

– А вы все стреляете?

– Да. – Олива бросил взгляд на мокрый кожаный футляр. – У меня сегодня вечерняя смена. Сразу спать не люблю, стараюсь перед сном немного размяться.

Это означало, что вечером он лично управлял системой наблюдения, установленной магнархом в доме Маддало. Это было сделано как для нашей безопасности, так и для слежки. Я как можно холоднее улыбнулся Оливе.

«И дикий волк, и цепной пес в одном лице», – подумал я.

– Даже под дождем?

– Люблю дождь, – признался командер. – Милорд, я почти всю жизнь провел на кораблях. Для меня смена обстановки в радость. Даже дождь. Даже ночь, клянусь Землей. В космосе-то ночь не настоящая. Свет не тот.

– Понимаю вас.

– Я здесь впервые, – беззаботно сказал он, обводя рукой тренировочный зал: штанги у дальней стены, мягкие скамьи и стойки с учебными мечами, фонтанчик с водой и прежде всего фехтовальную машину над гладким блестящим полом. – Это все оригинальное?

– Фехтовальная машина – да, – указал я на манекены, повисшие под потолком на сервоприводах, как удивительные фрукты на ветвях невиданных деревьев. – Этим устройством пользовались еще монахи для тренировки новобранцев.

Олива подошел к краю фехтовальной площадки, осматривая устройство.

– Не только новобранцев, – поправил он. – Они и сами тренировались. У них были испытания, ранги – примерно как круги у джаддианских мастеров меча. Когда монах-воин был

готов к испытанию, он демонстрировал свои умения в схватке с машиной. – Олива сделал шаг назад, осторожно, почти с благоговением покинув площадку. – Чтобы получить новый ранг, от них требовалось выполнить особую последовательность действий, продемонстрировать особые приемы. Недостаточно было просто победить.

– Вы так хорошо о них осведомлены, – удивленно сказал я.

– Я... хотел стать монахом, – ответил Олива. – Когда был мальчишкой.

«Ты еще мальчишка», – подумал я, но прикусил язык.

– Опасное желание, – сказал я вместо этого.

Сид-артурианцы не были под защитой Империи, как адораторы вроде музейных католиков, живших в горах на моей родине. Монахов изгоняли с территории Империи за отрицание божественности Бога-Императора, но в легионах все равно тысячи лет находились сторонники их веры, целые группы, следовавшие примеру Артура-Будды и его рыцарей – воплощений добродетели. Часто случалось, что эти группы отказывались идти в бой, выполнять приказы, а зачастую и в открытую бунтовали против командиров. Я давно подозревал, что именно поэтому, а не из-за религиозных взглядов Империя и инквизиция преследовали сид-артурианцев, практически не трогая католиков и последователей прочих верований, воспоминания о которых еще сохранились в космосе.

– Просто детская мечта, – ответил Олива. – Мне хотелось посмотреть Вселенную. Спасти Империю от Бледных. Я думал, это будет проще сделать, уйдя в монахи.

Я почувствовал, как он горько улыбнулся, прежде чем повернуться ко мне со словами:

– Но потом я открыл для себя девочек, понимаете?

Я позволил себе слабо усмехнуться:

– Понимаю.

Поднявшись со скамьи, я попросил:

– Вы не могли бы удалиться? Я хочу провести еще пару раундов перед сном.

Олива кивнул и зашагал к выходу, не сводя глаз со старой машины культистов, но вдруг с неохотой отвел взгляд и посмотрел на меня.

– Вам не нужен спарринг-партнер?

Вместо ответа я положил учебный меч на плечо, как часто делал Криспин и за что его постоянно ругали. Что двигало командером? Желание когда-нибудь похвастаться, что однажды скрещивал клинки с самим Адрианом Марло? Желание потешить свое самолюбие победой надо мной? Я тренировался среди ночи не из гордыни, а ради того, чтобы защитить свой публичный образ. Будет плохо, если пойдут слухи, что Адриан Марло – стареющий инвалид, потерявший боевую хватку. Для этого еще рано, ведь я только вернулся к прежней жизни, как мне казалось – в мир людей.

– Давайте. – Даже сейчас не знаю, почему я так ответил. – На мечях? Или на кулаках?

Олива ухмыльнулся:

– По традиции выбирает тот, кому бросили вызов.

– Идет, – сказал я, опуская меч. – Тогда на мечях.

Молодой офицер пересек зал, подошел к стойке с учебным оружием и выбрал меч, идентичный моему. Не сводя с него глаз, я вернулся к скамье, чтобы вытереть пот со лба. Зачем я так стараюсь? Это уже походило на самоистязание.

У Оливы, безусловно, было преимущество. Он был моложе – гораздо моложе, – энергичнее, а я уже добрых полчаса проливал здесь пот. Но я, как и он, был палатином, и прожитые века еще не сильно сказались на моей форме. Да, я старел и внешне, и внутренне, но по плебейским меркам мне можно было дать лет сорок, а если бы не седина и шрамы, то даже тридцать.

– Почему вы босиком? – неожиданно спросил Олива, разрубив пополам мои размышления.

Он указал мечом на мои ноги, на черный медицинский пластырь, которым были обмотаны суставы больших пальцев, чтобы защитить кожу.

Я опустил взгляд, увидел грубые мозоли, с которыми прошел еще Дхаран-Тун. Такой же вопрос мне давным-давно задавал Гибсон.

– Это закаляет характер, – ответил я, приближаясь к фехтовальной площадке.

На ходу прощупывая пальцами черный гладкий пол, я обошел площадку по кругу, вращая меч.

– Я никогда не тренируюсь в обуви. Босиком ты вынужден внимательнее следить за устойчивостью.

– Вот как? Хм, – задумчиво протянул Олива. – Интересно. Когда-нибудь попробую.

Он поводил мечом, перекинул его из одной руки в другую, рубанул воздух.

– Ну, старик, готов? – спросил он, щелкнул себя большим пальцем по носу и принял низкую стойку.

Я не ответил. Насмешливость Оливы не была оскорбительна. Коммандер был нахален, чванлив и самоуверен. Это раздражало, но в некоторой мере вызывало симпатию. Может, Валка была права, и он действительно напоминал одного юного мирмидонца, вызволенного из бойцовских ям Боросево. Хотелось бы мне сказать, что я еще тогда рассмотрел в нем задатки человека, которым ему суждено стать, зародыш будущего величия. Но пусть я и видел множество вариантов будущего и плавал по океану времени, я не знал фарватеров. Кто способен определить, что за дерево вырастет из семечка и какие плоды оно даст? Только Тихий, чьей рукой написаны судьбы и чье бдительное око видит Вселенную так, как мы с вами видим текст на странице.

В ответ я согнул учебный меч. Полимер легко гнулся и быстрее, чем сталь, принимал прежнюю форму. Я не дрался с живым противником с того черного дня на Эуэ – то есть уже несколько десятилетий. Рубанув мечом для проверки, я принял свою привычную стойку: ноги широко расставлены, колени согнуты, центр тяжести смещен чуть назад, руки подняты. Клинок указующим перстом направлен на противника. Эта стойка подходила для сражений мечом из высшей материи, позволяла держать максимальную дистанцию между собой и противником.

Для Гектора Оливы этого оказалось достаточно. Он тоже махнул мечом и эффектно отсалютовал:

– Тогда защищайтесь!

Он перехватил меч, как саблю, под острым углом к телу и бросился вперед, метя мне в глаза. Я парировал удар; мечи щелкнули, столкнувшись. Олива быстро перегруппировался и принялся обходить меня слева. Я последовал за ним, крутнувшись на гладком полу, к границе фехтовальной площадки. Он снова сделал выпад. Я парировал. Он отступил и принялся кружить. Я следил за ним кончиком меча, пристально, как кобра за флейтистом-заклинателем.

– А вы осторожнее, чем я думал! – воскликнул он.

– Есть повод, – ответил я.

Олива махнул мечом.

Я расслабил хватку, опустив меч так, чтобы клинок Оливы просвистел там, где моя рука была мигом ранее. Он ухмыльнулся и довольно фыркнул, когда я вернул меч в исходное положение, – и снова рубанул.

Я опять опустил меч и отскочил, разрывая дистанцию. Олива тоже отступил, покачнувшись на пятках. В нем читалось напряжение. Я дрался непривычно для себя, не пытаясь захватить инициативу, не ввязываясь в обмен ударами. Я дрался так, как в детстве, когда слишком боялся допустить ошибку и ненароком ранить Криспина.

В конце концов, это была тренировка, а не настоящая битва.

Молодой коммандер занес меч за голову и прыгнул на меня, выбросив вперед ногу, намереваясь рубануть мечом в бок. Я чуть отступил и блокировал удар, надеясь провести контр-

атаку, пока юный рыцарь не вернулся в стойку. Но он оказался проворнее, чем я ожидал, и отскочил. Мой меч рассек лишь воздух.

Я оттеснил Оливу к краю площадки, и его каблук зацепился за небольшой выступ, отделивший полированное стекло от деревянного пола. Соперник на миг отвлекся, опустил взгляд.

Я сделал колющий выпад, намереваясь поразить его в область сердца.

Молодой офицер отчаянно и неуклюже парировал и сразу дернулся в сторону, чтобы уйти с границы площадки, подняв меч высоко над головой, как палач. Клинок резко опустился, словно Белый меч катаров, и треснул меня по лицу.

Я не упал, но отшатнулся, с руганью схватившись за нос. Он не был сломан, но от удара осталась ссадина, а под глазом наверняка образовался синяк.

К моему удивлению, Олива не злорадствовал. Даже не улыбнулся. Он отступил, разом превратившись в профессионального бойца, и занял место в центре площадки. Поймав мой взгляд, лишь слабо кивнул.

Необъяснимо для самого себя я улыбнулся, потирая нос. Спустя пару секунд боль утихла, и я пощупал пальцем синяк.

– Ах вот вы как? – спросил я, не переставая улыбаться.

Что-то во мне пробудилось.

Где-то в глубине времен старый сэр Феликс снова ударил по мату кончиком меча.

«Еще раз!»

Я сорвался с линии, целясь Оливе прямо в лицо. Молодой командер приготовился отбить мой удар, но я перехитрил его, на миг опустив меч на уровень бедра, а затем резко дернув вверх, чтобы ударить по корпусу под ведущей рукой.

Олива отскочил, но запоздало, и негромко хрюкнул от пропущенного удара.

– Вот это другое дело! – ухмыльнулся он, потирая ушибленные ребра, и наставил на меня меч. – Вот это Демон в белом!

Я стиснул зубы, ожидая атаки.

На этот раз Олива приблизился, держа меч высоко. Я отбил клинок еще выше, шагнул вперед и снова направил удар в ребра. Командер скользнул назад, парировал удар гардой и сделал контрвыпад одной рукой, захватив мой меч⁴. Он рассек бы мне запястья, что было бы смертельно, сражайся мы клинками из высшей материи, но я вырвался и резко опустил меч. Такой удар в настоящем бою разрубил бы его пополам.

Но мой меч нашел только воздух.

Гектор Олива ускользнул от меня с проворством гадюки. Я перебрал с усилием, и мой меч ударил в пол. Олива стремительно рубанул, метя в бедро.

Я успел парировать с резким победным «ха!» и отступил, вращая мечом, чтобы не позволить противнику приблизиться.

– А вы хороши! – признал я.

– Благодарю. – Олива сделал движение рукой, как будто скинул невидимый плащ. – Вы тоже неплохи.

С этими словами он ринулся на меня, рубанув воздух справа налево. Застигнутый врасплох, я поспешил с парированием, и мой меч зловеще задрожал в руках. Но я все равно сделал выпад в направлении лица Оливы. Тут командер провернул совершенно безумный трюк. Он наклонил голову, почти прижав ее к плечу так, что мой меч царапнул его по щеке, но не нанес серьезного урона и ни на йоту не замедлил движения. Затем он изогнулся, ожидая, что я попытаюсь прижать клинок к его шее, – для высшей материи даже малейшего касания было бы достаточно, чтобы убить. Я развернул запястье, имитируя удар на отсечение головы, но он согнул колени и пригнулся, а мой меч прошел над его головой.

⁴ Захватом в фехтовании называется отведение оружия противника в сторону с помощью нажима на него своим клинком.

Время как будто замедлилось, пока он выпрямлялся после маневра. Я заметил приближение его меча снизу, но игра света сбила меня. Я среагировал слишком поздно. Меч Оливы стукнул меня над ухом, заставив потерять равновесие. Я пошатнулся и упал на четвереньки.

Так я и остался стоять, слушая звон в ушах и мысленно радуясь, что плечо выдержало падение без боли. Я действительно полностью исцелился, стал цельным, но не прежним. Я как будто сам стал той рекой, в которую не войти дважды. Вчерашние воды уже утекли.

– Вы целы? – наклонился надо мной командер.

Хотя первый пропущенный от него удар отчасти открыл мне глаза, я был гораздо слабее, чем раньше. У новых мышц не было того же чутья, что у старых, они не были натренированы годами. Я стал тенью того человека, что упал с моста в Ведатхараде, и мне уже не суждено было снова стать этим человеком.

«Еще раз!»

– Все хорошо, – хрипло ответил я. – Спасибо.

Гектор Олива протянул мне руку.

Я взялся за нее и встал.

«Мы все Сизифы», – отрезвили меня слова Гибсона.

– Давайте еще раз, – попросил я, расправив плечи и перехватив меч.

Глава 12

На Картею

Мы покинули Несс до конца года. Элькан дал добро на перелет, и Венанциан не стал тратить время на приготовления – он был рад наконец избавиться от меня. Олива вновь вернулся к роли Харона, перевозящего полумертвых, спящих в ледяном плену нас с Валкой. По моему настоянию из форта Горн были направлены солдаты, которые собрали и перевезли из поместья Маддало на пересадочную станцию, а затем на «Ашкелон» все наши вещи. На этот раз я лично следил за транспортировкой, чтобы не пропало ничего ценного, вроде филактерии Валки или сердечника меча Гибсона. Мы взяли с собой больше вещей, чем на Падмурак. Я не оставил ни одной книги из библиотеки, распорядился собрать все приборы и документы из кабинета Валки, не забыл и сувениры с трофеями, которыми был завален дом: знамя Мариуса Вента, помятый мирмидонский шлем, умывальная чаша Джинан – все это и многое другое было также упаковано и отправлено на корабль.

В глубине души я знал, что уже не вернусь сюда.

Сейчас я понимаю, что думал, будто отправляюсь из одной золоченой клетки в другую. В конце концов, как бы со мной поступил император? Весь мой отряд погиб, я потерял «Тамерлан» и более не представлял ценности как боевая единица. Мои дипломатические навыки после провальной экспедиции к лотрианцам тоже представлялись более чем сомнительными. Я ожидал, что меня отошлют на Форум и усадят на место Кассиана Пауэrsa в Имперском совете, заставят занять должность, которой я много лет избегал. Однажды распрощавшись со мной, император не рискнул бы потерять меня снова. Я оставался крайне важной и опасной фигурой на шахматной доске. Сириани Дораяика продолжал охоту за мной, был готов достать меня даже из-под земли, чтобы, с одной стороны, отомстить за унижение, что я причинил ему своим побегом, а с другой – разорвать причинно-следственную связь между нашим временем и далеким будущим Тихого. Пресечь этот кратчайший путь.

Но, встречая свой последний серый рассвет на Нессе, я ни в чем не был уверен.

Несс так долго был моей тюрьмой, но он также стал мне домом. Мы с Валкой прожили здесь почти семьдесят лет, дольше, чем обычно живут плебеи, и, несмотря на ограниченную свободу, эти годы стали одними из самых счастливых в моей трагической жизни. После Эуэ меня словно окутал сумрак, начался закат моей души. На Нессе был рассвет, но звезда этой планеты, как и моя собственная, заходила. Вскоре здесь снова достанут белые простыни и накроют ими столы и диваны, и никто больше не явится, чтобы их снять. Пыль осядет на все в поместье Маддало и останется лежать, пока... пока на Несс не обрушится огненный дождь.

А он обрушится.

Вы наверняка знаете о том, как съельсины пришли на Несс и сожгли его холмы. Слышали, как до последнего держали оборону Линч и Карцинель, как горели огромные верфи, как была опустошена и сровнена с землей Сананна, а ее жители и башни перемолоты, словно зерно жерновками. Кто-то из вас, возможно, увидит запись: армаду верховного вайядана Вати Инамны и самого вайядана, водружающего на ступенях дворца магнарха черные знамена. Вы услышите истории об отважном капитане Гекторе Оливе, который бросил вызов врагу, когда все казалось потерянным.

А также услышите, что Адриан Марло не откликнулся на зов Империи, когда та больше всего в нем нуждалась.

Но все это дела грядущих дней. А в тот день, когда серый рассвет зазолотился в лучах солнца и я в последний раз увидел зеленые холмы Несса, стояла яркая светлая осень. В лесу было свежо, трава зеленела, а стройные кипарисы во дворе поместья Маддало покачивались

и нагибали макушки на ветру. Будущее казалось... не особенно светлым, но открытым – как бледное чистое небо.

– Даже не хочется уезжать, – сказала Валка, отыскав меня в портике у мощеной подъездной дорожки.

Она взяла меня за восстановленную руку. Я не ответил, лишь посмотрел на покрытый лепниной навес и обернулся на круглые двери с мозаичными стеклами. Позади стояли Каффу и семейство старшего смотрителя Грена – все, что осталось от прислуги.

Один из детей Грена помахал мне. Я играючи отдал ему честь, и мальчуган широко улыбнулся. Его сестра прятала лицо в материнской юбке.

– Понимаю. Но сам я хочу уехать, – сказал я Валке.

В тот момент я твердо это решил. Я был готов уехать, готов избавиться от слезки и давления Венанциана. Я был не менее решителен, чем тем утром у могилы Гибсона на Колхиде. Хотел начать жизнь заново. При мне не было меча, но я все равно сунул пальцы за пояс, где должна была быть застежка.

Взяв Валку за руку, я вышел из портика.

Не оглядываясь.

– Лориан дал сигнал с орбиты, – сказал я. – Говорит, весь багаж на борту.

– Он уже на корабле? – покосилась на меня Валка.

– Ты же его знаешь. Зачем лететь, если можно воспользоваться лифтом?

Лориан отправился на орбиту вместе с грузом, предпочтя медленную ночную поездку на лифте, а не высокие перегрузки, которые ему пришлось бы испытать в шаттле. Он приехал на космодром прямо из форта Горн в сопровождении нескольких солдат Оливы, которые получали там новое обмундирование. Мой собственный доспех был восстановлен, тщательно отремонтирован техниками из форта и отправлен вместе с последней партией багажа.

– По словам Лориана, все готово к вылету.

– Хорошо, что он с нами, – сказала Валка.

– Еще как! – воскликнул я и подхватил ее под руку.

В конце дорожки, между аббатством и внешней стеной, нас ждал флаер. Его черные крылья были сложены, как у бумажной птички. Рядом копошились двое солдат в белой имперской форме с фиолетовой символикой магнарха – наверное, проводили предполетный осмотр. На каменной дорожке, среди тисовых аллей и кипарисов четкие геометрические линии корабля и черный металл его обшивки казались неуместными.

– Все хорошо? – спросила Валка, заметив, что я замолчал.

– Да.

Разговор о Лориане всколыхнул в глубинах моего сознания воспоминания о Паллино и Эларе, Корво и Дюране, Бандите, Айлекс и обо всех остальных. О Сиран и ее могиле на Фессе, неподалеку от кургана Гибсона.

– Просто... Красный отряд снова пускается в путь, – с ноткой горечи произнес я и почувствовал, как сжалась рука Валки, словно передавая мне свою силу. – Втроем.

Валка прижалась ко мне, и мы прошли так десяток с лишним шагов.

– Saam mang vaе гаска, – произнесла она на пантайском наречии тавросианцев, которое давно уже стало языком нашего личного общения.

«И троих хватит».

Повернув на прямую тропинку, ведущую через лужайку к внешним воротам, я поднял лицо к безоблачному небу.

На щеку упала одинокая капля дождя.

Какой-то солдат окликнул нас, и Валка махнула ему рукой в ответ.

– Адриан?

Увидев пилота в черной форме и красном берете, спустившегося по трапу из шаттла, я выпустил ладонь подруги и остановился. Валка прошла на шаг вперед.

– Адриан? – повторила она, указывая мне на лицо.

Я поднял руку, нащупал каплю и сразу понял, чем она была на самом деле.

– Просто дождь, – сказал я, вытирая ее, и вспомнил о словах Оливы, сказанных в ту ночь, когда мы спарринговали.

«Для меня смена обстановки в радость. Даже дождь».

Наверное, я чувствовал надвигающиеся перемены, ощущал тьму, скрытую под тусклым светом этого осеннего дня. Нессианский год подходил к концу, наступала зима – как и для всех нас. Во мне как будто проснулось полузабытое воспоминание. Я не увидел, а словно почувствовал тень, протянувшую к нам руки, тень, навстречу которой мы стремились. Быть может, вы, читатель, тоже ее чувствуете.

Вам известно, чем все закончится.

Но мои новые пальцы дрогнули, а улыбка Валки развеяла окутавший меня туман, и я вспомнил, что снова цел, что жив, несмотря на пустоту в груди и жуткую усталость, которая уже давно не покидала меня. Живы были и Валка с Лорианом. Стояло тихое осеннее утро, а под ногами у меня была зеленая трава планеты людей.

Это было здорово.

– Все хорошо, – сказал я, пытаюсь не описывать действительность, а быть ее творцом.

Пригладив тронутые сединой волосы, я напоследок оглянулся на островерхие крыши и круглые окна поместья Маддало. Вот окна кабинета Валки! А вот, едва заметные с такого угла, макушки деревьев английского сада. А выше всего – старая колокольня, построенная еще монахами. Она, словно указательный палец, подманивала меня, просила вернуться.

Но меня ждал лабиринт, замаскированный под трап флаера. А передо мной был не пилот, а минотавр в новом обличье.

– Ты идешь? – с ноткой лукавства спросила Валка, снова протягивая мне руку.

Я, Тесей, взял ее, и на этот раз беспрекословно последовал за Ариадной.

– Только вперед! – воскликнул я, а про себя подумал: «Только вниз».

Ни налево, ни направо.

Глава 13

Отъезд

Я не ложился в фугу. Ни в первый год, ни во второй. Меня напугало предупреждение Элькана о криоожогах, и я проводил дни в маленьком тренировочном зале «Ашкелона», бегая и занимаясь на тренажерах, чтобы как можно лучше разработать новые мышцы и улучшить кровоток. По прошествии нескольких месяцев мы с Оливой расчистили для спаррингов место в трюме, и я постепенно – но крайне медленно – достиг прогресса. Поначалу я побеждал его от силы раз из десяти, затем два-три раза. В конце концов я перестал считать, а Олива и не начинал, но, думаю, что мне удалось сравняться с ним по числу нанесенных ударов.

Но этого было недостаточно. Любые удары, любые уколы, любые взмахи меча не удовлетворяли меня. Затем смена Оливы подошла к концу, и командование приняла выведенная из фуги худенькая лейтенант Магарян. Олива улегся спать на ее место. Неделью спустя я последовал за ним, поддавшись на убеждения медицинского техника. Тот утверждал, что в дальнейшей терапии нет необходимости и риск криоожога минимален. Таким образом, меня положили в ясли рядом с Валкой до конца нашего путешествия на Картею.

Это было последнее межзвездное путешествие, когда мне довелось достаточно бодрствовать.

В молодости я предпочитал проводить без фуги по несколько лет в начале каждого долгого странствия. Лишь так я обретал покой среди бесконечных сражений и испытаний. Но молодость прошла, и теперь в зеркале я видел стареющего человека. В оглушительной тишине «Ашкелона», да и любого другого корабля, мне теперь не было покоя. Одиночество грозило свести с ума.

Как и юному Оливе, мне хотелось дождя, ветра, хорошей компании и простых удовольствий той жизни, которую мы с Валкой и Гибсоном вели на Фессе.

Но эта жизнь теперь мне только снилась.

Из трюма донеслась живая музыка, которую было хорошо слышно через открытую дверь нашей каюты. Я нарядился формально: в старую черную тунику, белую рубашку, черные брюки с красным кантом и начищенные сапоги до колен. Впервые за несчетные годы я надел полагающуюся мне по званию белую накидку-лацерну, застегнутую на правом плече золотым кольцом.

– Он все играет? – спросила Валка, выходя из уборной и на ходу проверяя, на месте ли бронзовые заколки.

Она решила не наряжаться по случаю, ограничившись красными кожаными сапогами в тон сюртуку, приталенной рубашкой и своими любимыми тавросианскими галифе. С головы до пят она была в своем стиле, и с заколотыми волосами очень напоминала ту женщину, что я впервые встретил на Эмеше, как будто с тех пор не прошло несколько сотен лет.

– Что? – удивилась она.

Я сам не заметил, как заулыбался, и покачал головой.

– Я думала, все уже высадились, – сказала Валка. – Нам пора?

– Пора.

Я сверил время по терминалу. Император ожидал нас.

– Олива еще не собрал людей. У них новые задания. Когда мы вернемся, здесь никого не будет.

– Так давай проводим их, – предложила Валка, подбоченившись. – Чего сидеть?

Раздался стук, и в круглом дверном проеме появилась голова Лориана.

– Мы идем?

– Идем, – ответил я, одернув накидку, и жестом пригласил Валку выйти первой.

Мы приземлились на Картее среди ночи, спустя три дня после того, как вся команда Оливы проснулась. Впервые за путешествие все двадцать четыре члена экипажа бодрствовали. Почти все из них занимались укладкой багажа и приготовлениями к высадке в лагере императора.

Основная часть императорской флотилии осталась на орбите, но сам кесарь распорядился разбить лагерь на поверхности, у развалин старой столицы – Ротсмуре. Охраняли его двадцать фрегатов и несколько сот истребителей.

Следом за Валкой и Лорианом я вышел в коридор, вполуха слушая их светскую болтовню. Мы подошли к узкой лестнице, соединявшей три основные палубы «Ашкелона». Нам предстояло спуститься всего на один пролет. Наши ноги стучали по ступеням в такт бречанию мандоры. Спустившись, мы прошли через дверь в тесный коридор, протянувшийся через всю нижнюю палубу корабля. При нашем появлении один солдат уступил нам дорогу, а сам поспешил в главный трюм справа от нас.

Пока мы шли за ним, к музыке присоединился звучный голос.

Пусть звезды погасли и дорога темна, Не думай о жертвах,
хоть жизнь тяжела. Куда ни посмотришь, везде ждет нас враг...
Поднимемся, братья! Ни шагу назад!
Остались еще те, кто дома нас ждут... Кто дома нас ждут... Кто
дома нас ждут... Остались еще те, кто дома нас ждут. И мы
покаялись охранять их покой. Так встанем, ребята, и выйдем на
бой!⁵

– И выйдем на бой! – подхватил за певцом хор голосов.

Пение продолжилось, удивительно бодрое по сравнению с нежными, грустными переливами лютни.

– Его светлость прибыл!

Когда мы вошли в трюм, солдаты прекратили работу. Некоторые так и застыли с ящиками в руках, другие поспешили отдать честь. Гектор Олива перестал петь, но тихо сыграл еще пару аккордов. Это его голос звучал в трюме, высокий тенор с хрипотцой, скорее присущей плебеям, чем палатинам.

– Милорд! – воскликнул он, опуская ногу с ящика, которым пользовался вместо табурета. – Мы почти готовы!

– Прощальный концерт? – спросил я.

– Такая у нас традиция! – ответил командер. – Но все по графику!

Он встал, держа лютню за гриф, и раскинул руки:

– Докладываем старшему офицеру разведки в тринадцать ноль-ноль. Говорят, нас направляют на Иду.

– На Иду? – переспросил Лориан. – Это же на самой окраине Вуали.

– Именно так, – сказал Олива и прислонил мандору к ящику, на котором ранее сидел. – Говорят, экстрасоларианцы что-то затевают. Хотят поживиться остатками Маринуса.

– Вас посылают воевать с экстрасоларианцами? – уточнил я.

– Непонятно, – ответил Олива. – Какой-то князек собирает армию на Латарре. Согласно первичным отчетам, он захватил Монмару и восстанавливает старые верфи.

– Латарра?

Название планеты показалось знакомым, но я не смог вспомнить откуда.

⁵ Перевод Веры Браун.

– Кален Гарендот, – напомнила обладавшая идеальной памятью Валка.

– Он самый! – подтвердил Олива. – Его прозвище – Монарх. Говорят, императором себя возомнил.

– А Иду тут при чем? – спросила Валка.

– Если б я знал, – ответил сэр Гектор, уперев руки в бока. – Но наши с вами пути расходятся.

Он шагнул к нам, опустил взгляд, как будто искал что-то на потертом металлическом полу.

– Вы на аудиенцию у императора?

Я не сразу ответил. К горлу подступил ком.

Император ждал нас.

Сколько лет, сколько десятилетий прошло после нашей последней встречи в часовне дворца магнарха в Сананне? Я успел побывать на Падмураке, на Эуэ... и вернуться. Круг замыкался, я возвращался к тому, с чего начал.

Отправной точкой, краеугольным камнем, вокруг которого вращалась вся человеческая вселенная, был император и его трон. Он один среди звезд небесных и констелляций палатинской крови оставался недвижим. Через несколько часов мне предстояло вновь склонить голову перед его престолом и увидеть, что он остался собой, что годы не изменили его, в то время как я изменился радикально.

– Да, – ответил я, пресекая мысли.

– Рад был знакомству с вами, милорд, – искренне, без усмешки сказал Олива, протягивая ладонь. – Надеюсь, ваши новые сражения будут подобны нашим спаррингам.

Я пожал ему руку и невольно улыбнулся:

– Хотите, чтобы я проиграл?

– Вы не проиграли! – рассмеялся молодой офицер. – Если бы проиграли, сейчас бы со мной не разговаривали!

Отпустив мою руку, он хлопнул меня по плечу и повернулся к своему отряду, возобновившему работу, пока мы беседовали.

Не успел он задать вопрос или отдать приказ, как подошла светловолосая лейтенант Магарян с вещмешком за спиной.

– Гектор! Мы готовы выступить.

– Слышали? – спросил командер, вытаскивая из кармана туники помятый берет и ухмыляясь почти как съельсин. – Нам пора!

Он натянул берет, закинув косичку за левое плечо, и скомандовал:

– Лорас! Аллеман! Сворачивайте тюфяки! Остальные за мной!

Повернувшись к нам спиной, Олива нагнулся, ловко подхватил лютю и убрал в футляр. Не успел я опомниться, как он уже забросил футляр за спину, а левой рукой поднял чехол с луком.

– Пошевеливайтесь, ребята! За Каррасом!

Снаружи шел снег, но белым было лишь небо. Земля внизу трапа – здесь не было ни асфальта, ни бетона – казалась черным грязным водоворотом, вздыбленным множеством ног, колес и гусениц военных машин.

– Надо бы послать за паланкином, – предложил Лориан, – а то предстанем перед императором грязными.

– Нам бы его прислали, если бы захотели, – ответил я. – Придется идти пешком.

Я осторожно ступил на землю, и та с хлопанием просела под подошвой.

Новая планета.

Картея.

Картея серьезно пострадала. Крупнейший город лежал в руинах в десяти милях отсюда. На месте некогда прекрасных башен, превращенных в уродливые развалины, зиял черный обожженный кратер. Другие города тоже сгорели дотла, а их жители либо погибли, либо были захвачены сьельсинами. Мне казалось, что я до сих пор чую гарь. А может, это было от снега. От мокрой земли и тишины.

Маленькая колонна бойцов командера Оливы быстро маршировала вперед, задержавшись лишь перед наспех выстроенной оградой, окружавшей крошечную посадочную площадку. Солдаты перепроверяли содержимое вещмешков, пока высокая Магарян общалась с часовыми у ворот.

– Сэр Гектор! – окликнул я, на прощание взмахнув восстановленной рукой. – Берегите себя!

Услышав свое имя, Олива отвлекся от разговора и помахал мне в ответ.

– И вы, лорд Марло! – крикнул он, сложив ладони у губ. – Не теряйте голову!

Лориан тихо рассмеялся, а Валка заметно напряглась.

– Пусть идет, – сказал я.

Пусть последнее слово останется за ним.

Я еще раз помахал ему.

Он сразу повернулся к Каррасу и Магарян, что-то скомандовал им. Я помню, как они стояли в грязи у края площадки, среди густых хлопьев снега, не таявшего в их волосах. У них был свой путь. На Иду. На Таранис. И обратно на Несс.

К славе и крушению надежд.

Мы шли разными, но похожими путями. Валка была права – как и всегда, когда дело касалось меня.

Мы с Гектором были похожи.

Солдаты повернули налево, на слякотную дорожку между судами из свиты императора. Когда мы достигли ворот, я обернулся и проводил взглядом их вещмешки и носилки на воздушной подушке, пока они не скрылись среди снующих от корабля к кораблю людей.

А мы повернули направо.

Император ждал.

Глава 14

Солнце и пепел

Трижды опустились ликторские фасции, и огромные двери беззвучно распахнулись.

Где-то в углу невидимый глашатай возвестил:

– Лорд Адриан Анаксандр Марло-Викторианский, главнокомандующий имперским Красным отрядом, рыцарь-командор Королевского викторианского ордена, обладатель Травяного венка, кавалер ордена «За заслуги», Герой Империи, со свитой!

Когда мы с Валкой и Лорианом пересекли порог, к нам повернулись напудренные лица. Тронный зал фрегата «Лучезарный рассвет» как будто переместился сюда с Форума. Шахматная плитка на полу была из порфиrowого и белого мрамора с золотыми прожилками, а три ряда колонн по обе стороны этого внушительного зала сияли золотом и рыжим сердоликом. В зале могли бы поместиться несколько шаттлов – очевидно, с этой целью он изначально и проектировался, – но здесь не было места, не тронутого имперскими художниками и скульпторами. Их рука была видна в мозаиках, украшавших ниши за спинами придворных и марсианских стражников, во фресках, покрывавших сводчатый потолок и панель над арками колоннады, в хрустальных созвездиях, которые несведущий человек назвал бы просто люстрами.

И в самом Соларианском престоле, и в человеке, сидевшем на нем.

Это был не тот же самый трон, что стоял в зале Короля-Солнца на Форуме, а идентичная копия. Голову его величества, словно нимб, окружал красный бархат, а золотые стрелки, расходящиеся от алого круга, блестели так, что сам кесарь как будто сиял. Позади трона стояла скульптура из бледного мрамора: кольцо, на которое взбирались мускулистые мужчины и изящные женщины, как бы помогая друг другу вскарабкаться к солнцу, расположенному в высшей точке кольца. Под этими целеустремленными изваяниями сидел император в снежно-белой мантии и рыжих, в тон волосам, перчатках и туфлях из жатого бархата. Его чело венчала золотая диадема. Золотые церемониальные цепи – символы власти – скатывались по широким плечам, повисая под руками, а на пальцах – всех, кроме одного, – блестели золотые перстни.

Я сразу почувствовал, как бесчисленные глаза уставились на меня и мои шрамы. Каблуки Валки клацали слишком громко. Лориан, отставший на пару шагов, неуклюже шаркал. Мы миновали череду придворных и подошли к трону, где стояли марсианские стражи в красно-золотых доспехах с алым плюмажем. У самого трона несли караул рыцари-экскувиторы в зеркальных доспехах и белых имперских плащах. В их руках тихо гудели мечи из высшей материи, отбрасывая блики на маски.

Отважившись посмотреть по сторонам, я увидел мужчин и женщин всех возможных мастей; напудренных, разрисованных. Серых логофетов и зеленых схоластов. Черных офицеров легионов, придворных в пышных разноцветных нарядах, напоминающих оперение певчих птиц. Были здесь и джаддианцы: мужчины – в составных керамических масках, женщины – в прозрачных шелках и золотых цепях. Особняком стояли директора консорциума в серо-синих костюмах и высоких цилиндрах. Были среди публики и знакомые мне лица. Легат Сендил Масса и сэр Грей Райнхарт, глава Разведывательной службы легионов.

И Бассандер Лин.

Покрытый шрамами трибун встретился со мной взглядом и коснулся своего белого берета.

Я ответил легким кивком и преклонил колени перед тронном.

Молча.

Император заговорил первым:

– Лорд Марло, мы испытываем крайнее облегчение, видя, что вы по-прежнему среди живых.

При звуке голоса его величества я склонил голову, не сводя глаз с гладких порфировых ступеней перед Соларианским престолом.

– Наверное, нам давно следовало привыкнуть к тому, что слухи о вашей кончине оказываются преувеличены. Но вы продолжаете нас удивлять.

Мне показалось или в голосе императора промелькнула ирония? Я почувствовал некую веселость в его тоне, и, кажется, кто-то с галерки тоже усмехнулся.

Посторонние взгляды давили на меня, словно камни кургана Гибсона. Мне было интересно, что эти люди слышали, о чем шептались, что знали. Какова была официальная версия моего исчезновения? Какие слухи просочились к придворным, как вода сквозь песок пустыни? Уже стоя на коленях, я вдруг осознал, как странно было то, что перед аудиенцией меня не наставлял лорд Никифор, императорский гофмейстер, или кто-то из младших андрогинов на службе его величества. Слуги, которые перед входом на корабль надраили наши сапоги, лишь рекомендовали нам отвечать коротко и любезно.

По их словам, это был всего лишь официальный прием. Публика должна была увидеть, что Адриан Полусмертный снова обманул смерть и вернулся с того света, чтобы служить своему повелителю.

Запоздало сообразив, что мне пора что-нибудь сказать, я приподнял голову.

– Ваше величество, – прохрипел я внезапно пересохшей глоткой, – вы оказываете мне слишком большую честь.

– Это так, – согласился император Вильгельм Двадцать Третий и вскинул руку в красной бархатной перчатке, выставив два пальца, словно древний иерофант в молитве. – Однако... однако мы крайне обеспокоены, милорд. Обеспокоены известием, что вашего Красного отряда больше нет.

Это публичное заявление вызвало в толпе волнение. Я оглянулся на Бассандера Лина, стоявшего у крайней колонны сразу за марсианами, и увидел, что его лицо как будто превратилось в маску. Мне было знакомо это пустое выражение. Оно было сродни тому немому ужасу, чьи пальцы до сих пор сжимали мое усталое сердце.

Он не знал.

– Это правда? – спросил император.

Ему было прекрасно известно, что это так. Он читал наши с Валкой и Лорианом показания. Как говорил Гибсон? «Актер знает, что он на сцене». Тут был театр, политический театр, со своим режиссером и сценарием, призванным произвести впечатление на публику. На джаддианцев, на консорциум, на придворных и на иностранных послов, присутствующих при этом передвижном дворе.

– Это так, ваше величество, – ответил я.

По протоколу от меня требовалось бить челом и каяться, но плевал я на протокол. Во мне разгоралось пламя старого марловского гнева. Мне претила вся эта показуха, и поэтому я встал.

– Сельсины, верные Бичу Земному, захватили нас в плен на Падмураке.

Чего от меня хотели? Чтобы я пересказал историю своего позора перед всеми этими дамами и господами? Чтобы я заново пережил все ужасы своего пленения и свой отчаянный побег? Я уставился на кесаря, не отводя глаз ни вправо, ни влево.

– «Тамерлан» погиб со всем экипажем, за исключением здесь присутствующих, – жестом указал я на Валку и Лориана.

Не оглядываясь, я знал, что Лориан стоял на коленях, а Валка и не думала кланяться. Невзирая на отношение к собственной персоне, Аристид был имперцем до мозга костей и не имел чести быть настолько близко знаком с императором, как я.

Я почувствовал, как тихо стало в зале. Все замерли.

Я знал, чего от меня ожидали... какого приказа толпа ожидала от императора.

Самоубийство.

Я подвел его величество. Подвел Империю... и все человечество. Не исполнил служебный долг и, как тысячи, десятки тысяч других офицеров за долгую историю Соларианской империи, должен был покончить с собой. Расправив плечи, я гордо посмотрел на императора.

– Погиб... – повторил он мое слово, как будто разглядывая на ладони кусок шрапнели. – Вас направили в Содружество для заключения альянса. Вам это не удалось. Лорд Марло, подобное неисполнение обязанностей непозволительно.

Что ему было нужно? Чтобы я распластался перед ним? Умолял о пощаде? Если так, то он сильно во мне заблуждался. И не должен был позволить Валке прийти со мной.

Я почувствовал, как она коснулась моей спины, и мои колени разом лишились всякой гибкости.

– Вам нечего сказать? – спросил император, не дождавшись ответа.

После Дораяики Вильгельм не внушал мне ни капли страха.

– Ваше величество, я выполнил свои обязанности, – сказал я.

Напряженная тишина в зале стала гробовой. Все затаили дыхание. Я возразил самому императору. Высказался ему в лицо перед всеми придворными.

К моему изумлению, император лишь прищурился в ответ.

Тогда я продолжил:

– Ваше величество, Содружество уже не один десяток лет прислуживает сьельсинам.

Я взял паузу. Императору и это было известно. Быть может, меня вызвали сюда, чтобы я объявил об этом публично? Или все-таки ожидалось, что я покорно склоню голову и уползу?

– Лотрианский Великий конклав продает свой народ Бледным. В рабство. На корм. Они убеждены, что сьельсины помогут им установить господство над звездами. В союзе со сьельсинами они рассчитывают захватить наши планеты и территории...

Услышав это, толпа снова всколыхнулась. Кое-кто – например, сэр Грей – уже знал о предательстве лотрианцев, но для большинства это было новостью. И какой!

– ...но они лишь выиграют время. Сьельсины съедят их напоследок.

Я остановился, позволив зрителям впитать эти слова, но ненадолго. Лишь терпение императора позволило мне столь красноречиво выступить в свою защиту, но оно было на исходе.

– Ваше величество, моя заслуга в том, что вы узнали об этом предательстве, об этом преступлении против священной человечности. Мой отряд пожертвовал собой, чтобы я смог вернуться и известить вас, – сказал я, после чего все-таки преклонил колени и опустил голову. – Они с честью исполнили свой долг.

Толпа за спиной как будто превратилась в ивовую рощу: раскачивалась и тихо шелестела, пока император обдумывал мои слова. Я не отваживался поднять голову, считая крошечные плитки, которыми была выложена нижняя ступенька помоста, чтобы отвлечься от внезапно усилившегося биения сердца.

На меня упала тень, и на ступенях передо мной появился подол белой мантии императора и его алые туфли.

– Это так, – произнес кесарь вполголоса, *sotto voce*.

Затем император Вильгельм Двадцать Третий повысил голос, обращаясь к собравшимся:

– Лорд Марло говорит правду! Лотрианцы предали нас.

Подняв голову, я увидел, что император встал на нижних ступеньках, сложив руки за спиной. Его снежная мантия вытянулась за ним.

– Мы располагаем информацией, что они собираются пойти на нас войной. Пересечь Пояс Расана и ударить в сердце Империи, пока их хозяева грызут нас по краям. Это недопустимо, – сказал он и поджал губы. – Кроме того, замечание лорда Марло справедливо. Без

него, без той жертвы, на которую решился его отряд, это предательство могло застигнуть нас врасплох.

Император сумел предвидеть, что я буду защищаться? Неужели, проявив неповиновение, я сыграл свою роль так, как он и ожидал? Я искал на его лице подсказку, но оно было непроницаемо, как маска из слоновой кости. Гофмейстер Никифор с таким же непроницаемым видом стоял за Соларианским престолом рядом с архиприором Леонорой.

– Скажите, лорд Марло, – обратился ко мне император. – Вы по-прежнему служите мне? Что я мог на это ответить?

– Я никогда не покидал вашу службу, – сказал я и услышал, как позади зашуршал Лориан.

Бесстрастная маска кесаря растянулась в одобрительной улыбке, и он спустился ко мне. Перед глазами возникла бархатная перчатка с массивными блестящими перстнями. Я потянулся поцеловать ее, но император развернул руку ладонью вверх и поманил меня пальцами.

Я взял его величество за руку, и он помог мне подняться. На виду у сотен людей Защитник детей человеческих и Слуга слуг Земли обнял меня, как брата. Я не шелохнулся. Я даже не отваживался вдохнуть. Сколько эскувиторов в этот миг нацелили на меня свои клинки? Любое неосторожное движение могло означать смерть.

Кесарь отстранился на длину вытянутой руки и, положив ладонь мне на плечо, произнес:

– Вы молодец, что принесли нам эти известия. Мы снова перед вами в долгу.

– Что это, черт возьми, было? – прошептала Валка, хватая меня за руку.

Под хруст снега мы покинули наспех заасфальтированную площадку перед императорским фрегатом и вышли на знакомую грязную тропу, которая тянулась вокруг лагеря.

«Лучезарный рассвет» стоял в центре города из кораблей. Громадная обтекаемая черно-золотая стрела, увенчанная покатым зиккуратом, нависавшим над малыми судами и шаттлами. На западном краю лагеря рядами сгруппировались лихтеры. Земля повсюду была поделена на участки траншеями, заборами и котлованами. Легионеры в красном и белом стояли на постах или группами передвигались с места на место. Офицеры флота в черных мундирах и зеленые схоласты торопливо выполняли поручения государственной важности. Однако императора сопровождала в этом путешествии лишь малая часть огромного придворного аппарата. Я не видел с земли его флотилии, но она была там, на высокой орбите, и телеграфы денно и ночью передавали и принимали послания, чтобы его величество оставался на связи с советом на Форуме.

В лагере разместилось порядка миллиона человек. Город-караван из кораблей тянулся под облачным небом от горизонта до горизонта. К нашему приезду император и его свита пробыли на Картее уже почти два года, занимаясь восстановлением планеты после нападения сьельсинов.

Если верить солдатам, то в ветреные дни до сих пор можно было почуять гарь.

– Адриан! – не унималась Валка. – Я спрашиваю, что это было?!

Я замедлил шаг, чтобы дождаться отставшего Лориана.

– Не знаю, – ответил я, посмотрев ей в глаза и успокаивающе улыбнувшись. – Все будет хорошо. Могло быть гораздо хуже.

– Хуже? – нахмурила брови Валка.

– Он вас чуть не расцеловал! – со смехом воскликнул Лориан, тростью ковыряя дырочки в сырой земле. – Земля и император! Последний раз я так обалдел, когда застал Корво в душевой.

– По крайней мере, Александра там не было, – заметил я, проигнорировав реплику интуса; мне не хотелось сейчас вспоминать Отавию Корво.

– Я и забыл, что ваш принц тоже увязался в это турне, – сказал Лориан. – Думаете, его специально не позвали?

Интересный вопрос. Мог император запретить сыну появляться на приеме? Простил ли Александр мое давнее оскорбление? Или за минувшие годы его обида укоренилась так глубоко, что переросла в настоящую ненависть?

Я ничего не сказал. Запах гари действительно ощущался, слабый угольный аромат, разносимый ветром. К югу виднелись конструкции новых башен – зародыши нового города на замену уничтоженному Ротсмуру. Сельсины побывали здесь меньше века назад, и черный кратер на месте прежней столицы до сих пор хорошо просматривался из космоса. От дворца Бампасис не осталось ничего. Барон, его жена, дети и наложницы сгорели в огненной буре вместе с большинством из семнадцати миллионов человек, для которых столичный город был домом, за исключением тех, кого сельсины уволокли на свои корабли. Бледные разорили все тринадцать континентов Картеи, не пощадили даже крошечные деревни и фермы, рассыпанные вдоль экватора. Императорские секретари вели учет погибших с момента своего прибытия на Картею, но истинную цену вторжения, оплаченную людскими жизнями, невозможно было определить.

Восстановление шло полным ходом. Кесарь уже назначил преемника покойного барона Арлана Бампасиса – им стал местный архонт, сэр Кэдмон Брандт. Но на полное восстановление требовались сотни лет. В результате сельсинского набега погибло почти девяносто процентов населения планеты; выжили только тропические фермеры, рыболовы и урслики – аборигены, промышлявшие скотоводством в южных диких степях.

Пройдет немало времени, прежде чем в городах снова закипит жизнь.

– Вернемся на корабль, – предложил я.

Мне вовсе не хотелось привлечь внимание какого-нибудь любопытного придворного или солдата вроде Каракса с Арамиса. После нашего с императором спектакля мне не терпелось скрыться от всех, спрятаться на «Ашкелоне», где меня по крайней мере не могли выставить на всеобщее посмешище. После стольких лет относительного одиночества, шум и суета двора и лагеря были чересчур для моих измотанных нервов.

– Адриан!

То ли в пик моей жажде уединения, то ли по команде некоего коварного режиссера звук моего имени резанул воздух, как ножом. Сердце подпрыгнуло в груди, и я обернулся к кричавшему.

Через группу младших офицеров проталкивался Бассандер Лин, пользуясь тростью, как пастух посохом. С визита в поместье Маддало он ничуть не постарел. Вероятно, почти все это время провел в фуге. Будучи офицером среднего состава, он не был обязан присутствовать на заседаниях совета, но и в число тех, кому выпало вести флотилию через варп во время императорского турне по окраинным провинциям, тоже не входил.

Лин передвигался с трудом – сказывались последствия встречи с генералом-вайяданом Бахудде в битве на Беренике, но, приблизившись, он холодно, по-деловому, улыбнулся и коротко отсалютовал.

– Рад, что вы целы, – произнес Лин, остановившись в пяти-шести шагах от нас с Валкой.

Полы его длинной черной шинели развевались под действием пара из вентиляционного люка ближайшего корабля. Он не закрыл рта, но больше ничего не сказал, словно до конца не верил, что мы настоящие.

– Жив! – поправил я, отдав честь в ответ. – Цел – это уже другой вопрос.

– Да, разница мне известна, – сказал Лин, уперев трость в грязь между стопами, и, наклонив голову, снял белый берет трибуна. – Примите мои соболезнования. Мне жаль остальных. Красный отряд. Я не знал... до сегодняшнего дня. Даже не поверил, когда услышал.

Он мельком взглянул на меня и опустил глаза. На миг мне показалось, что между нами вновь возникла огненная черта, но на этот раз она пылала иначе.

– Сожалею, что не был с ними, – прибавил он.

Мои губы тронула легкая, почти фантомная улыбка.

– И я не был, – уточнил я и пояснил, указав на Валку. – Когда корабль захватили, мы находились на планете.

– А я в фуге валялся, – добавил Лориан. – Можете представить, каково мне.

Мне стало жаль славного командера.

– Ты об этом не упоминал, – заметила Валка.

– Кому нужен тактик на дипломатическом задании, – обиженно произнес Лориан, склонив голову. – Когда Адриан пропал, Корво оставила Дюрана за главного. А он все проморгал.

По лицу Бассандера нельзя было понять, что он чувствует.

– Мне нравился Дюран, – сказал он. – Ответственный офицер. Я никогда не мог взять в толк, почему капитаном была Корво, а не он.

– Не хватало смекалки, – вынес свой вердикт Лориан. – Бастьен прекрасно выполнял приказы, но для капитана был недостаточно гибок.

– Он погиб достойно, – перебил я Лориана и поймал взгляд его бледных глаз.

Лориан присутствовал при казни Дюрана, видел, как Дораяика отрубил ему голову. От воспоминаний лицо молодого командера стало бледнее обычного.

– Это так, – пробормотал он и сглотнул.

Мы помолчали. Лориану пришлось пропустить двойную колонну легионеров в полном обмундировании – вероятно, патруль.

– Можно с вами пройти? – воспользовался моментом Бассандер.

Я ответил утвердительным жестом.

– Мы возвращаемся на корабль. Пожалуй, мне лучше пока не высовываться.

Лин зашагал за нами с Валкой, а Лориан вновь остался замыкающим.

– Наверное, вы правы. При дворе немало тех, кого ваше возвращение, мягко говоря, не обрадовало.

– Например, принц Александр? – уточнил я.

Лин тяжело выдохнул – то ли от боли, то ли от жалости.

– В том числе. Он сейчас на орбите. Император послал его встретить груз стройматериалов от консорциума «Вонг-Хоппер», но люди, ясное дело, судачат, что кесарь попросту не хотел вашей встречи. По крайней мере, во время публичного приема. Через пару дней принц вернется.

– Кто еще? – спросил я, чувствуя, как по нутру разливается тяжесть.

Впереди три бронированных грунтомобиля медленно местили грязь колесами в человеческий рост, перегородив дорогу.

– Леонора, конечно же. Да и все священнослужители.

– Немудрено.

– Видели бы они то, что видел я, – бесцеремонно произнес Лин, отчего мне стало не по себе, и рубанул воздух ладонью. – Кое-кто из стратигов тоже вам не рад. Например, Бартош.

– А он-то что здесь делает? – удивился я.

Сэр Леонид Бартош прежде был начальником Бассандера в Четыреста тридцать седьмом легионе. На Беренике я чуть не казнил его за трусость.

– Кажется, я упоминал, что его перевели, – сказал Бассандер и рубанул по воздуху ладонью. – Венанциан выклянчил ему место среди стратигов.

– За боевые заслуги? – ехидно спросил Лориан. – Трусливый крысеныш. Ему должны были приказать перерезать себе глотку.

– Лориан... – предупреждая одернула Валка.

– Ничего, – заступился за него я. – Лориан прав. Он ни на что не намекал.

Я покосился через плечо на интуса, который растерянно насупился.

Лин кашлянул и произнес:

– Император ни за что бы не приказал вам совершить самоубийство. Ценнее вас никого нет.

– Похоже на то, – согласился я, возвращая разговор в прежнее русло. – Кого еще мне следует опасаться?

– Булсара тоже не в восторге, – назвал Лин главу министерства по делам колоний. – Но я бы не спешил записывать его во враги. Вы же его знаете. Любит, когда все по плану, без сюрпризов. А еще Масса говорил, что схоласты негодуют. Вы разрушили все их предсказания.

Валка фыркнула.

Из-за приземистого грузового корабля показался хвостовой плавник «Ашкелона». Идти оставалось недалеко.

Когда мы добрались до угла грузовой площадки, Лин сменил тему:

– Сельсины уже почти сотню лет не нападают. Картея – одна из последних разоренных ими планет.

– У них были другие дела. Дораяика протрубил всеобщий сбор... – ответил я, но вдруг задумался, сопоставляя дату нападения на Картею с аэтаванни.

С того судьбоносного дня на Эуэ прошло почти семьдесят стандартных лет. Разорение Картеи случилось за двадцать лет до этого. Двадцати лет было вполне достаточно, чтобы Бледные добрались от центаврийских провинций до не обозначенных на карте регионов галактического севера. Их громадные корабли-миры были гораздо быстрее наших крейсеров. Могучие двигатели, благодаря которым они одолевали световые годы, разгонялись до варпенной скорости дольше наших, но их мощность позволяла искривлять пространство гораздо быстрее.

– Скоро появятся, – сказал я. – Дораяике нужно было подкрепить свою власть над кланами.

Я посмотрел на облака, как будто мог разглядеть за ними Дхаран-Тун и тысячи других сельсинских кораблей-планет, слепыми глазами глядящих сквозь пелену.

– Бассандер, сейчас затишье перед бурей, – пояснил я и остановился, пропуская пару схоластов, подхвативших полы своих зеленых мантий, чтобы не испачкать в грязи. – Как прежде уже не будет. Теперь они организованны. Следует ждать координированных атак по всей Империи. Не только здесь. Они будут наносить массированные удары. По верфям, по базам снабжения. Может, даже на Несс пойдут.

– И про Содружество не стоит забывать, – вставил Лориан. – Раздробить провинции – первоочередная задача. Если получится, то пойдут дальше, в Стрельца и до Шпоры. Атакуют Форум, Авалон, Ренессанс – все старые планеты...

– Землю, – едва слышно прошептала Валка.

– Почему они сразу не ударят в центр? – недоверчиво покачал головой Лин.

– Даже зная координаты, Дораяика понимает, что те системы хорошо защищены, – ответил я.

– А также знает, что император сейчас здесь, – добавила Валка.

Мы снова были вынуждены остановиться, пропуская шестиногий танк. Эта массивная, похожая на жука-скарабея машина покачивалась, утрамбовывая широкими ступнями мягкую землю.

– А также знает, что император сейчас здесь, – повторил я слова Валки, прислушиваясь к гулу и топоту могучей машины и дотронувшись до шрама на виске.

«Перфугиум. Ванахейм. Баланрот».

– Мы будем готовы к нападению, – сказал Бассандер и неровным шагом приблизился ко мне. – Думаете, победим?

Я оглянулся и увидел в его темных глазах благоговейный трепет – и ужас, – который видел еще на «Демииурге». Этот вопрос задавал не трибун Лин, а Бассандер-фанатик.

– Не знаю, – ответил я, и это была чистая правда. – Бассандер, я не ясновидящий.

Тихий показывал мне будущее, но целиком, включая все эпизоды прошлого и настоящего и все вероятные состояния будущего. Я видел слишком много, чтобы дать точный ответ на этот вопрос и ему подобные.

– Но вы здесь неспроста, – сказал Лин. – Вы снова спаслись, когда не смогли другие. Это наверняка не случайность.

– Все может быть, – кивнул я, положив руку ему на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.